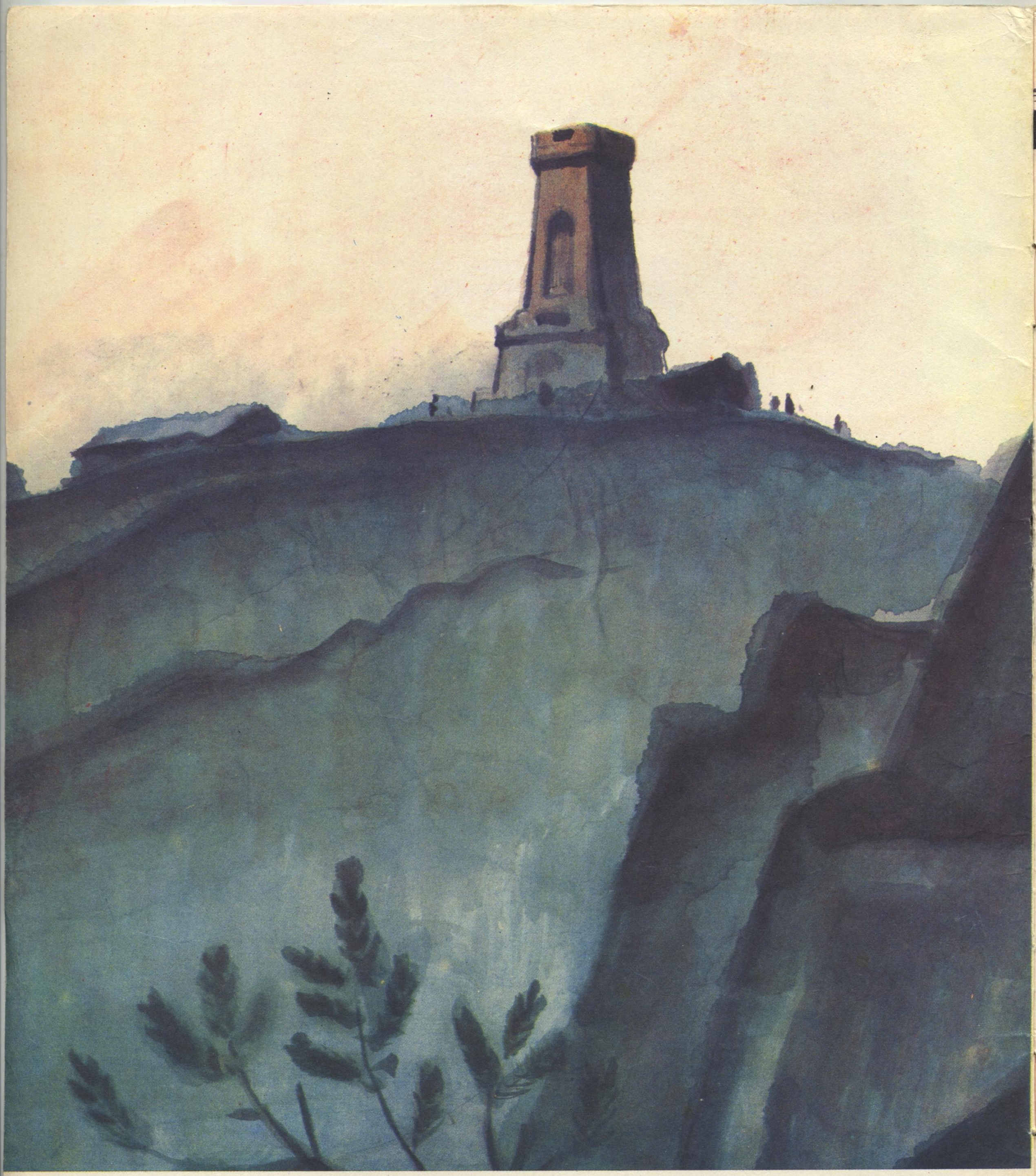
Костёр

6
ИЮНЬ
1968



В. Ветрогонский

АКВАРЕЛЬ (*фрагмент*)

Костёр
6
ИЮНЬ
1968

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Экзамен
рассказ БРАНКО ЧОПИЧА 5

Две крошки
сказка АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА 7

Дупло старого дуба 9

Со дна великого Пермского моря
очерки И. ВОЙТЕНКО 10

Энтомоптер
повесть Н. ВНУКОВА 14

Страна поэзия — стихи Я. Смелякова 30

Плохих детей нет
очерк Ю. АЛЯНСКОГО 32

Я еду
стихи С. КОГАНА 37

Побег
повесть О. ГОФМАНА 38

Библиотека КОСти ТЕРкина
рецензии Н. СЛАДКОВА 43

Уголёк
журнал для малышей 49

День Робин Гуда
игра Игн. ИВАНОВСКОГО 51

Символический футбольный матч 53

Морская газета 57

„Тунец“ на рыбной дороге
репортаж И. ОБЛЕНОВА 58

Что? Где? Когда? Почему?
Заметки, фото, рисунки 60

Шахматы и шашки 63

ДРУЖБА

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ „КОСТРА“

В конце июля в Софии, столице братской Болгарии, откроется IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Несомненно, в дни праздника Дружбы члены нашего клуба душою будут там, в стране горячего солнца, синего-синего моря, лесистых гор и розовых полей.

А хорошо ли вам знакома Страна Фестиваля?

10 вопросов о Болгарии

Победители получат награды

Художник В. Ветрогонский исколесил с красками и кистями все дороги Болгарии. Его рисунок напечатан на второй странице обложки.

Где находится памятник, привлекший его внимание? В честь какого события он воздвигнут (2 очка).

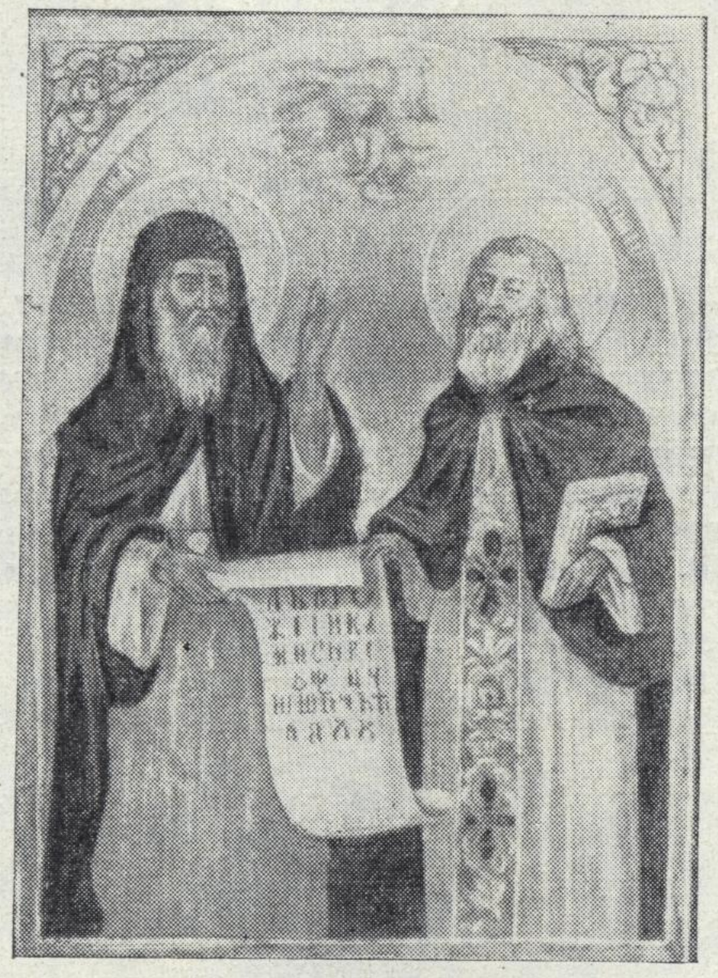
Кто в Болгарии носит значки с такой эмблемой? (1 очко).

В этом доме заседает Народное собрание, верховный орган государственной власти Народной республики Болгарии.

Как называется бульвар в Софии, на котором стоит это здание? (2 очка).

Давно ли София стала столицей страны? (1 очко).

Назовите прежние столицы Болгарского государства (по 1 очку за каждое название).



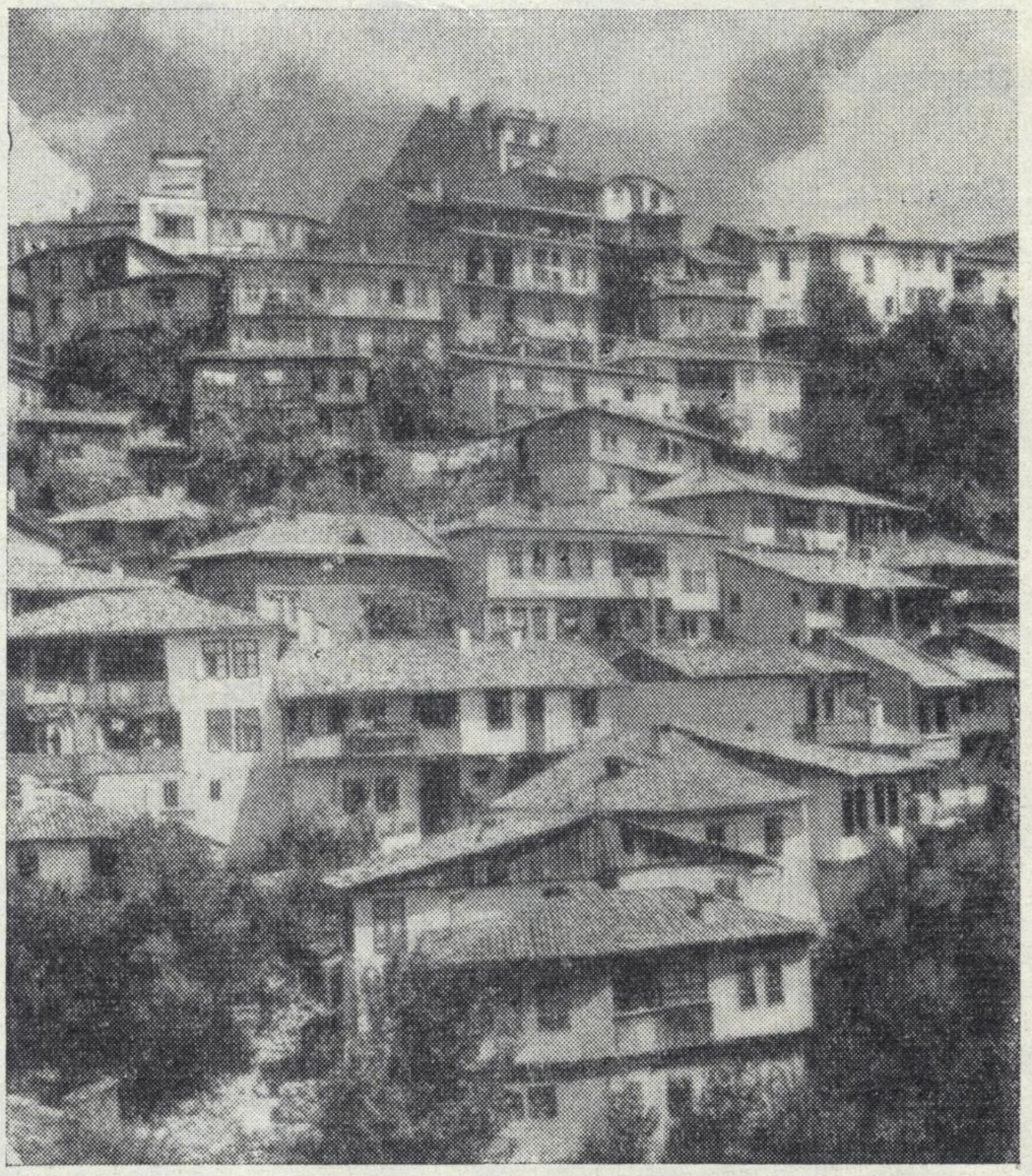
Этим святым со старой иконы место, вроде бы, только в церкви. Однако народ социалистической Болгарии каждый год торжественно празднует день их памяти.

Чем прославились эти два монаха, и за какие заслуги их чтут в Болгарии все от мала до велика — старики и дети, верующие и неверующие? (5 очков).

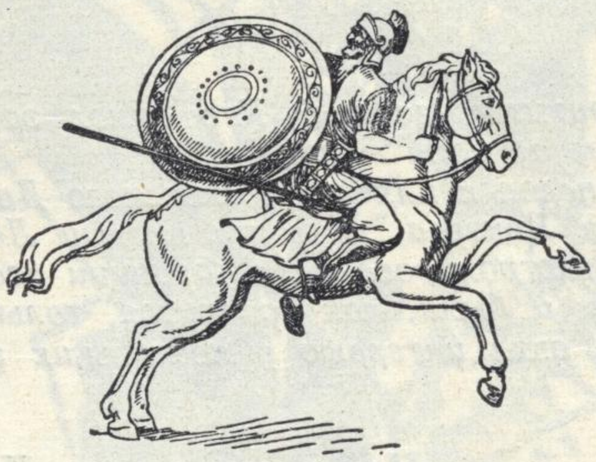
По улицам этого старинного города ходил, как завороженный, болгарский писатель Иван Вазов. Он писал: «И глядя на этот невероятный, невозможный город, я думаю, что это видение, сон, обман зрения! Вряд ли есть еще в мире город с таким живописным местоположением...»

А в письме, которое отправил отсюда неизвестный русский солдат, были такие строки: «Вчера мы освободили интересный город. Дома здесь стоят друг на дружке, лошади живут в комнатах, а ослы пасутся на крышах».

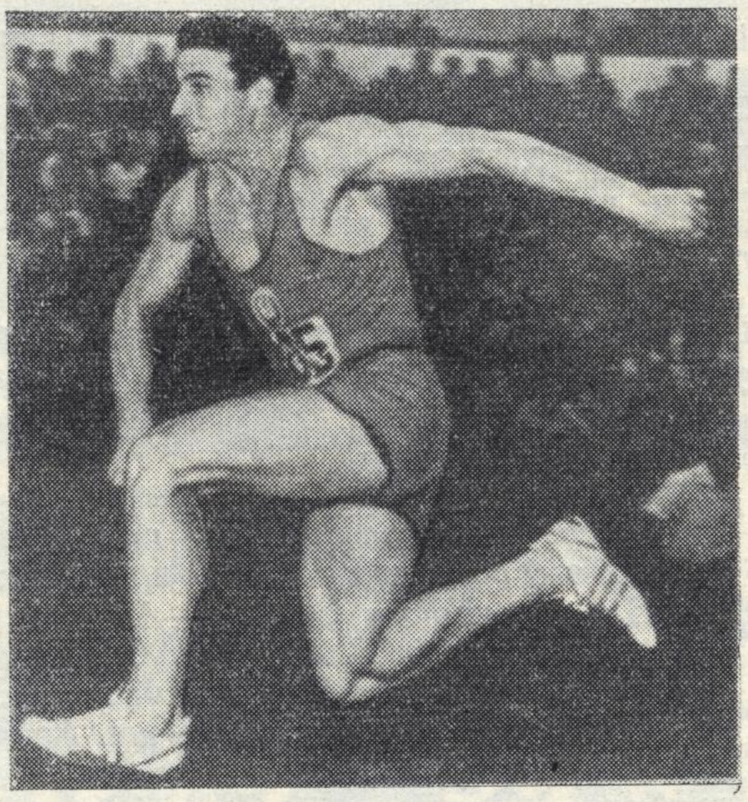
Как называется этот город? (3 очка)



Тому, кто начитан в мифологии и древней истории, не составит большого труда узнать и этого легендарного певца, и этого доблестного воина, вождя восставших рабов.

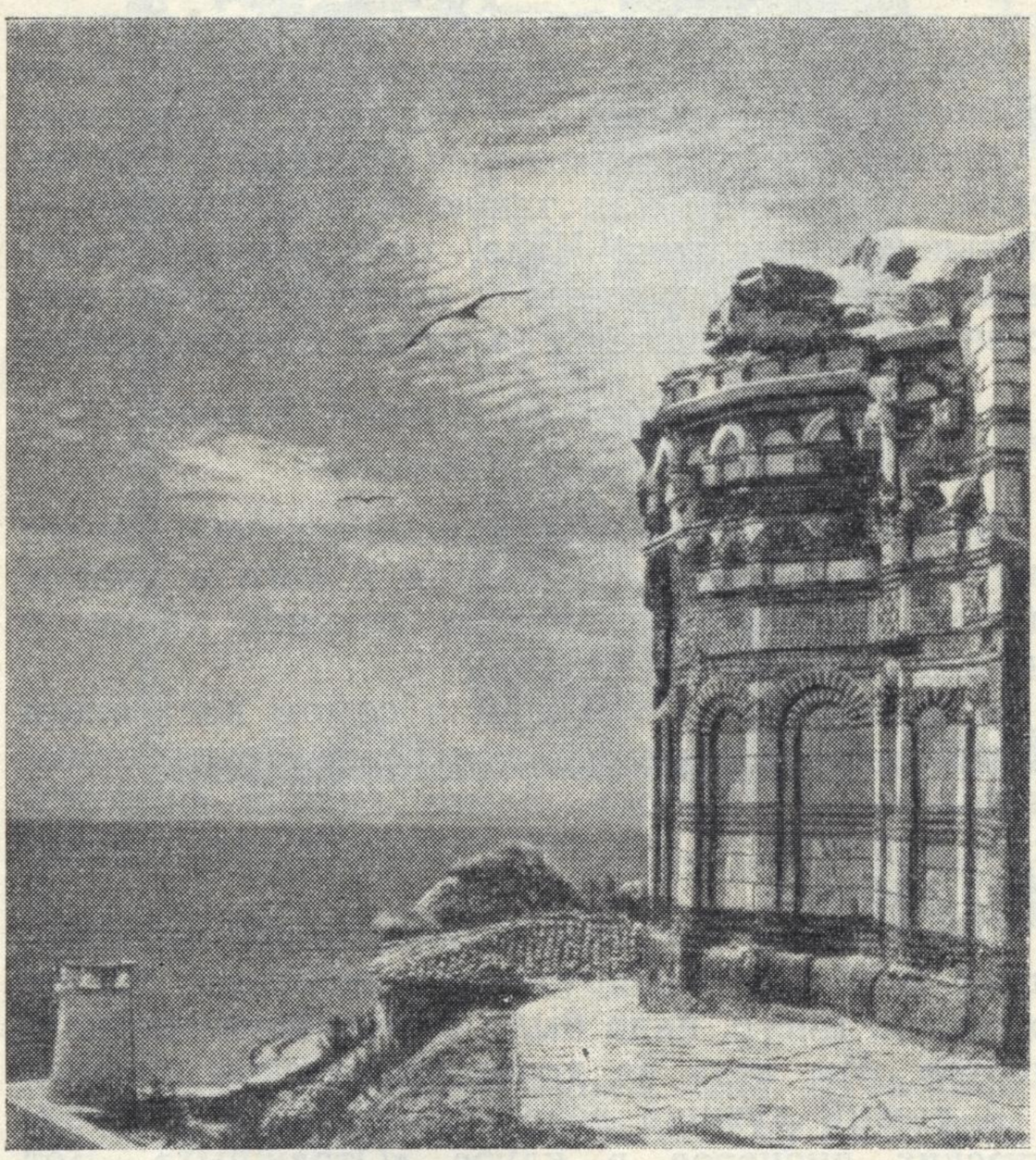


А теперь ответьте — что общего между этими людьми и что общего со страной Болгарией у них обоих (5 очков).



На снимке известный болгарский спортсмен, чемпион Европы.

Назовите его имя, вид спорта, в котором он выступает, и тот результат, который принес ему золотую медаль чемпиона (4 очка).



А этот уголок Болгарии пришелся по душе советскому писателю Константину Паустовскому. Вот его слова: «Кто читал Грина, представляет описанные им, но не существующие города Зурбаган, Гель-Гью... Схожесть этого портового городка с чудесными городами, описанными им, поразительна. Признаться, я не думал, что на свете существуют такие гриновские города».

Подскажем — именно здесь снимался советско-болгарский фильм по роману Александра Грина «Бегущая по волнам».

Как называется этот «гриновский» городок на болгарской земле? (5 очков).

Не отступайте, если не сможете сразу ответить на вопросы нашей викторины! Ищите ответ в книгах! Спрашивайте старших!

Ответы присылайте в редакцию до 1 августа.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КЛУБ „КОСТРА“

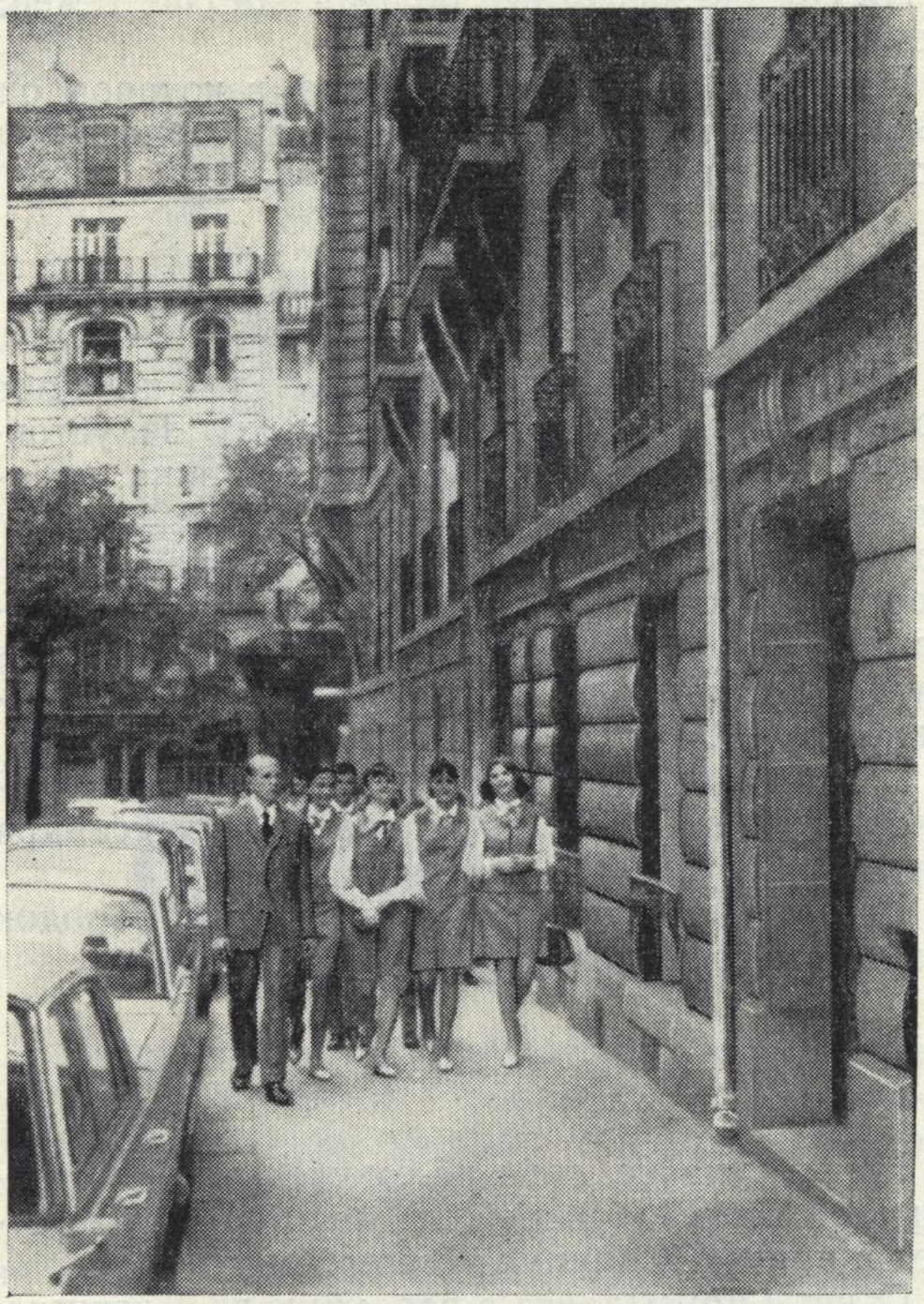
«Они прыгают, как мячики пинг-понга, сходятся и расходятся, как лепестки подсолнуха, превращаются в индейцев, кубинцев, негров. Они лукавы и жизнерадостны и готовы, как говорится, начать хоровод с ребятами всего мира». *(«Монд»)*

«Прежде всего позвольте дать вам совет, скорее идите во дворец Шайо—там вас ожидает замечательное зрелище, вселяющее силы и возвышающее душу».

(«Юманите»)

О ком так восторженно пишут парижские газеты? Кто сумел заслужить такие отзывы в городе, где гастролируют лучшие артисты мира?

Ну, конечно же, это он — Ансамбль песни и пляски Московского Дворца пионеров под руководством Владимира Сергеевича Локтева, лауреата премии Ленинского комсомола. Сто пятьдесят юных москвичей гастролировали во Франции осенью прошлого года. А когда они вернулись на Родину и были, как говорится, только что из Парижа, наш корреспондент Евгений Рейн взял интервью у нескольких участников ансамбля.



Париж, улица Мари — Роз, 4. Здесь когда-то жил В. И. Ленин.

Что сказала Лена Алексеева

Я учусь в шестом классе 33-й московской школы. Школа наша — «французская». Я немного говорю по-французски и перед концертами обращалась к публике: «Добрый вечер! Мы дарим вам от всего сердца наши песни и танцы».

Французы — народ очень отзывчивый. Если ребятам задавали вопрос, я иногда переводила. Разговор всегда завязывался веселый и дружеский. А однажды нам такую куклу подарили — большую, красивую! Чудо, хоть в музей отдавай! (Я эту куклу видел и подтверждаю — действительно, замечательная кукла. Евгений Рейн).

Что рассказали Саша Носов и Витя Соболев

Что нам больше всего понравилось? Много чего. Вот «ИЛ-62», двигатели у него в хвосте, лететь очень удобно, почти никакой качки, и шум в самолете не слышен.

А жили мы во Франции в самом настоящем замке, с башнями. Это в деревне Трильбардю, недалеко от Парижа. Замок купили французские коммунисты, и в нем отдыхают дети парижских рабочих.

Около замка большая поляна, на ней мы играли в футбол с французскими ребятами. Но не особенно много, надо было беречь ноги для концертов. Мы ведь из хореографической группы.

А самый лучший вечер мы провели у французских пионеров в клубе «Отважных». Вот было весело — все свои!

Обратно мы летели вместе с нашими футболистами. Яшин сидел сразу за нашими креслами.

НАШ АДРЕСНЫЙ СТОЛ

Многие ребята спрашивают нас, в каких конвертах посылать письма зарубежным друзьям, сколько марок наклеивать. В страны народной демократии письма отправляют в простых конвертах и авиапочтой. Посылая письмо в любую другую страну, наклейте марок на 16 копеек.

А теперь — два новых адреса:

Jugoslavija — Югославия
Пионерский дом «Карпош»
г. Skonje

НРБ — БЪЛГАРИЯ
г. Пловдив
училище «Иоаким Груев»
клуб на ДРУЖБАТА

ЭКЗАМЕН

РАССКАЗ

Бранко Чопич

Рисунок Т. Капустиной

Учитель начальной школы села Дуба был несколько странным человеком. Ему было уже за сорок пять, и жил он в далеком горном крае, окруженный голубями и детьми. В их обществе он был всегда добродушно ворчлив, будто готов в любую минуту сказать: «Но-но, знаю я вас. Напрасно вы пищите и галдите, меня не проведешь...»

У него не было семьи. Единственный его сын жил где-то далеко в городе, у тетки, а его жена, госпожа Лепа, хрупкое создание с голубыми глазами, уже давно покоилась на сельском кладбище, под сенью старых вишен. Возле низкой ограды ее могилы дети играли в прятки, а над нею в кроне вишен чирикали воробьи. То был веселый уголок, наполненный ребячьим гомоном и беготней. Во всяком случае, доброй госпоже Лепе скучать не приходилось.

Так и жил учитель в селе, в своем многочисленном шумном семействе мальчишек и девчонок. А когда они под вечер расходились

по домам, компанию ему составляли только голуби. Однако с первыми сумерками сонливые птицы забивались под крышу, и учитель оставался один в затихшей школе. Что оставалось делать старому добропорядочному человеку? Быть может, просто-напросто забраться в кровать, подобно любому из его малышей, укрыться потеплее с головой и проворчать: «Ну, что же, соснем, а?»

Раз в три-четыре месяца, когда сельский староста приносил в школу письмо из далекого города, старый учитель отпускал учеников домой намного раньше обычного. С шумом и визгом детвора мчалась по дороге. Забытые голуби уютно устраивались в гнездах, а учитель сидел у окна своей комнаты над раскрытым письмом, глотая слезы и растроганно бормоча:

— Ну-ну, все-таки вспомнил батьку. Великолепное письмо от молодого человека. Тебе ведь уже двадцать первый, насколько я помню, а?

Когда началась война, учитель перед уходом на мобилизационный пункт в последний раз собрал учеников проститься.

К четвертому классу он обратился особо:

— Не позорьте меня сейчас, перед окончанием учебного года. Дети вашего возраста в городе учатся уже во втором —третьем классе гимназии, а посему не смейте озорничать. Четвероклассник — это уже настоящий мужчина.

Четвероклассники, как это было заведено в том горном крае, заканчивали школу, и в свои четырнадцать-пятнадцать лет считались уже взрослыми людьми, которым можно поручить любое дело в поле, по дому и в хлеву.

На прощание учитель еще раз обернулся и погрозил четвероклассникам пальцем:

— Вы — самые старшие, ведите себя хорошо. Когда я вернусь — устрою вам экзамен. Строгий экзамен, слышите?!.

С того дня прошли годы. Окончилась короткая война, пришла оккупация, а за нею грянуло восстание, длительное, кровавое...

Однажды утром над селом появились вражеские бомбардировщики. Несколько раз они с грохотом пронеслись низко над школой, оставляя за собою клокочущий вулкан стали, огня и дыма.

А когда самолеты окончательно исчезли и дым начал рассеиваться, стало ясно, что у голубей нет больше своего уголка. Они осыпали дикую грушу во дворе школы и долго и тревожно ворковали, готовясь к холодному неуютному ночлегу под открытым небом.

Через три-четыре месяца после окончания войны ребята из села Дуба встретили в ближнем лесу седого сухощавого старика. Он стоял на опушке березовой рощи, приставив ладонь ко лбу, а когда заметил пастушонка, встревоженно спросил его:

— Мальчик, я что-то не вижу отсюда крышу школы. Или мои глаза стали совсем плохи, или что-то другое мешает...

Ребята молча переглянулись, а затем один из них, самый бойкий, шмыгнул носом и невесело объяснил:

— Школу разбомбили немцы во время четвертого наступления.

— Бедная моя школа, — пробормотал устало старик и торопливо зашагал к селу.

Глядя ему вслед, самый старший из ребят, что-то припомнив, серьезно сказал:

— Это наш старый учитель, о котором на селе так много рассказывают. Когда он ушел на фронт, мы были еще маленькими...

А тихой лунной ночью в развалинах школы состоялся необычный экзамен. За растрескавшейся облупившейся кафедрой сидел старый учитель, серьезный и торжественный. Перед ним стояли парты, поврежденные при бомбардировке, обмытые дождями. Тоскливо было смотреть на эти пустые парты... Только там, на последней парте сидел офицер, бывший командир молодежного партизанского батальона, родом из Дуба.

— Уходя на фронт, я оставил в этом классе двадцать учеников. Посмотрим, чему научились мои дети и как показали они себя в трудный для Родины час. Начнем по алфавиту: Банович Петар...

...С первой парты поднялась легкая прозрачная тень, видимая и знакомая только учительскому глазу.

— А ну, Перо, расскажи нам, как ты вел себя, когда нужно было защитить родную страну?

— Господин учитель, я был самым младшим в классе и меня еле-еле приняли связным в молодежный батальон, — прошептала тень, — целый год я был связным, переносил почту, а потом...

— Что было потом?

— Наткнулся на засаду, переходя железнодорожное полотно. По мне открыли огонь из пулеметов, изрешетили пулями...

— Был смертельно ранен, но успел спрятать письмо. До сих пор не знаю, куда он его дел, — добавил командир батальона. — Около него ничего не нашли.

— Пока силы еще не покинули меня, я засунул письмо в куст ежевики, — прошептала тень.

— Хорошо, очень хорошо, Петар! — похвалил учитель. — Садись, ты заслужил пятерку...

— Бранко Десница! — вызвал учитель, и снова тень поднялась над школьной партой. — Ну, Бранко, ты был самым старшим в классе, что ты нам можешь рассказать?

— Да чего там... — тень пожала плечами точно так же, как это всегда делал молчаливый, упрямый Бранко. — Я защищал госпиталь в горах. Немцы подползали со всех сторон, а я стрелял, пока не кончились патроны...

— Мы нашли его, перемазанного сажей, с опаленными волосами и обгоревшими руками, в снегу, около разбитого пулемета.

— Отлично, пять! Как ты думаешь, товарищ майор?

— Выше пяти, намного выше.

— Мария Попович...

Тоненькая тень затрепетала над партой, стоявшей у окна.

— Мария, ты же всегда была так боязлива...

— Да, господин учитель. И на фронте, вынося раненых с передовой, я вздрагивала от каждого выстрела, от каждой вспышки ракеты. Сжав зубы, закрыв глаза, я боролась с собой, чтобы до конца остаться на своем месте.

— А когда Марию ранило, никому так и не удалось вынести ее. Так и погибла она на передовой под перекрестным огнем фашистов, хлеставших раскаленным железом, — тихо добавил командир, — умерла, истекая кровью и изнывая от жажды... Бедная девочка...

— Милая моя, бесстрашная малышка,— прошептал учитель...

Так один за другим вставали тени бывших учеников четвертого класса, девчонок и мальчишек, погибших на фронте или разбросанных войной по всей родной земле. А когда последний, погибший где-то под Караванками, закончил свой рассказ, учитель выпрямился за кафедрой, и в мертвой тишине развалин под ночными звездами торжественно прозвучал его голос:

— Поздравляю весь четвертый класс с отличной сдачей экзамена. Я прошу своих дорогих ребятишек простить меня, если я когда-нибудь кричал на них. Это было для их же блага, только для них... Поверь мне, Родина!

Перевела с сербского И. Боброва

ДВЕ КРОШКИ

СКАЗКА

Андрей Платонов ***Рисунки К. Савкевич***

Жили две крошки. Обе они были маленькие, обе черные, а отцы у них были разные: одна Крошка родилась от Хлеба, а другая от Пороха. Жили они в бороде, а борода росла на лице у охотника, а охотник спал в лесу на траве, а возле него дремала собака. Дело началось с того, что поел охотник хлебной мякоти, потом ружье зарядил, а потом рукою бороду оправил, две Крошки сошли тогда с его ладони и остались жить в бороде.

Вот живут две Крошки одна около другой; дела у них не было, заботы нету, стали они гордиться.

— Я, — говорит Крошка, что родилась от Пороха, — сильная, я страшная, я огонь, я всю землю спалю! А ты? — спрашивает она.

Отвечает ей Хлебная Крошка:

— А я, — говорит, — человека накормлю!

— Корми, — говорит Пороховая Крошка, — да от меня, гляди-ко, и человек сгорит!

Хлебная Крошка ей:

— Ан нет! — говорит. — Человек-то ум из Хлеба берет, а умом он и огонь одолеет! А я хлебная дочь: стало быть, я сильнее тебя!

Осерчала Крошка от Пороха:

— А что ж, — говорит, — что сильнее, да зато я злее!

— А если ты злее меня, — сказала тут Хлебная Крошка, — так я добрее тебя.

— А давай нашу силу пытать, — сказала Пороховая Крошка. — Как вспыхну я сейчас, так и сожгу и тебя и человека! Кто тогда сильнее будет?

— Меня ты одолеешь, — ответила Хлебная Крошка, — а человека не осилишь!

— А человек-то спит теперь, — сказала другая Крошка, — я его и одолею. Гляди-ко, я вспыхну сейчас!

— Обожди гореть, — попросила Хлебная Крошка. — Сперва моя очередь силу пытать.

— Нет, я первая буду! — закричала Крошка от Пороха.

— Нет — я! — сказала Хлебная Крошка.

— Сейчас я тебя огнем спалю!

— А я человека разбужу!

— А я и его сожгу!

— Ан нет! Он-то сильнее тебя!

Поползла тут Пороховая Крошка к Хлебной, чтобы поближе к ней быть да получше ее спалить. А Хлебная Крошка уползла от нее подалее и добралась до глаза спящего охотника; видит она веко, которым глаз был закрыт, влезла Крошка на то веко и сидит на виду. «Чего, — думает, — делать буду?» Увидела она воробья. Сидит тот воробей на ветке и смотрит на Хлебную Крошку: хочет он склевать ее, да человека боится.

— Съешь меня, — попросила Хлебная Крошка, — я мягкая. — «Чего, — думает, — я в огне-то буду гореть, лучше воробья накормлю».

А Пороховая Крошка подползла к ней совсем уж близко, вот-вот вспыхнет от злобы.

Осмелел воробей, слетел с ветки и сел охотнику на лоб. Тут охотник пробудился от воробья, открыл глаза, снял с века Хлебную Крошку, поглядел на нее, в рот ее бросил и сжевал: пусть добро не пропадает. А воробей склевал поскорее Пороховую Крошку, — думал, что она хлебная, — и взлетел к небу от страха.

В то время Хлебная Крошка вошла в человека, обратилась в его кровь и сама стала человеком. А Пороховая Крошка тотчас же вспыхнула внутри воробья: воробей испекся в огне и пал на землю.

Охотник увидел, что возле него упал на траву печеный воробей, и отдал его своей собаке. Собака съела воробья и поглядела кверху: не упадет ли еще оттуда такая же печеная птица.

А Хлебная Крошка, что жила теперь заодно с человеком, улыбнулась и промолвила: «Всю землю хотела опалить, да только воробья испекла!»

Тем и кончилась ссора двух Крошек в бороде уснувшего человека.

Семнадцать лет назад умер писатель Андрей Платонович Платонов. Добрый, требовательный, мужественный. Когда я вхожу в дом на Тверском бульваре, мне невольно кажется, будто хозяин вот-вот появится здесь. Семнадцать лет прошло, но в доме на Тверском так часто повторяют его имя, что и впрямь думаешь: не навсегда, а ненадолго он отлучился по своим делам и сейчас вернется...

В прихожей раздается звонок. Почтальон. Он выкладывает на стол пакеты, письма со штампами международных почт. В пакетах книги Андрея Платонова, в письмах редакторы и издатели просят прислать еще не публиковавшиеся его произведения.

Да, Андрей Платонов вернулся в свой дом на Тверском. Имя Андрея Платонова, замечательного русского писателя, давно перешагнуло рубежи нашей страны. На английском, японском, французском, польском, венгерском, чешском, румынском издаются его книги. В домашней библиотеке семьи Платоновых, за стеклом выставлены разноцветные томики на всех языках.

В нашей стране вышло 22 сборника повестей и рассказов Андрея Платонова. Но в архиве писателя сохранились еще не опубликованные произведения, среди них есть и сказки. «Две крошки» — одна из таких сказок, еще неизвестная читателю.

Н. Тюльпинов

Фото Р. Мазелева

Доты — старые солдаты,
Позади война,
На груди бетонной — даты,
Словно ордена...

Где рвались снаряды вражьи,
Там сегодня — мир,
И растет многоэтажье
Солнечных квартир.

На заслуженном покое
Доты-старики,
Но по-прежнему, не скрою —
Плечи их крепки!

А. Крестинский

Вчера мы нашли в дупле ответ на письмо Люды М., шестиклассницы из Горького. Люда писала нам: «А еще у нас в классе есть мальчики, которые издеваются над девочками, дразнят и вообще не считают за людей». Кто же ответил Люде? Это верный друг и постоянный читатель нашего журнала, студент I курса Высшего художественного училища имени Мухиной Володя Цивин. Несколько лет тому назад Володя работал вожатым в лагере «Орленок». Вот Володин ответ:

Фатима не подведет

Был у нас в пионерлагере «Орленок» один отряд. Ребята со всей страны и, между прочим, тоже шестиклассники. Валерка Жуков приехал из Сибири. Этот Валерка был грозой девчонок. За косы не дергал, не дразнил — просто презирал. Как-то перед походом в горы сдавал Валерка рапорт (он был дежурный командир) и сказал так: «Отряд в количестве пятнадцати человек построен». «То есть как — пятнадцати?» — удивился вожатый. В отряде было еще десять человек — девочки...

Рапорт Валерке пришлось, конечно, пересдать.

В походе, стоило только отстать кому-нибудь из девочек, Валерка останавливал отряд, дожидался отставшую и громко, но ни к кому не обращаясь, произносил: «Какой от них прок — обуза, и все».

Однажды разбили лагерь у подножия горы Семашко и начали восхождение. Шли по звериной тропе. Отряд вел проводник, а Валерка остался в лагере за сторожа, да еще Лена Горовина осталась — она заболела и лежала в палатке.

Часа через два догоняет нас Ленка. Запыхалась, бледная. Как только не заблудилась на этой звериной тропе. «Ты что?» А она: «Где медсестра? Надо возвращаться, Валерка ноги обжег. Кто-то камни в костре раскалил, а он наступил...»

Валерка обжегся здорово. Когда мы вернулись в лагерь, он лежал в палатке с забинтованными ногами. Мы удивились. «Это, — говорит, — Ленка мне первую помощь оказала...»

Прошел месяц. Были и ночные тимуровские рейды, и походы, и «огоньки» на берегу моря. Настал день первого ночного дозора на границе. Наш отряд помогал пограничникам. Командир отряда назначает дозор: «Валерка, Костя... Ну, кого еще?» — «Давайте Фатиму!» — говорит Валерка. — «Как же, ведь она девчонка?» — спрашиваю. — «Ну и что, — говорит Валерка, — это ничего не значит. Фатима не подведет».

А вот какое письмо мы только что обнаружили в дупле:

Дорогая редакция! Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Мы с подругой Н. дружим с мальчишками, а классная руководительница нашего восьмого класса считает их «отпетыми». Она почему-то не хочет, чтобы мы с ними дружили. Выходит так, что они отпетые потому, что учатся в вечерней школе, а раньше учились с нами. Наши встречи она считает сомнительными. Даже сказала об этом нашим родителям, хотя они прекрасно знают. А теперь, после ее слов, родители запретили нам дружить.

Ведь мы лучше знаем этих мальчишек, чем она. Ведь они ушли из нашего класса не просто так. Вовка Ц., например, ушел из-за того, что матери очень трудно, она уже пожилая женщина, а отца нет. Он пошел работать, помогать матери, значит, он «отпетый», да? Петька ушел из школы по такой причине — у его матери на руках еще двое. Ей легко, что ли? Петька не может устроиться на работу, ему только пятнадцать лет.

Что же нам теперь делать? Не бросать же с ними дружбы. По-моему, с мальчишками иногда бывает интереснее, чем с девчонками. Неужели она сама, наша классная руководительница, никогда не дружила с мальчишками?

Тув. АССР, г. Ак-Довурак, ср. школа, 8 «в» класс.
Гале Гореевой

СО ДНА ВЕЛИКОГО ПЕРМСКОГО МОРЯ

И. Войтенко

Рисунки А. Януса

О МАМОНТАХ И ДРЕВНИХ ЯЩЕРАХ

Однажды весь ученый мир был взбудоражен. На полуострове Таймыр в вечной мерзлоте тундры нашли хорошо сохранившегося мамонта. Не какую-нибудь там кость или бивень, а целое животное. Редчайшая находка, ведь мамонты исчезли 30 000 лет назад!

Склеивая найденные остатки доисторических животных, палеонтологи воссоздают облик древнейших обитателей Земли.

Если ученый найдет зуб ихтиозавра и напишет о нем научную статью — никто не удивится.

Если ты утверждаешь, что видел живого мамонта — над тобой посмеются и только...

Ну, а каково было мне встретить человека, который «распоряжается» существами, которым 250 миллионов лет. Не окаменелости! Живехонькие! Едят, двигаются, растут и размножаются. Я видел их своими глазами.

И не в Академии наук, а в маленьком уральском городке Березники в верховьях реки Камы, где глубоко под землей добывают калиевые руды.

СТРАННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Научная лаборатория на Березниковском калийном комбинате занимает длинный двухэтажный корпус. Сотни сотрудников исследуют новые калийные удобрения, ищут методы ускоренной добычи и переработки руды.

Ни одно растение не может жить без калия. Без него гибнет лес, пшеница, свекла — все гибнет. Ежегодно сельскому хозяйству требуются миллионы тонн калийных солей.

Возле шахт приютилась деревушка Тюлькино. За ней — песчаные косогоры, все в лишайниках, жалкие травы. Испокон веков здесь ничего не росло. А теперь — густой сосновый бор, пшеничные поля, луга великолепного клевера.

В чем же дело? В чем причина этих значительных перемен под Тюлькином? Здесь опытная станция изучает действие калийных удобрений на растения.

Но не опытная сельскохозяйственная станция при горном комбинате удивила меня. Почему бы ей не быть?!

Меня ошарашила дверь с табличкой ЛИДО — ЛАБОРАТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ ОРГАНИЗМОВ.

ЛИДО — самая маленькая лаборатория комбината. Ее руководитель геохимик Николай Константинович Чудинов. Он же единственный сотрудник.

Из Лондона, Рима, Нью-Йорка приходят на Урал письма с пометкой: «Мистеру Чудинову».

«Дорогой коллега! В наш атомный век ученых уже трудно чем-либо удивить. Но ваше потрясающее открытие поразило нас. С нетерпением ждем сообщений из вашей лаборатории».

Это письмо Чудинов получил от французского академика-микробиолога.

Калийная руда и древние организмы? Чудинов открыл гигантское кладбище древних организмов и растений. Но не только открыл, а научился оживлять их. Сказки о живой воде, которая способна воскрешать умерших, — только сказки. Такой воды не существует. И никогда не было, хотя некоторые организмы приспособились выживать в самых неблагоприятных условиях.

Летучая мышь зацепляется хвостом за какую-нибудь балку на чердаке, сворачивается в комочек и спит всю зиму. Зимой ей холодно, пищу взять негде. Висит такая мышь и не подает признаков жизни. Умерла? Нет, в ее организме протекают все жизненные процессы, правда, очень замедленно. Это состояние анабиоза.

Весной — с теплом и солнцем — оживет летучая мышь, оживут змеи в кучах старых листьев. Однажды в египетском захоронении в глиняном кувшине нашли неповрежденные семена лотоса. Ученые решили посадить их. Семена, пролежавшие 4000 лет, дали всходы. Это сообщение потрясло биологов: знали, что жизнеспособность организмов в определенных условиях может сохраняться довольно длительное время. Но уж, конечно, не миллионы лет. И тем более не 250 миллионов!

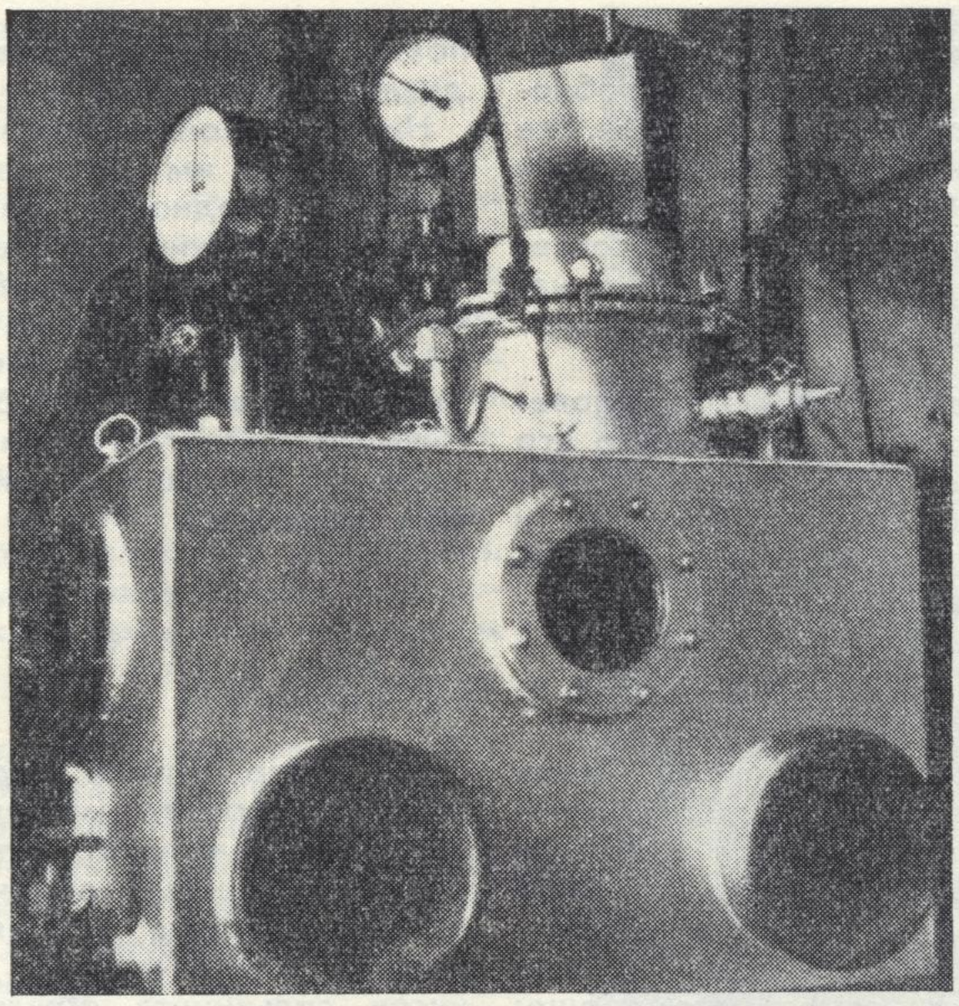
А Чудинов оживил организмы и растения времени палеозоя — эпохи чудовищных ящеров. В лаборатории живут микробы, бактерии, животные, которых до Чудинова не знала наука...

«Портрет» оживших организмов.

ГИДРООКИСЛЫ ИЛИ...?

Лет десять назад, сразу после пуска комбината стали происходить непонятные вещи. Сильвинит, руда, в которой содержится калий, обычно красноватого цвета с белыми прожилками чистой поваренной соли. Но иногда шахта выдавала нагора почти совсем красную руду. В подземных выработках увеличилось количество опасных газов: водорода и метана. Малейшая искра — и взрыв. В этом виновен красный сильвинит. Но ведь красный цвет руде придают гидроокислы железа. Так говорили самые крупные ученые. Действительно — посмотрите в микроскоп на тонкий срез руды — видны мельчайшие частички окислов железа в виде кристаллических скоплений. Но окислы железа и вредные газы — две абсолютно несовместимые вещи, ведь метан выделяется при распаде органических веществ.

Откуда они здесь под землей?! Главный геолог комбината долго



Это и есть «машина времени»

ломал голову над этой проблемой. Потом пошел к Чудинову и сказал: «Выручай, Николай! Только ты можешь разобраться в такой чертовщине».

Чудинов — геохимик. Он изучает историю химических элементов земли, состав руд. Чудинов взялся за это дело. Но, просмотрев сотни образцов под микроскопом, решил заняться чистой химией — подробнее исследовать нерастворимые остатки калийных солей. Что-то в их простоте ему не нравилось...

КРИСТАЛЛИКИ ОЖИВАЮТ?!

Лаборатория Чудинова от пола до потолка забита колбами, пробирками, термостатами, глыбами калийных руд, книгами. Повернуться негде. Чудинов восседал на лебедке с толстым тросом, когда я впервые пришел к нему.

Говорит мне Николай Константинович:

— В тесноте, да не в обиде, — зато мы в точности повторим мой первый опыт.

В небольшую пробирку мы налили дистиллированной воды и опустили кусочек сильвинита. Через несколько минут стали всплывать красноватые хлопья. Капля раствора аккуратно перенесена на предметное стекло микроскопа. Я прильнул к окуляру и увидел геометрически правильные кристаллики. В справочник не надо заглядывать. Ясно, что это железосодержащие минералы.

Чудинов улыбнулся, пожал плечами и просто сказал:

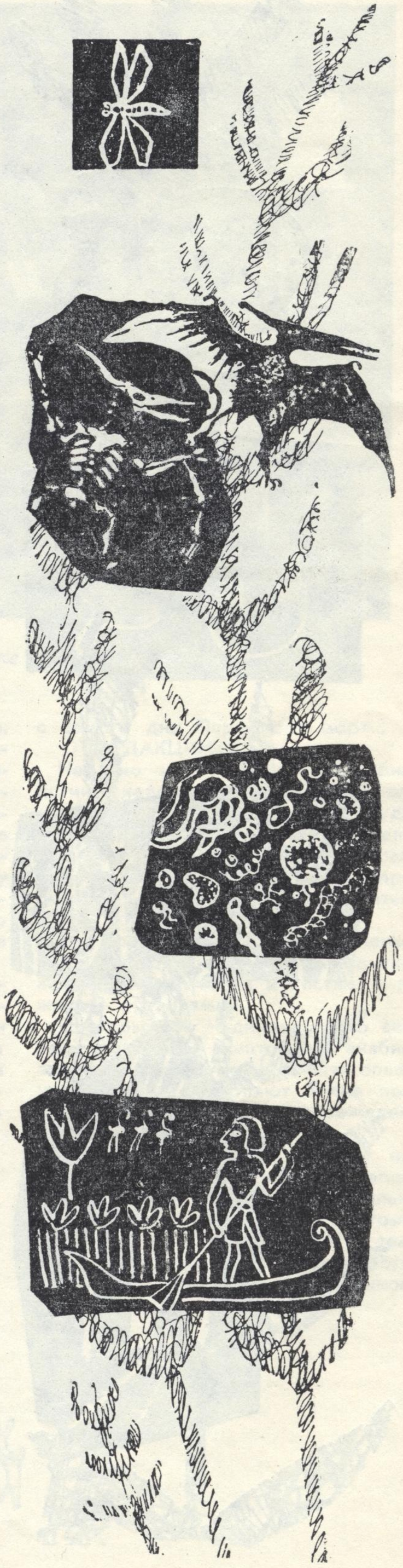
— Подождем, увидим!

Несколько дней я мыл колбы, готовил шлифы для микроскопа, пока снова не прильнул к окуляру. Что там творилось! Минеральные частицы стали зеленовато-серыми и расползлись как облака. Некоторые приобрели форму спрута, только щупальцев больше. В одном облачке я увидел зеленое ядрышко с хвостиком. Оно вдруг дернулось, закрутилось и помчалось по соляному раствору. Я обомлел: десятки зернышек, вращая хвостиками, как винтом, бороздили каплю в разных направлениях. Она была для них целым океаном.

— Да это же бактерии! — воскликнул я.

— Факт! — спокойно сказал Чудинов. — Бактерии и микробы ожили через 250 миллионов лет, именно столько пролежал сильвинит под землей! Я проделывал опыт за опытом, и всякий раз мнимые кристаллики гидроокислов превращались в колонии живых организмов. Похоже, что на глубине сотен метров, где всегда постоянная температура и куда не поступает кислород, они были законсервированы.

Чудинов сделал открытие. Но несколько лет он никому не говорил об этом. Нет, он не сомневался. Просто с любым ученым микробиологом он хотел говорить на равных. Скажи, что микроорганизмы оживил геолог — засмеют! Знание несколь-



ких языков помогло Чудинову изучить лучшие работы по микробиологии, зоологии, палеонтологии. Все это время он не прекращал своих опытов, подбирал документацию, фотографировал. Наконец, почувствовал себя подготовленным и написал о своем открытии в Академию наук.

Чудинову не могли сразу поверить, ему вежливо ответили, что его ожившие организмы времен палеозоя «не что иное, как бактерии и микробы, занесенные самим Чудиновым в соляной раствор из воздуха или из почвы».

Николай Константинович знал, что оживленные им организмы не описаны ни в одной книге. Значит, их просто еще никто не видел. Но и московские ученые были правы. Теперь за дело взялся не только геохимик и микробиолог, но и инженер Чудинов, ведь до Университета Николай Константинович закончил танковое училище и учился в военной академии...

МАШИНА ВРЕМЕНИ

В холодный сентябрьский день мы начали готовить к работе агрегат, похожий на глубинный батискаф. Это был второй вариант аппарата абсолютной стерильности — изобретение Чудинова. Но сам Николай Константинович называл его проще: МАШИНА ВРЕМЕНИ. Он строил ее с добровольными помощниками несколько лет и теперь законно гордится ею. Такая машина есть только в его лаборатории. Установка позволяет избавиться от «инородных» микробов и воспроизвести атмосферу любой доисторической эпохи.

В МАШИНЕ ВРЕМЕНИ Чудинов оживил десятки видов неизвестных микробов, растений, животных.

Николай Константинович вытащил из шкафа две колбы. В первой плавала водоросль нескольких сантиметров длины. Она была похожа на бамбуковую палку, только с очень тонкими стенками. Ни один музей не имеет такого экспоната. Во второй колбе в питательном растворе колыхалась белая студенистая масса вроде медузы.

Чудинов слегка потряс колбой и сказал мне: «Этому неизвестному животному 250 миллионов лет и 3 недели. За 18 дней оно выросло в тысячи раз.

— И может вырасти со слона?

— Хоть с кита. Только нужно сделать аквариум величиной с «дом и создать условия времени палеозоя!» Сейчас мы с тобой перенесемся в эпоху древних ящеров. В нашей машине.

Мы откололи от глыбы сильвинита трехкилограммовый кусок и внесли его в пламя газовой горелки. Внесли и жгли до тех пор, пока руда не оплавилась со всех сторон. Потом долго мыли сильвинит в формалине, убивающем все живое. Так же тщательно мы подготовили к опыту сверла, молоток, зубило, пинцеты, колбы. Инструмент мы загрузили на дно установки, а сильвинит в шлюз, задраенный стальной крышкой.

Все было готово. Чудинов нажал кнопку — взревел мощный насос, и стрелка манометра стала падать вниз: из машины выкачивался воздух. Раскаленная газовая струя ударила в шлюз машины. Целый час кусок сильвинита обжаривался при очень высокой температуре. Вряд ли какой-нибудь микроб мог выжить при такой жаре!

— Это еще не все! — усмехнулся Чудинов. — Для верности не хватает парилки!

Мы подцепили машину тросом, опустили ее в большую стальную камеру, тщательно завинтили все гайки, чтоб не сорвало крышку.

В подводящих трубах что-то заклокотало — в камеру ринулся раскаленный пар. Он бушевал там четыре часа, прежде чем мы извлекли на свет машину времени.

— Вот теперь полная гарантия, — сказал Чудинов, — что все микробы и бактерии, попавшие в машину из воздуха или от наших рук — погибли. Остается из самой середины куска сильвинита извлечь организмы палеозоя и оживить их.

Чудинов сунул руки в два отверстия — «перчатки» из десятимиллиметровой резины. Через несколько минут руда была осторожно вытащена из шлюза. Я следил за опытом через иллюминатор.

... Заработал мотор, автоматическое сверло углубилось в сильвинит... Дошло до середины. Удар — кусок раскололся надвое. Из самого центра в три колбочки посыпалась размолотая руда. В них питательный раствор времен палеозоя. Но и атмосфера должна быть того времени.

Из баллонов Чудинов подал в машину азот, кислород — все нужные газы в точно высчитанных пропорциях. Температура достигла 50 градусов. Сейчас в машине времени точно воспроизведены все условия, которые были на Урале 250 миллионов лет назад. Через несколько дней в растворах ожили древние организмы. Установка работала надежно.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДНО ПЕРМСКОГО МОРЯ

Не ищите его на современной карте. Нет такого моря. Но любой палеонтолог возьмет карандаш и очертит вам огромную территорию от Урала до Харьковской области. Сотни миллионов лет назад здесь плескались волны Великого Пермского моря.

Да, да, на дне его сейчас находятся шахты калийного комбината.

Мы с Чудиновым надели шахтерскую одежду, прицепили к шлемам фонари, и клеть понесла нас в глубь земли. На отметке 300 метров звякнул звонок, клеть остановилась. Мы вышли. Широкая подземная улица, ярко освещенная лампами, терялась в бесконечности. Мимо проносились электропоезда, груженные рудой. Откуда-то дул свежий ветерок.

Минут через 15 мы дошли до участка, где добывали сильвинит. По обе стороны от главной улицы в толщу сильвинитового пласта уходили гигантские пещеры. В одних гремели взрывы, в других раздробленную породу комбайны грузили в самоходные тележки. Словно светлячки, выползали они со всех сторон к главному конвейеру (транспортеру).

Удивительная картина предстала перед нами. По стенам пещер переливались волны. Мягкие красные слои, изогнутые в главные узоры, сочетались с молочно-белыми или нежно-синими слоями галита, обычной соли. Всеми цветами радуги сияли стены пещер, но преобладающим цветом был красный.

Чудинов отколол от стенки кусочек сильвинита.

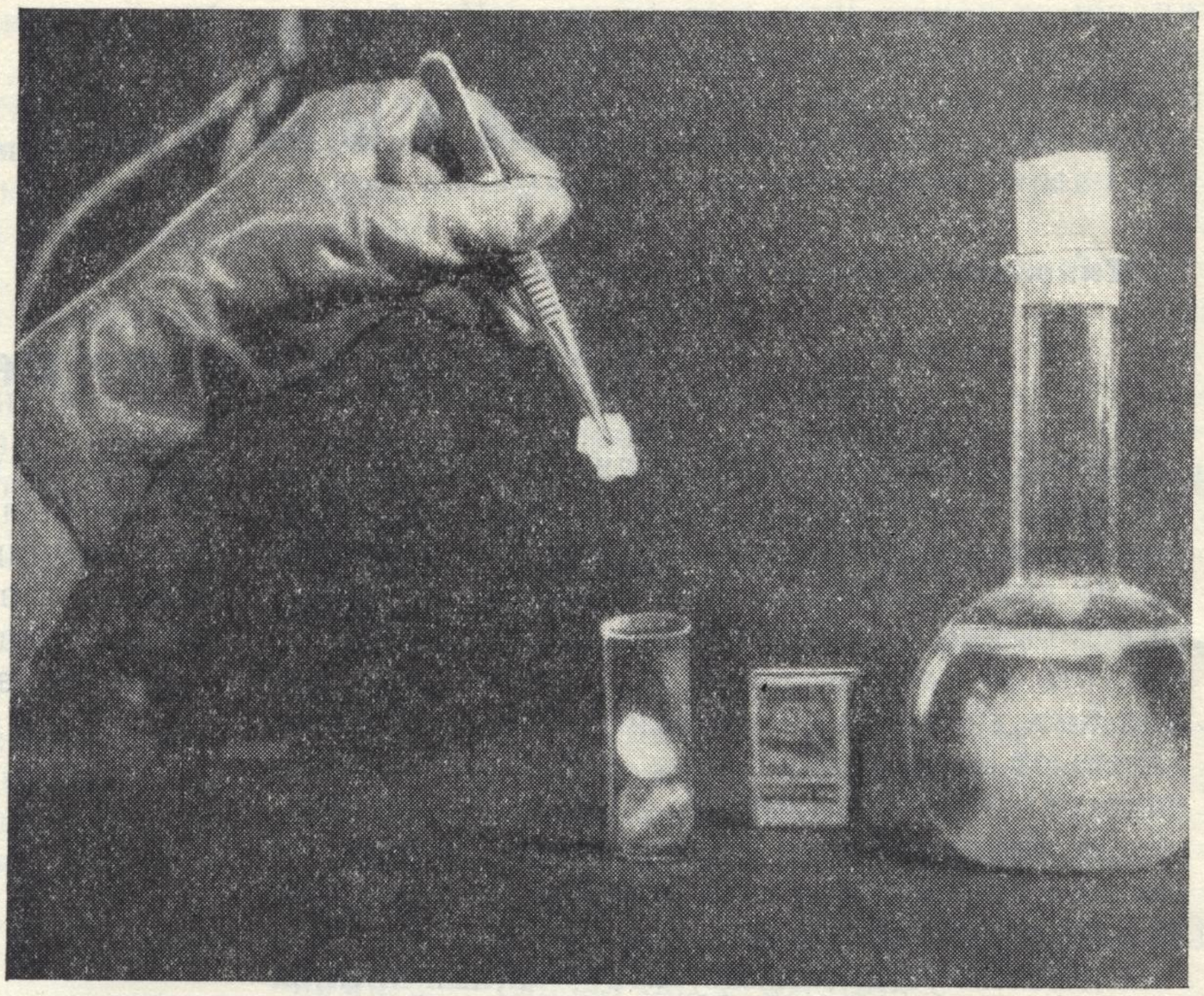
— Вот, — сказал он, — теперь ясно, что красный цвет придают руде не гидроокислы железа, а закристаллизованные в соляных толщах древние организмы. Их здесь миллионы тонн. Это натуральный белок, содержащийся в любой пище — потенциальный запас продовольствия.

Я нашел прямоугольный кристалл каменной соли и спросил Чудинова:

— Почему же слои каменной соли остались белыми?

— Сначала это тоже сбивало меня с толку. Но потом я догадался, в чем тут дело... Во времена палеозоя тоже были зима, весна, лето. Пермское море постепенно высыхало. Каменная соль обычно осаждалась в первую половину лета, когда было не особенно жарко. Живые организмы, густо заселявшие море, любили солнце и размножались обычно во вторую половину лета. В жару и осаждался сильвин — соль калия. Вместе с ним на дно опускались мириады попавших в кристаллы живых организмов.

Мы не нашли в шахте костей древних ящеров — не столь много было этих животных, чтобы остатки валялись под землей на каждом шагу. Но я положил себе в карман кусочек сильвинита с закристаллизованными древними организмами с самого дна Пермского моря...



В этом кусочке руды — жизнь!

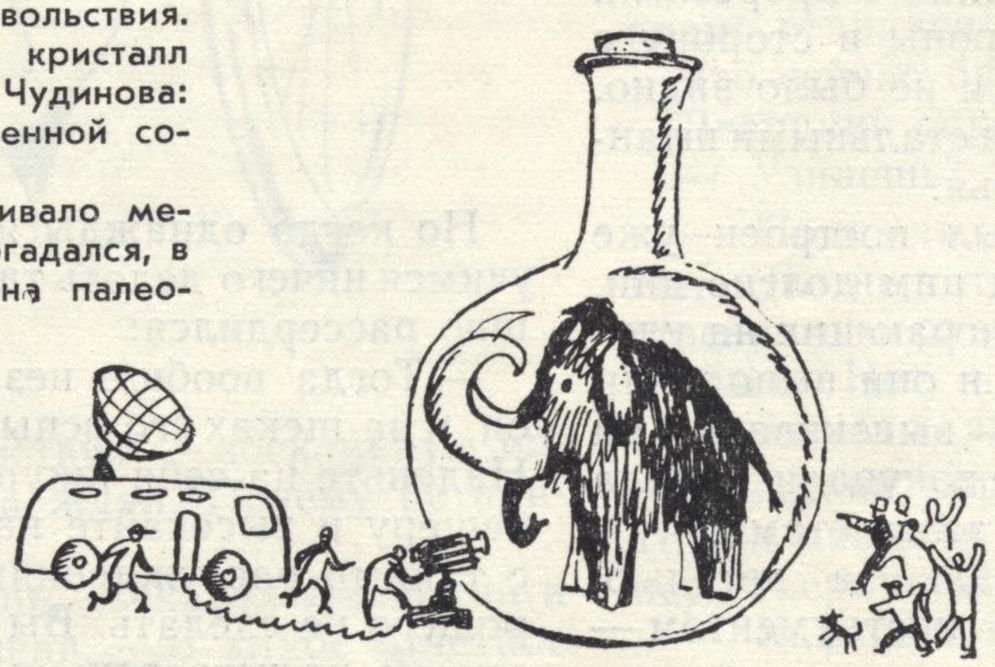
ОТ РЕДАКЦИИ

Недавно из Института микробиологии Академии наук СССР пришло сообщение, что опыты Н. К. Чудинова повторены и дали положительный результат. Геохимик с Урала доказал, что жизнь может в определенных условиях сохраняться сколь угодно долго.

Его открытие позволит ученым изучать эволюцию жизни не по окаменевшим ракушкам и костям, а по живым организмам.

С открытием Чудинова тесно связаны проблемы долголетия, анабиоза, консервации живого. Его опыты уже сегодня позволяют более полно осветить проблему зарождения жизни на Земле.

Как знать, чем еще поразят нас существа Пермского моря. Но вполне возможно, что через несколько сот лет человек не будет смотреть на чучело мамонта, а пойдет в зоопарк и посмотрит на него живого. На живого мамонта, выращенного в колбе.



ЭНТОМОПТЕР

ПОВЕСТЬ

Николай Внуков

Рисунки С. Острова

Теперь или никогда!

Размах крыльев — пять и две десятых метра. Материал — полиэтиленовая пленка на трубчатом дюралюминиевом каркасе. Вес каждого крыла два килограмма триста граммов. Частота колебаний — шесть в секунду. Инженер сказал, что это оптимальная частота, то есть самая выгодная при такой длине крыла. Крылья разовьют подъемную силу восемьдесят семь килограммов. Энтомоптер должен весить примерно двадцать пять килограммов. Значит, он сможет поднять в воздух любого из нас. Так выходило по расчетам.

— А если устанешь крутить педали и крылья перестанут колебаться, что тогда? — спросил осторожный Борька. — Как засвистишь оттуда, из поднебесья!.. Привет родным!

— Ты забыл про эффект планирования, — сказал инженер. — При остановке педалей крылья автоматически примут среднее положение и машина перейдет на свободный полет. То есть начнет планировать.

— А вдруг тебя ветром перевернет?..

— Никогда, — сказал инженер. — Центр тяжести в любых случаях будет лежать ниже плоскости крыльев. Тебя будет только раскачивать.

— Красота!.. — мечтательно вздохнул Тошка и еще усерднее принялся набивать тавотом подшипник.

На велосипедной раме мы начали монтировать кулисный двигатель. Это был необычный двигатель. Вращение педалей передавалось особым ползункам. Ползунки скользили взад и вперед в специальных планках с прорезями. Эти планки качались из стороны в сторону с такой быстротой, что их почти не было видно. Вот эти-то колебания тонкими стальными штангами и передавались на крылья.

Оказывается, двигатель был построен уже давно. Инженер работал над ним долгие дни, глядя в окно на мальчишек, играющих на улице. Кое-кого из них он знал, и они выполняли его несложные поручения — выискивали на свалках железные полосы, покупали сверла взамен сломавшихся, бегали за газетами.

Инженер вытачивал деталь за деталью, пользуясь самым простым инструментом — десятком напильников и маленькой дрелью. И еще были у него переносные тиски, которые он струбциной крепил к письменному столу. Но самое главное — у него были руки, которые умели делать все.

Как мы завидовали этим рукам!

Но когда однажды я сказал, что мы не научимся ничего делать так, как он, инженер страшно рассердился:

— Тогда вообще незачем учиться! — сказал он, и на щеках его вспыхнули красные пятна. — Наденьте на себя шкуры, идите в лес, найдите пещеру и высекайте каменные топоры. Хотя... с такими рассуждениями вам и топора-то хорошего не сделать. Вы просто одичаете и опуститесь на четвереньки. Да, да! Не улыбайтесь! Опуститесь на четвереньки и забудете челове-

---

Окончание. См. «Костер» № 5, 1968 г.

ческую речь! И если вы еще раз заикнетесь об этом — я вас не знаю. Вот так.

Инженер долго не мог успокоиться. Я никогда не видел его таким расстроенным и проклинал себя за то, что брякнул такую глупость.

Наконец он остыл, но целый день разговаривал с нами натянуто, словно нехотя.

Мы собирали цепную передачу и кривошипный механизм. По всей комнате на газетных листах были разложены детали энтомоптера. Инженер, сидя в кресле, командовал. Борька затягивал гайки крепежных скобок и морщился от боли в спине.

В дверь постучали.

— Да-да! — сказал инженер.

В комнату вошел Левицкий.

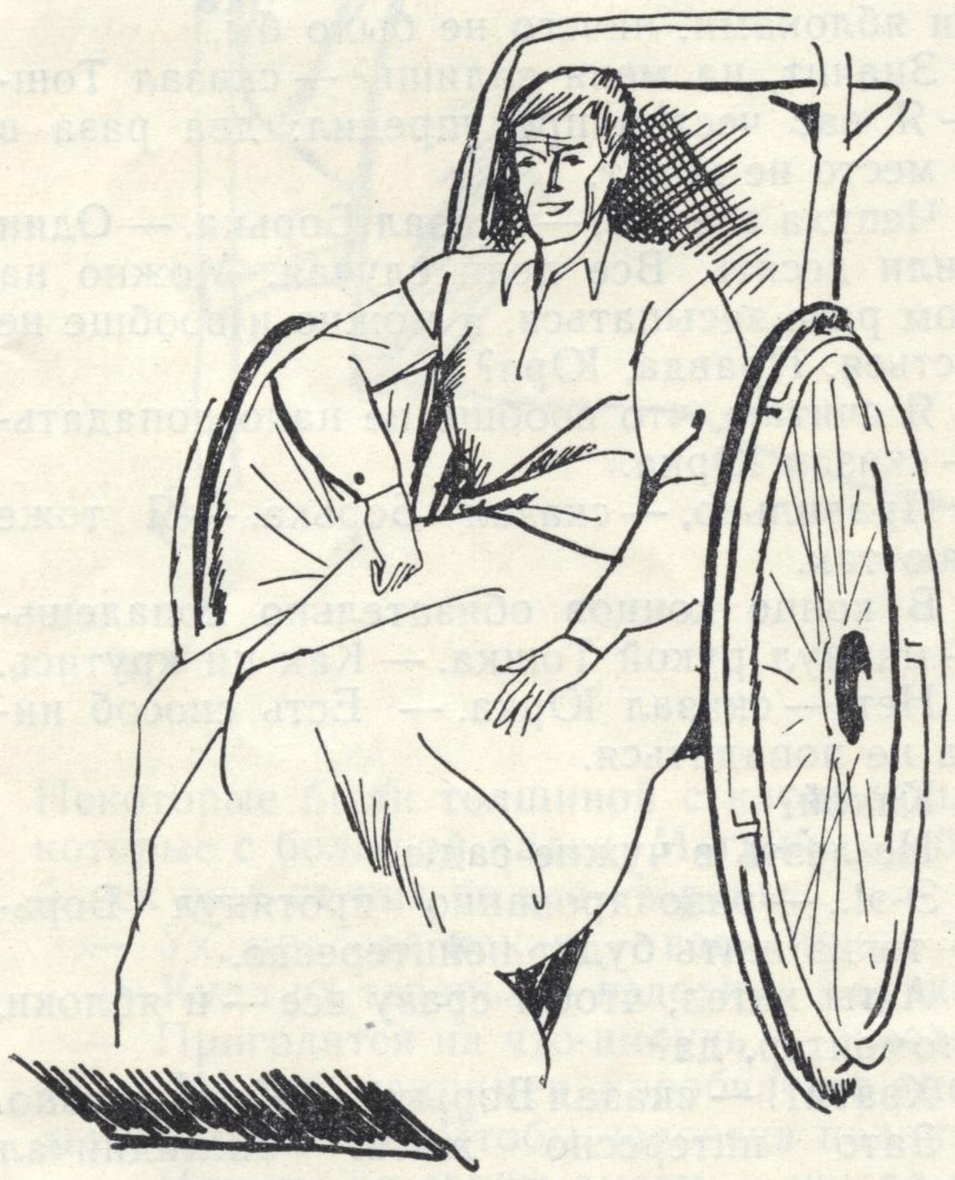
Я прилип к полу.

Борька тихо ахнул и уронил гаечный ключ.

Левицкий хмуро посмотрел на меня из-под косматых черных бровей, будто прожег глазами, потом поднял руку, как для салюта, и сказал:

— Привет, Володя! Трудишься? Я не помешал?

Вот это номер! Значит, они знают друг друга?



— А, Игорь! Здравствуй! — воскликнул инженер. — Я тебя вчера ждал. Почему не пришел?

— Не мог, понимаешь, — сказал Левицкий и снова уставился на меня. — В клубе отчетное собрание. Задержался до десяти. Дома тоже концерт. У меня вторую ночь какая-то шпана в саду работает. Сегодня на бельфлере такую ветку заломили — страсть. Ведра на два яблок. Поймать бы хоть одного паразита... Не яблок жалко, понимаешь, — дерева. Такое дерево изувечили!

— А ты хоть раз пробовал?.. — с любопытством спросил инженер.

— Что?

— Поймать этих налетчиков.

— Конечно, пробовал! Поймал вчера, понимаешь. За ноги. Ушел, негодяй. Полрубашки на проволоке оставил и ушел.

Левицкий сердито засопел и вынул из кармана папиросу.

— Разглядеть-то его сумел? — спросил инженер.

— Какое!.. — махнул рукой Левицкий. — Разве в такой темноте разглядишь?

У меня отлегло от сердца.

Левицкий уселся на стул возле инженера. Закурил.

— Но кое-что этот парень подарил мне на память, — сказал он. — Смотри.

Он вынул из кармана и подбросил на ладони что-то длинное и блестящее.

У меня воздух остановился в горле.

Левицкий держал в руке знаменитый Борькин ножик с перламутровой ручкой.

Я наверняка знал, что второго такого в нашем городе нет. И в магазинах такие не продавались.

Этот ножик подарил Борьке дядя, моряк-балтиец. Он сам его выковал из лучшей подшипниковой стали. Сам выточил ручку из белого перламутра. Сам сделал гравировку на большом складном лезвии: «Борису в память о Балтике».

— Ну-ка, покажи, — сказал инженер и взял у Левицкого нож. — Мне кажется, я узнаю эту штуку.

Сердце у меня больно сжалось и замерло. Инженер отлично знал этот нож. Борька все время старался держать его на виду.

Что сейчас будет?..

Левицкий спросил громко:

— Узнаешь?

— Подожди, подожди, — сказал инженер. — Нет. Это не тот. У того была ручка из искусственного перламутра. А здесь... И гравировки не было. Нет, я ошибся. Возьми.

Я открыл глаза.

Левицкий спрятал нож в карман. Юрка и Тошка застыли у велосипедной рамы. Инженер отвернулся от всех и смотрел в окно.

— Как насчет шахмат? Может, сыграем партию? — спросил Левицкий.

— Нет. Извини, — сказал инженер. — Сегодня я не буду играть. Чувствую себя неважно.

Наконец Левицкий ушел.

В комнате стало невыносимо тихо.

Я не мог поднять глаз. Я тупо уставился в пол и не знал, что делать. Чувствовал только, что все рушится, летит куда-то, и ничего уже не исправить...

— Заканчивайте, — сказал инженер деревянным голосом. — Убирайте детали.

Ползая на коленях по полу, мы начали убирать все в ящик, аккуратно сложили газеты и вынесли в мусорное ведро масляную ветошь.

— Все, — тихо сказал Юрка.

— Хорошо, — сказал инженер. — Можете идти.

После «можете идти» он добавлял обычно: «Завтра жду часикам к десяти». Но сегодня он не добавил ничего. Он даже не смотрел на нас.

Юрка и Тошка двинулись к двери, а Борька дернул меня за руку и зашептал в самое ухо:

— Я не могу больше. Я скажу, что это мы. Я все расскажу. И сам пойду к Левицкому.

— Он и так знает. Чего говорить? — прошептал я Борьке.

— Идите! — повторил инженер, продолжая смотреть в окно.

— Надо сказать, — пробормотал Борька. — Теперь или никогда...

Он крепко сжал мою руку и произнес дрожащим голосом:

— Владимир Августович...

Инженер, наконец, повернулся к нам и, глядя поверх наших голов на щит со стрекозами, сказал:

— Не оправдывайтесь!

— Владимир Августович...

— Убирайтесь к чертовой матери! — закричал вдруг инженер, и лицо у него побагровело. — Чтобы ноги вашей здесь не было! Слышите? Чтобы ноги вашей здесь больше не было!..

Есть небольшая надежда

— Хотел бы я знать, когда он кончится, — сказал Борька, глядя в окно.

По стеклу ползли мутные капли. Серые грустные дома присели вдоль улицы. Прохожих не было видно. Четвертый день подряд город поливало дождем. По тротуарам неслись ручьи. В их стремительных потоках кружились окурки, папиросные коробки и тополевые листья.

Мы сидели у Юрки Блинова. Он единственный в нашей компании имел собственную комнату. В комнате стояли два стула, стол и кровать, покрытая коричневым пушистым одеялом. Над столом висела этажерка с книгами. Книги были спортивные: «Бокс», «Борьба самбо», «Основные стили плавания», «Судейство в футболе». Среди них затесался «Том Сойер» на английском языке. По этой книжке Юрка выучил английский.

По крыше звонко барабанил дождь. Нам было нечем заняться. Тошка предложил было сыграть в подкидного, но на него цыкнули, и он стушевался.

День тянулся бесконечно и нудно.

Юрка валялся на кровати, закинув руки за голову. Борька смотрел в окно. Мы с Тошкой зевали за столом.

— Сейчас бы уже крылья делали, — сказал Юрка мечтательно. — Все из-за тебя, рыжий. Из-за твоего дурацкого ножика.

— Из-за меня? — Борька Линевский резко обернулся. — Если бы Антон не расхвастался этими яблоками, ничего не было бы.

— Значит, на меня валишь? — сказал Тошка. — Я вас честно предупредил: два раза в одно место не ходят.

— Чепуха все это, — сказал Борька. — Один раз или десять. Все дело случая. Можно на первом разе засыпаться, а можно и вообще не попасться. Правда, Юра?

— Я считаю, что вообще не надо попадаться, — сказал Юрка.

— Правильно, — сказал Борька. — Я тоже считаю так.

— В конце концов обязательно попадешься, — махнул рукой Тошка. — Как ни крутись.

— Нет, — сказал Юрка. — Есть способ никогда не попадаться.

— Какой?

— Не лезть в чужие сады.

— Э-э!.. — разочарованно протянул Борька, — тогда жить будет неинтересно.

— А ты хотел, чтобы сразу все — и яблоки, и энтомоптер, да?

— Хватит! — сказал Борька. — И так тошно.

— Зато интересно жить! — съехидничал Юрка.

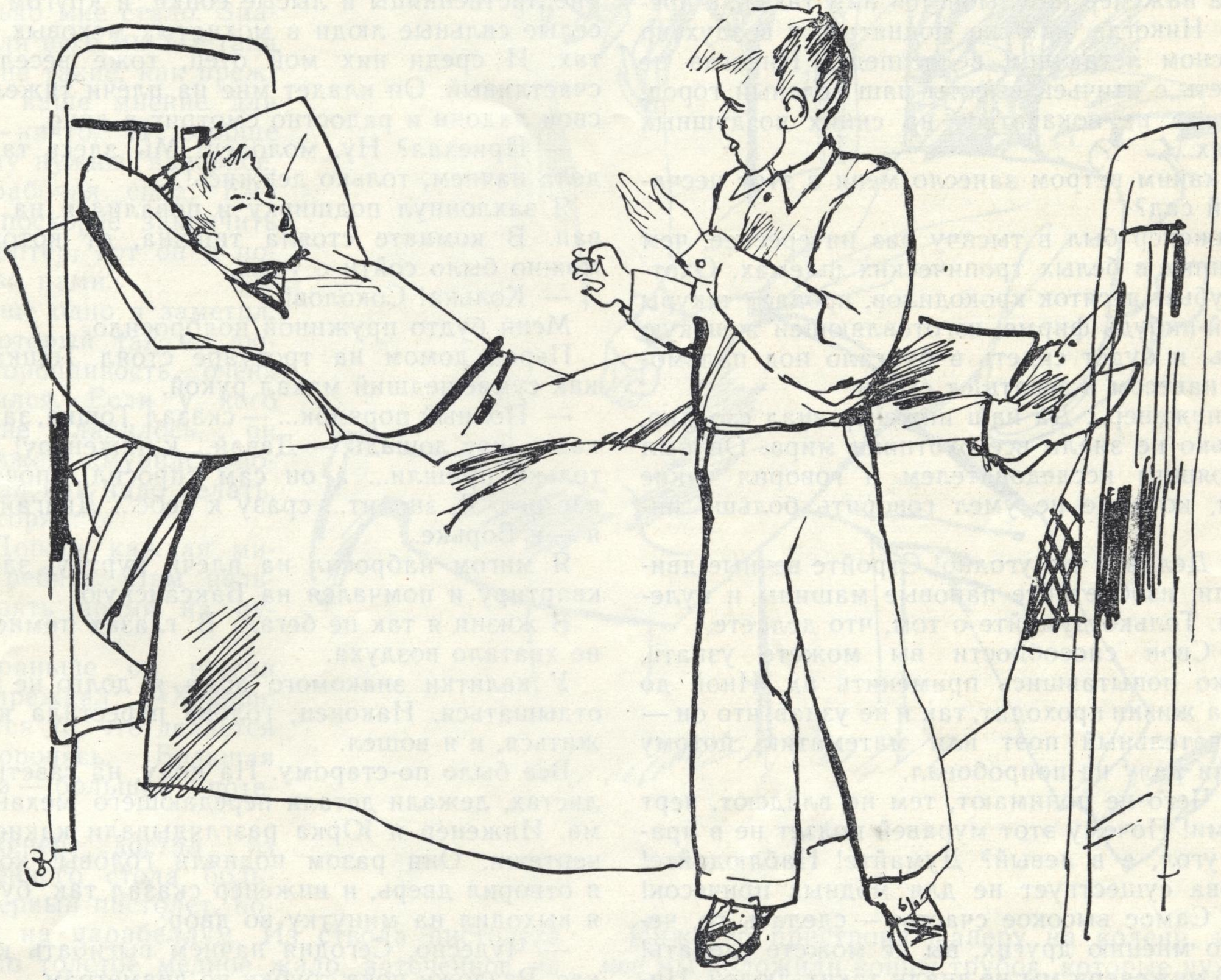
Поговорили — и опять нечего делать. Даже ссориться неохота.

А за окном все льет и льет. Кажется, со всех концов земли собрались тучи над нашим городом, навсегда затянули небо, и оно больше никогда не станет голубым и высоким.

Юрка вдруг сел на кровати.

— Трубки-то лежат, ребята, — сказал он.
— Какие трубки?
— Которые мне отец принес. Для крыльев.
— Покажи! — попросил Тошка.

Юрка полез под кровать и вытащил на середину комнаты связку алюминиевых трубок.



Некоторые были толщиной с карандаш, а некоторые с большой палец. Мягкий серебряный блеск шел от них во все стороны.

— Ух, красота какая! — воскликнул Тошка.
— Куда их теперь? — вздохнул Борька.
— Пригодятся на что-нибудь, — сказал Тошка. — Можно, например, коробчатого змея сделать. Огромного. Чтобы человека поднял.
— Иди ты со своим змеем, — уныло сказал Борька.

Юрка вытянул из связки тонкую трубку, прикинул ее на руке и сделал глубокий выпад, будто шпагой.

— Я вот что думаю, — сказал он. — Надо отнести их инженеру. Я обещал? Обещал. Значит, нужно отдать.

— Вам с Тошкой можно идти, — сказал Борька. — А нам с Колькой...
— Слушай, — обрадовался Тошка, — идем завтра, да? Принесем трубки, скажем — так, мол, и так, дождик был, не могли раньше... Он скажет: «Ну, давайте, ребята, будем продолжать...» И мы будем продолжать. А потом я скажу: «Эх, жаль, нету Кольки. У нас вместе так здорово получалось...» Потом ты скажешь то же самое про Борьку. И он скажет: «Верно. Плохо без них...»
— Хватит трепаться! — сказал Борька. — Нам теперь туда ни ногой... Вы идите, работайте, а мы уж как-нибудь...

На другой день дождь почти перестал. Он уже не лил, а оседал на город противным серым туманом. Я сидел дома и перелистывал подшивку старых журналов «Вокруг света». Я всегда брался за них, когда мне было скучно. На пожелтевших страницах гнулись под ветром пальмы, шли парусники к далеким землям, европейцы в белых тропических шлемах

били из штуцеров крокодилов, шумела незнакомая, полная опасных приключений жизнь. Но сегодня все казалось мне пресным и ненужным. Я думал о Юрке и Тошке, которые отправились к инженеру.

Они будут достраивать энтомоптер. А мы с Борькой навсегда останемся за бортом. Никогда инженер не улыбнется нам так, как прежде. Никогда нам не подняться в воздух на чудесном летающем велосипеде. Никогда не увидеть с птичьей высоты наш зеленый город. Никогда не покачаться на синих воздушных струях...

И каким ветром занесло меня в этот несчастный сад?

Инженер был в тысячу раз интереснее, чем охотники в белых тропических шлемах. Охотник убьет десяток крокодилов, продаст шкуры какой-нибудь фирме, изготовляющей женскую обувь, и будет сидеть в бунгало под пальмовым навесом и зевать от скуки.

А инженер... Да наш инженер знал столько, сколько не знали все охотники мира. Он был настоящим исследователем и говорил такие вещи, которые не умел говорить больше никто.

— Делайте что угодно! Стройте вечные двигатели, изобретайте паровые машины и пулеметы. Только думайте о том, что делаете.

— Свои способности вы можете узнать, только попытавшись применить их. Иной до конца жизни проходит, так и не узнав, что он — замечательный поэт или математик, потому что ни разу не попробовал.

— Чего не понимают, тем не владеют, черт возьми! Почему этот муравей ползет не в правый угол, а в левый? Думайте! Наблюдайте! Голова существует не для модных причесок!

— Самое высокое счастье — сделать то, чего, по мнению других, вы не можете сделать!

До инженера мы не знали таких людей. Никто нами особенно не интересовался.

...Трижды проклятые бельфлеры...

Эх, закинуть бы сейчас за спину походный мешок и уйти из города куда глаза глядят. Перебраться через речушку и удариться по дороге на Бабуген, к Голубым озерам. Построить в укромном месте шалаш из веток орешника и жить вдали от людей и всяких переживаний. По утрам ловить в озере рыбу и печь картошку в костре, днем уходить высоко в горы, где воздух сух и прозрачен и камни нагреты солнцем, а вечерами спускаться в долину и долго лежать, не засыпая, у шалаша, глядя на звезды, мерцающие в страшной высоте...

Или махнуть к отцу на Крайний Север, где добывают алмазы и строятся новые города.

Вот так, запросто, собрать однажды в небольшой чемодан самое необходимое, пройти последний раз по знакомым улицам, сесть на поезд и укатить навсегда из нашего тихого города.

...Поезд бежит все дальше и дальше на восток, и вот, наконец, тот таежный поселок. Редкие лиственницы и лысые сопки, и кругом веселые сильные люди в мохнатых меховых унтах. И среди них мой отец, тоже веселый, счастливый. Он кладет мне на плечи тяжелые свои ладони и радостно смотрит в лицо.

— Приехал? Ну, молодец! Мы здесь такие дела начнем, только держись!..

Я захлопнул подшивку и повалился на диван. В комнате стояла тишина, от которой можно было сойти с ума...

— Колька! Соколов!

Меня будто пружиной подбросило.

Перед домом на тротуаре стоял Тошка и как сумасшедший махал рукой.

— Полный порядок... — сказал Тошка, задыхаясь, как лошадь: — Давай... к инженеру! Мы только пришли... а он сам спросил... почему вас нет. Я, значит... сразу к тебе... Двигай! А я — к Борьке...

Я мигом набросил на плечи куртку, запер квартиру и помчался на Баксанскую.

В жизни я так не бегал. В глазах темнело, не хватало воздуха.

У калитки знакомого дома я долго не мог отдышаться. Наконец, голова перестала кружиться, и я вошел.

Все было по-старому. На полу, на газетных листах, лежали детали передающего механизма. Инженер и Юрка разглядывали какие-то чертежи. Они разом подняли головы, когда я отворил дверь, и инженер сказал так, будто я выходил на минутку во двор:

— Чудесно. Сегодня начнем выгибать каркас. Разложи пока трубки по диаметрам.

Вскоре пришли Тошка и Борька, и инженер снова сказал:

— Чудесно!

За какие-нибудь два часа мы собрали передающий механизм, отрегулировали его и поставили на велосипедную раму. Потом инженер рассказал, как нужно гнуть алюминиевые трубки, чтобы они не пережимались в месте сгиба. Оказывается, с одной стороны трубку нужно закрыть деревянной пробкой, насыпать доверху песком и закрыть такой же пробкой с другой стороны. Теперь можно трубку сгибать как хочешь — она никогда не сморщится.

Мы принесли со двора ведро песку и начали. Казалось, все шло нормально. Инженер командовал, лавировал на своем кресле между

деталями, разложенными на полу, и даже шутил.

Однако я заметил, что он почти не смотрит в нашу сторону и в разговоре обращается только к Тошке и Юрке.

Горько мне стало. Значит, для него мы все-таки были не такие, как прежде. И наше мнение для него — ничто. И вообще мы ему нужны, наверное, как рабочая сила. Ему надо поскорее закончить энтомоптер, вот он и послал за нами.

И еще одно я заметил. Он, который так не любил торопливость, очень торопился. Если у кого что не ладилось, он подъезжал, хмурился, показывал, как надо делать, и повторял:

— Дорога каждая минута, ребята. Нам нельзя терять время на пустяки.

А раньше он всегда предупреждал: «Хорошо делается то, что делается не торопясь. Большая спешка — большие потери».

Инженер достал из письменного стола большой черный пистолет, похожий на парабеллум. Из ствола пистолета торчало толстое медное жало, заточенное на конце лопаточкой, а из рукоятки тянулся длинный голубой шнур.

— Это ультразвуковой паяльник, — сказал он. — Алюминий нельзя паять обыкновенным, потому что на алюминии на воздухе мгновенно образуется плотная пленка окисла. Припой к окислу не пристает. Ультразвуковой же паяльник непрерывно очищает, сдирает окисную пленку, и на чистый металл сразу же ложится припой, закрывая доступ кислороду. Пайка получается что надо. Начнем. Антон, включи!

Тошка воткнул вилку голубого шнура в розетку. Паяльник в руке инженера тонко зажужжал, будто оса, запутавшаяся в траве.

— Это работает магнитострикционный вибратор, — объяснил инженер. — Юра, дай мне припой из нижнего ящика и вон ту фанеру из угла.

Инженер пристроил фанеру на колени, на нее мы положили концы трубок, которые нужно было спаять, и инженер, взяв в левую руку палочку припоя, тронул жалом паяльника алюминий. Ртутным шариком собрался припой на медной лопаточке, потом соскользнул с нее и ровно обтек место стыка трубок. Инженер отвел паяльник в сторону.

— Все! — сказал он.

Поясок пайки жемчужно поблескивал. Казалось, трубки не спаяны, а плавно переходят одна в другую.

— Здорово! — вздохнул Юрка. — Можно, я попробую?

— Возьми, — инженер протянул Юрке паяльник.

У Юрки с первого раза как-то пошло, наладилось, и он с увлечением начал припаивать нервюры в те места, куда указывал инженер.

Нам тоже очень хотелось поработать паяльником, но попросить у инженера мы не решались. Было страшно услышать отказ.

Тошка тоже почему-то не попросил. Так и получилось, что Юрка паял, а мы насыпали песок в трубки и сгибали их по шаблону.

Постепенно на полу вырисовался контур большого, слегка расширяющегося к концу крыла, похожего на стрекозиное, увеличенное раз в пятьдесят. Только у стрекозиного жилки шли вдоль и поперек, образуя красивую сетку, а у нашего были тонкие поперечные нервюры.

К вечеру каркас крыла был готов. Теперь только поставить шарниры у основания и обтянуть каркас полиэтиленовой пленкой, которая была запасена у инженера. Работа была трудная и ответственная, поэтому ее оставили на самый конец.

Мы с Борькой нарезали по размеру трубки для нервюр на завтра и начали убирать в комнате. Юрка спросил, как устроен ультразвуковой паяльник. Инженер начал рассказывать, как работает магнитострикционный вибратор, собранный из пластинок чистого никеля. Вдруг остановился, нервно потер руки одна о другую и сказал:

— Хватит. Завтра закончим. Не могу больше. Устал.

Откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Мы быстро прибрали комнату и ушли.

На улице я спросил Юрку, что утром инженер говорил про нас.

— Ничего не говорил, — сказал Юрка. — Просто сказал: «Вас двое? Ну что ж, начнем». И мы начали. Только после обеда велел вас гнать.

Значит, простил! Значит, он все-таки простил нас, а не разговаривал потому, что еще немного сердился!

И тут вся тяжесть, которая давила меня эти долгие четыре дня, мгновенно исчезла. Стало очень спокойно и хорошо. И вечер наплывал на город такой тихий, прозрачный, что не хотелось идти домой, и мы сговорились и пошли в парк и долго сидели там на нашей любимой скамейке у озера.

...На другой день к десяти утра мы подходили к домику инженера. Окно как всегда было открыто, но Владимира Августовича не было видно.

— Паяет, наверное. Без нас начал, — сказал Юрка.

Мы вошли в сени, и тут дверь из комнаты отворилась и навстречу нам вышла Вера Августовна в пестром халате. Глаза у нее были испуганные.

— Случилось несчастье, мальчики, — сказала она. — Володя в больнице. У него отнялась левая рука и пропала речь.

Вера Августовна провела ладонью по лбу и пошла в комнату.

Мы поплелись следом.

Пустое кресло стояло у окна. На письменном столе лежала голубая тетрадь. В углу жемчужно светился контур большого, выше человеческого роста, крыла.

Вера Августовна села на табурет.

Будильник на тумбочке чеканил короткие стальные секунды.

— Что же случилось? — спросил наконец Юрка.

— Повторное кровоизлияние в мозг. Врачи называют это инсультом.

— Когда?

— Вчера вечером. У него разболелась голова. Так сильно, что пришлось вызвать скорую помощь. Его сразу же забрали в больницу. А ночью... Ночью это и произошло...

Мы стояли оглушенные, будто над нашими головами взорвалась граната. На картонном щите тускло отсвечивали крылья проколотых булавками стрекоз.

— А как же теперь энтомоптер? — пробормотал Тошка.

Юрка ткнул его кулаком в бок:

— Балда!

Потом деловито спросил:

— Он в каком корпусе?

— Во втором. Палата номер семь. Только к нему не пускают.

— Палата на каком этаже?

Вера Августовна испуганно взглянула на Юрку.

— Не знаю. Только ничего не выдумывайте. Ради бога! Его нельзя беспокоить.

— Мы не будем его беспокоить, — сказал Юрка. — Что мы, не понимаем? Это я просто так спросил. На всякий случай.

— А почему у него паралич? Что у него со спиной? — спросил Тошка.

— Это планер, — сказала Вера Августовна. — Планер остался без управления и упал на землю.

— Планер? — встрепенулся Тошка.

— Так вы ничего не знаете? Володя был инструктором в кружке планеристов на своем заводе. Он и основал этот кружок. И планеры они строили сами.

— Он полетел без парашюта, да? И не смог выброситься? — допытывался Тошка.

— У него был парашют, — сказала Вера Августовна. — Но не всегда парашют помогает пилоту.

Вера Августовна встала, сняла с книжной полки небольшой красный альбом и вынула из него фотографию.

— Это в тот самый день...

С фотографии нам улыбался летчик в кожаном шлеме и в комбинезоне, перехлестнутом ремнями парашюта. Он совсем не был похож на инженера. Только глаза напоминали Владимира Августовича. Он стоял на ветру — один клапан шлема был отдут в сторону. За его спиной вдаль уходило огромное травяное поле, на которое присели два тренировочных самолета «Р-5», а над горизонтом вспухало белое облако.

— Вот он какой... — прошептал Юрка.

...В тот день он искал восходящие токи воздуха, которые подняли бы машину как можно выше.

Шли соревнования на дальность полета по замкнутому маршруту. В город съехались планеристы со всей республики. С зеленого поля одна за другой поднимались узкокрылые разноцветные машины.

Самые сильные воздушные потоки возникают под грозовыми тучами. Он отыскал такую тучу и пошел под нее. Планер подхватило и повело вверх. Через пять минут альтиметр показал высоту три километра. Теперь нужно

было выйти из потока и спокойно планировать, охватывая город большими скользящими кругами. Но куда бы он ни направил машину, его везде продолжало поднимать. Краев тучи уже не было видно. Она росла, со страшной быстротой закрывая небо. Он взглянул на альтиметр и замер. Высота была пять тысяч, а скорость подъема увеличилась до пятнадцати метров в секунду.

Снаружи, за фонарем кабины, серые струи тумана стремительно обтекали крылья. Планер пробивал тучу. Ей не было конца. На высоте шести тысяч началось удушье. Сюда никогда не поднимались без кислородных масок. Он продолжал искать нисходящие токи воздуха, но их не было. Последнее, что он увидел — стрелка альтиметра, ползущая к семитысячной отметке.

Его нашли в двадцати восьми километрах от города среди обломков планера. Контрольная стрелка альтиметра застыла на отметке семь тысяч двести. Только благодаря чуду он остался жить. Видимо, он пробыл в разреженных слоях атмосферы всего несколько десятков секунд. И планер, наверное, не сразу вошел в штопор...

— Почему вы все знаете? — не выдержал Тошка. — Вы тоже летали на планерах?

Вера Августовна пожала плечами.

— Я и сейчас летаю. Не на планерах только, а на пассажирских самолетах.

— Пилотом? — потрясенно воскликнул Тошка.

— Нет. Всего-навсего бортрадистом.

Тошка удовлетворенно кивнул.

— Я так и знал, что вы не просто... женщина.

Вера Августовна слегка улыбнулась.

— Чудак-человек. Я самая обыкновенная.

— Нет, — помотал головой Тошка. — Не всякая женщина может быть бортрадистом.

Вера Августовна встала и вложила фотографию в альбом.

— Будем надеяться на лучшее. У меня рейс на Ростов в четырнадцать двадцать. Если хотите, продолжайте здесь работать. Ключи я оставлю.

...В вестибюле стыла белая больничная тишина. У стены, словно на смотру, вытянулась шеренга стульев. Их ножки до половины отражались в серых плитках кафельного пола. Ни одного человека вокруг.

Мы на цыпочках подошли к стеклянной матовой перегородке и заглянули в приоткрытую дверь.

Вправо и влево уходил длинный и очень высокий коридор. Он упирался в огромные окна, из которых лился на паркет белый ослепительный свет. Пронизанная этим светом, прямо на нас шла девушка в белом.

Мы нырнули обратно в вестибюль, но она уже заметила. Распахнула дверь настежь.

— Что вы здесь делаете? Как вы сюда попали?

— Там вход, — показал Борька большим пальцем через плечо.

— Это служебный. Немедленно уходите!

— А мы думали, это приемный покой.

Девушка с презрением посмотрела на нас.

— Думали! Приемный покой с другой стороны.

— Извините, пожалуйста, — сказал Юрка. — Седьмая палата здесь?

— Здесь, — сказала девушка и захлопнула дверь.

Юрка подмигнул нам.

— Порядок. Нужна вежливость. Тебе это ничего не стоит, а людям приятно.

Мы выкатились на площадку перед корпусом.

— А вдруг это на втором этаже?

— Не думаю, — сказал Юрка и прищурился, оглядывая окна.

Потом подошел к третьему от служебного хода и сказал Тошке:

— Полезешь ты. Ты самый легкий.

Встал спиной к стене, сцепил руки петлей.

— Давай.

Тошка поднялся на Юркины плечи, и голова его оказалась на уровне нижнего края рамы.

— Не достать! — сказал он.

— Становись мне на голову! — приказал Юрка. — Поддержите его, ребята.

Мы поддержали.

Тошка заглянул в окно.

— Ну?

— Лежит, — сказал Тошка.

— Кто? Инженер?

— Не знаю. Только нос видно. Одеялом закрыт до самого подбородка.

— Давай смотри лучше! — сказал Юрка, скорчив от напряжения страшную рожу.

Тошка приподнялся на цыпочки, вытянулся струной. Тут ноги его соскользнули с Юркиной головы, он уцепился за выступающую ребром нижнюю планку окна и повис на стене. Юрка хотел подхватить его, но не успел. Планка с треском оторвалась от рамы, и Тошка ухнул вниз.

Потом мы сидели в кустах за оградой больницы, и Тошка, протирая слюнями ссадины на коленях, ворчал:

— Надо просто пойти в справочное и спросить. А мы всё по задним дворам, как жулики. Не полезу я больше. Идите к черту!

— Так тебе в справочном и сказали! — огрызался Юрка. — Всегда лучше, когда глазами посмотришь.

Я не выдержал:

— Ребята, а что если прямо к главному врачу? Я схожу.

— Пустили тебя! — усмехнулся Юрка. — Держи карман шире!

— Пустят!

— Попробуй.

— Попробую!

Я вскочил и пошел в приемный покой.

В самом деле, почему у нас все получается наперекос?

Но ведь мы никогда не полезли бы в окно, если бы эта беленькая девица не захлопнула перед нами дверь. Почему, в конце концов, взрослые всегда считают, что они поступают правильно, а мы неправильно?

Меня распирала злость.

В приемном покое было так же прохладно и пусто, как и в служебном.

Сразу за дверью стоял столик, покрытый толстым стеклом, и за столиком сидела накрахмаленная сестричка. Та самая, которая встретила нас у служебного входа.

Она подняла голову, и глаза у нее стали дикими.

— Опять вы? — спросила она почему-то шепотом.

— Опять, — сказал я. — Где главный врач?

— Главный? — переспросила она. — Нет сейчас главного. Есть дежурный.

— Тогда мне к дежурному.

Она, приоткрыв рот, уставилась на меня, а потом прошептала:

— Почему без халата?

— Потому что нету халата, — сказал я грубо. — Рубашка у меня есть. Штаны вот. Ботинки. А халата нет. Где я его достану?

— В гардеробе у Серафимы Михайловны.

Она не спросила, для чего мне нужен дежурный врач, она вообще ничего не спросила. Я даже не понял сразу, что меня пропускают в больницу.

— Ну, чего же стоишь? — сказала она.

В гардеробной я накинул на плечи халат, такой длинный, что из-под него торчали только носки ботинок, и сестричка провела меня по коридору мимо закрытых высоких дверей с выпуклыми цифрами в кабинет дежурного врача.

— Вот он хочет узнать о больном из седьмой палаты, — сказала она молодой женщине с очень румяным лицом.

Женщина внимательно посмотрела на меня.

— Родственник?

— Родственник, — кивнул я.

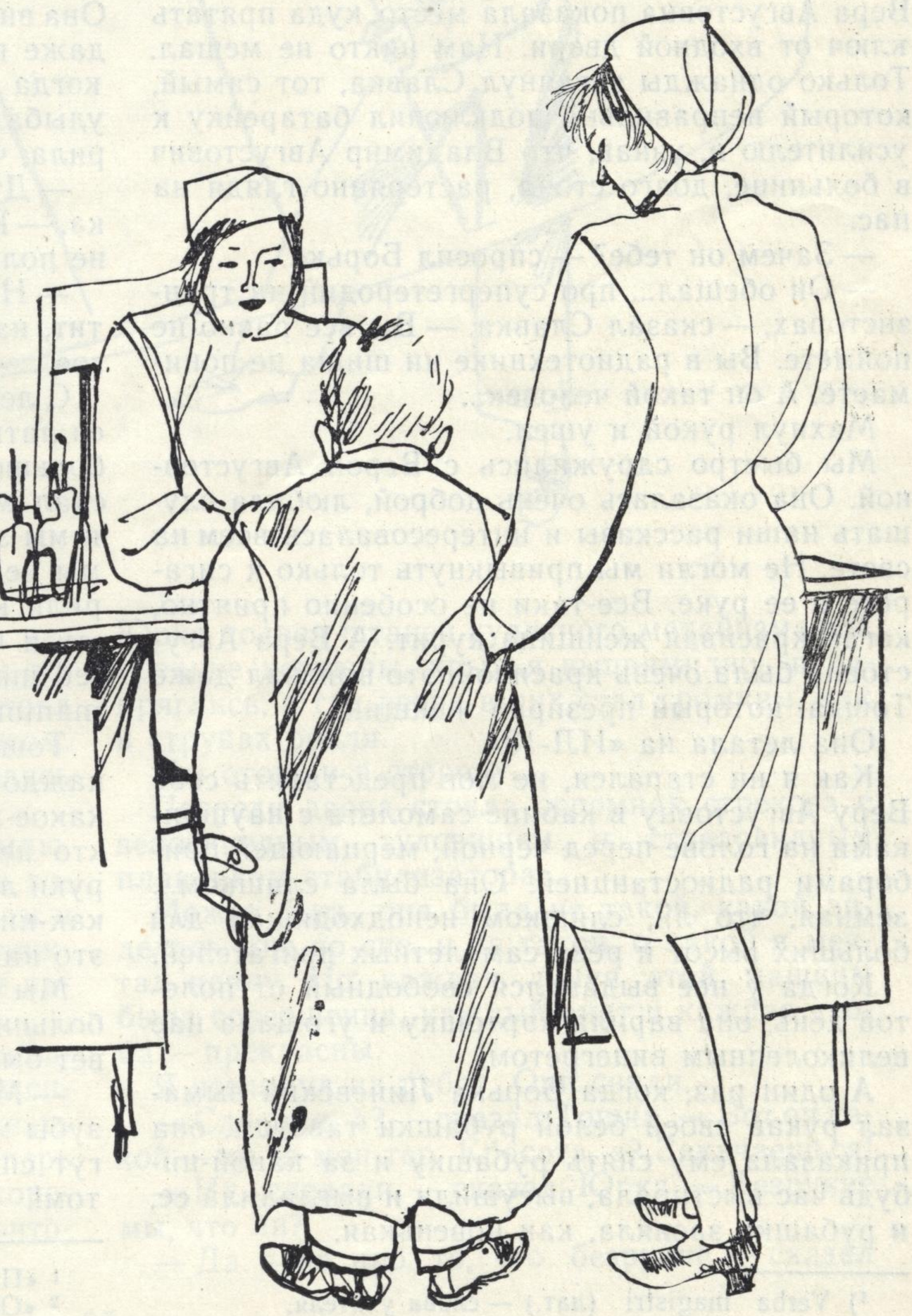
— Их там еще трое, Надежда Ивановна. Тоже родственники. В канаве сидят. Ждут.

— Пусть ждут, — сказала румяная. — Так вот насчет Тауриха. Очень тяжелый случай. Необходим абсолютный покой. Понятно?

— Вы про какого Тауриха?

— Про Владимира Августовича, конечно. Вашего родственника.

— Да, да... — пробормотал я.



Вот те раз! Значит, фамилия инженера — Таурих. А мы до сих пор и не знали.

— Инсульт. Кровоизлияние. Задеты важные области мозга. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, — сказал я. — А говорить он будет?

— Говорить...

Она провела розовыми пальцами по лбу.

— Атаксия. Знаешь, что это такое? Это общее функциональное расстройство. Нарушение двигательных центров.

— Он без сознания?

— В том-то и дело, что в сознании. Он у вас герой, мальчики. Железный, необыкновенный человек. Гордиться можете.

— Ну хоть немножечко он поправится?

— Не могу и не хочу предугадывать. Мы — врачи, дорогой мой. Мы никогда не строим иллюзий. В нашем деле они опасны и не нужны. Тебе тоже не советую. Самообольщение — скверная вещь.

— Значит... он уже никогда не будет...

— Не знаю. Ничего не знаю, — покачала она головой. — А теперь я прошу вас вот о чем, мальчики: не ломайте, пожалуйста, казенное здание. Оно нам еще пригодится. Договорились? Лидочка, проводи молодого человека.

— Разве это ответ? — сказал Юрка, выслушав мой рассказ. — Инженер никогда бы так не сказал. Никогда. Вот люди!

Verba magistri[1)]

Второе крыло мы закончили самостоятельно. Вера Августовна показала место, куда прятать ключ от входной двери. Нам никто не мешал. Только однажды заглянул Славка, тот самый, который неправильно подключил батарейку к усилителю и, узнав, что Владимир Августович в больнице, долго стоял, растерянно глядя на нас.

— Зачем он тебе? — спросил Борька.

— Он обещал... про супергетеродин на транзисторах, — сказал Славка. — Вы все равно не поймете. Вы в радиотехнике ни шиша не понимаете. А он такой человек...

Махнул рукой и ушел.

Мы быстро сдружились с Верой Августовной. Она оказалась очень доброй, любила слушать наши рассказы и интересовалась всем на свете. Не могли мы привыкнуть только к сигарете в ее руке. Все-таки не особенно приятно, когда красивая женщина курит. А Вера Августовна была очень красивой, это признал даже Тошка, который презирал женщин.

Она летала на «ИЛ-18».

Как я ни старался, не мог представить себе Веру Августовну в кабине самолета с наушниками на голове перед черной, мерцающей приборами радиостанцией. Она была слишком... земная, что ли, слишком неподходящая для больших высот и рева самолетных двигателей.

Когда у нее выдавался свободный от полетов день, она варила картошку и угощала нас великолепным винегретом.

А один раз, когда Борька Линевский вымазал рукав своей белой рубашки тавотом, она приказала ему снять рубашку и за какой-нибудь час выстирала, высушила и выгладила ее, и рубашка засияла, как новенькая.

Странным было ее отношение к энтомоптеру. Она внимательно наблюдала, как мы работаем, даже помогала резать и выгибать трубки. Но когда мы вслух мечтали о небе и облаках, улыбалась и покачивала головой, будто не верила, что мы когда-нибудь оторвемся от земли.

— Думаете, не полетит? — кипятился Тошка. — Ну, скажите по правде, думаете, ничего не получится?

— Нет, почему же... — говорила она. — Полетит, наверно, — и переводила разговор на другое.

С легкой руки инженера мы начали увлекаться латинскими изречениями. В последнем томе большого энциклопедического словаря я отыскал много ходких в литературе выражений, и мы заучили их наизусть. Теперь при встрече мы не кричали друг другу «здорово!», а говорили красивое латинское слово «salve». К месту и не к месту мы говорили: «Amicus Plato, sed magis amica est veritas»[1], или «Errare humanum est»[2], или что-нибудь в этом роде.

Тошка даже высказал идею, что хорошо бы каждому выколоть на руке, на видном месте, какое-нибудь блестящее изречение. Но его никто не поддержал. Юрка сказал, что портят руки люди низкого интеллекта и дикари, а мы как-никак живем в двадцатом столетии и нам это ни к чему.

Мы каждый день бегали в справочное бюро больницы узнать о здоровье инженера, но ответ был один и тот же: состояние тяжелое.

— Медицина атомного века! — цедил сквозь зубы молчаливый Борька Линевский. — Не могут справиться с каким-то паршивым инсультом!

[1)] Verba magistri (лат.) — слова учителя.

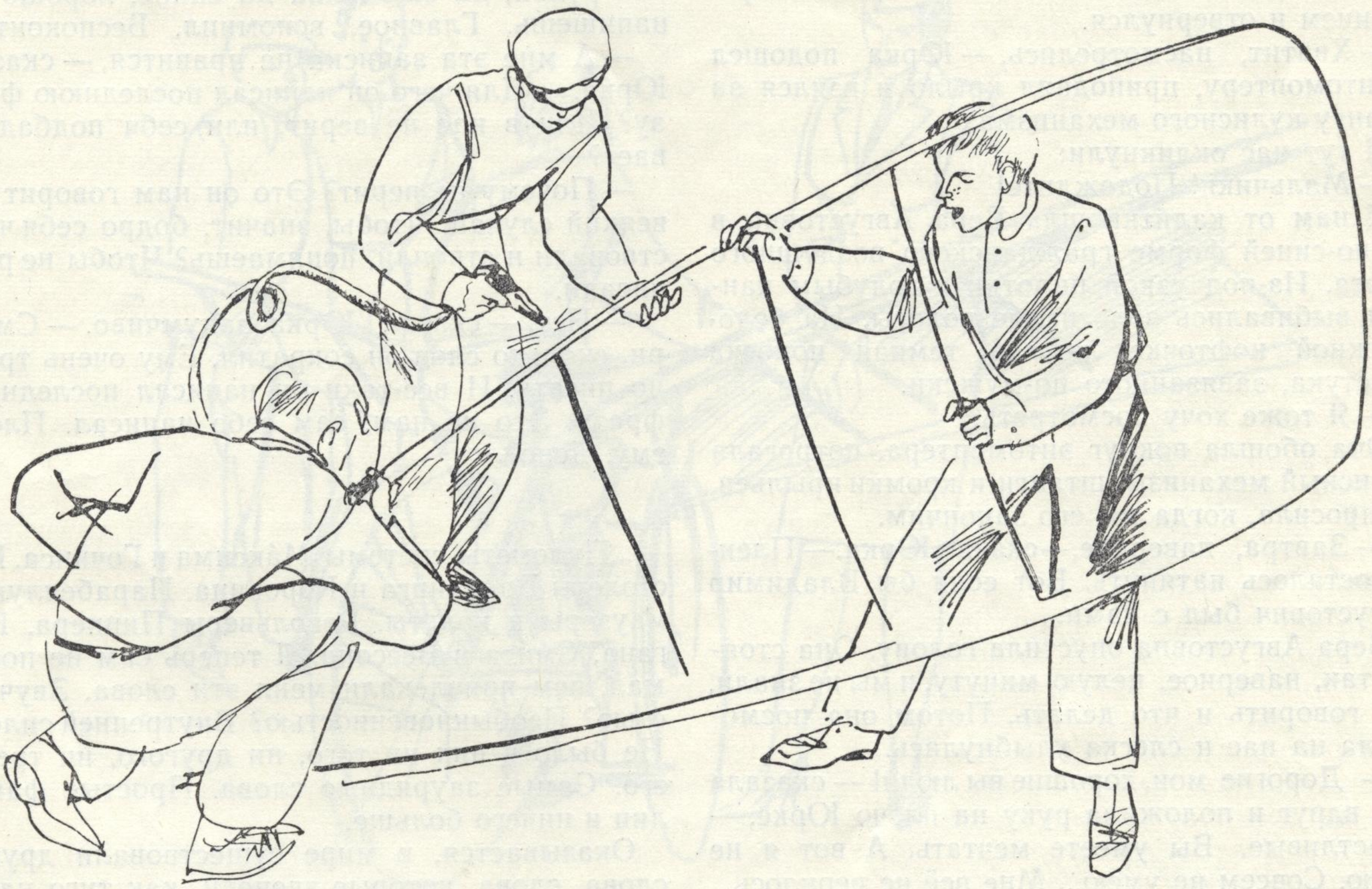
[1] «Платон мой друг, но еще больший друг — истина».

[2] «Ошибки человеку свойственны».

Дело без инженера двигалось медленно, но все-таки двигалось.

Работать ультразвуковым паяльником оказалось совсем нетрудно. Детали приваривались к нужному месту как бы сами собой. А может быть, наши руки понемногу привыкли к настоящей работе?

Крылья принимали нужную форму.



Эскизы, начерченные инженером, были настолько понятны, что совсем не приходилось ломать голову. Будто Владимир Августович стоял за спиной и подсказывал неслышным голосом. Или, может быть, за это время мы научились читать чертежи?

Шел июль. Солнце нещадно палило землю. Она ссыхалась и трескалась. Асфальт на городских улицах размяк, от него несло жаром и нефтью. Вечерами мы уходили в парк, к ближнему озеру, и купались до тех пор, пока не начинало ломить в ушах.

Вскоре мы закончили второй каркас. Оставалось обтянуть оба крыла полиэтиленовой пленкой. Инженер показывал нам, как приклеивать пленку к металлу, но Юрка, который теперь командовал всеми работами, сказал, что хорошо бы посмотреть, как будет выглядеть энтомоптер с необтянутыми крыльями.

Мы поставили раму с двигателем на колеса и выкатили ее во двор. Туда же принесли тонкие, почти невесомые каркасы крыльев. Они были словно сотканы из матово-серебристых нитей. Они лежали на земле и тихонько гудели под легкими порывами ветра.

Потом мы подняли крылья и закрепили их на раме шпильками из особо закаленной стали.

Юрка подвел штанги кулисного механизма под средние нервюры, крылья выпрямились и напряглись, и гул ветра в них стал громким, как в струнах рояля.

Мы отошли в сторону.

Посреди двора стояла огромная стрекоза с велосипедным туловищем и стреловидным плавником стабилизатора.

Может быть, она была не такой, какой виделась мне во сне, и не такой, о какой я мечтал наяву. Но каждая линия этой машины была совершенна, каждый винт и каждая скоба — прекрасны.

Я взглянул на ребят. Они сияли.

— Сделали, а? — сказал Тошка. — Вот он какой — эн-то-моп-тер. Красота, а? Закачаешься!

— Ну, сделали, — сказал Юрка. — Безрукие мы, что ли?

— Да я не про то, что безрукие, — сказал

Тошка обиженно. — Я про то, что все-таки сумели. Понял?

Мне вспомнились любимые слова инженера:

— Dinamis mobilis!

Только Борька Линевский стоял, засунув руки в карманы, смотрел и молчал. Он старался казаться сдержанным.

— Нравится? — спросил у него Тошка.

Борька пожал плечами.

— Амеба! — сказал Тошка с великим презрением и отвернулся.

— Хватит, насмотрелись, — Юрка подошел к энтомоптеру, приподнял крыло и взялся за штангу кулисного механизма.

И тут нас окликнули:

— Мальчики! Подождите!

К нам от калитки шла Вера Августовна в темно-синей форме гражданского воздушного флота. Из-под узкой пилотки с голубым кантом выбивались золотистые волосы. На белоснежной кофточке лежала темная полоска галстука, завязанного по-мужски.

— Я тоже хочу посмотреть.

Она обошла вокруг энтомоптера, потрогала кулисный механизм, штанги и кромки крыльев, и спросила, когда мы его закончим.

— Завтра, наверное,—сказал Юрка.— Пленку осталось натянуть. Вот если бы Владимир Августович был с нами...

Вера Августовна опустила голову. Она стояла так, наверное, целую минуту, и мы не знали, что говорить и что делать. Потом она посмотрела на нас и слегка улыбнулась.

— Дорогие мои, хорошие вы люди! — сказала она вдруг и положила руку на плечо Юрке. — Счастливые. Вы умеете мечтать. А вот я не умею. Совсем не умею... Мне всё не верилось...

Скоро Вера Августовна ушла.

— Эх! — сказал Тошка, глядя ей вслед. — Если бы у меня была такая сестра!..

— Да-а... — протянул Юрка. — Если бы да кабы...

Мы разобрали энтомоптер и втащили его по частям в комнату.

На другой день инженер прислал нам записку. Мы нашли ее на алфавитном стеллаже в приемном покое. Она была адресована Юрке и лежала в ячейке на букву «Б».

Первая записка с тех пор, как его забрали в больницу!

На двойном листе тетрадочной бумаги вправо и влево валились зыбкие полупечатные буквы, вроде тех, которыми пишут дошкольники.

«Порядок. Рука немного работает. Законч. крылья. Пленку клеить растворителем. В зелен. бут. письм. стол. Клейте внатяг. Бороться за мечту до конца».

— Ура! — радостно закричал Тошка. — О крыльях вспомнил! Значит, ему лучше! Поправляется!

Мы передавали записку друг другу, читали ее по нескольку раз, чуть ли не разглядывали на свет.

Значит, неплохи дела у инженера, если он снова думает об энтомоптере да еще пишет, как надо обтягивать крылья. Правда, почерк изменился ужасно. Но это неудивительно. Одной рукой, да еще лежа на спине, хорошо не напишешь. Главное, вспомнил. Беспокоится.

— А мне эта записка не нравится, — сказал Юрка. — Для чего он написал последнюю фразу? Или в нас не верит, или себя подбадривает?

— Почему не верит? Это он нам говорит на всякий случай. Чтобы, значит, бодро себя чувствовали и строили, понимаешь? Чтобы не раскисали.

— Нет, — сказал Юрка задумчиво. — Смотри, сколько слов он сократил. Ему очень трудно писать. И все-таки он написал последнюю фразу. Это не нам, сам себе написал. Плохо ему. Ясно?

...Пулеметы системы Ма́ксима и Гочкиса. Пистолеты Браунинга и Коровина. Парабеллумы, маузеры и кольты. Револьверы Пиппера, Нагана, Смита и Вессона. Я теперь сам не понимал, чем привлекали меня эти слова. Звучностью? Необыкновенностью? Внутренней силой? Не было в них ни того, ни другого, ни третьего. Самые заурядные слова. Простые фамилии и ничего больше.

Оказывается, в мире существовали другие слова, слова, которые звенели, как туго натянутые струны, слова, рожденные солнцем, облаками и ветром: элерон, траверс, вираж...

Они захватили меня внезапно, целиком и навсегда. С того дня, как я услышал и понял эти слова, я ходил как во сне, не замечая ничего вокруг. Стоило мне поднять голову — и в небе я видел энтомоптер, с шелестом уходящий в глубокую синеву.

Дома тетя Инна стала подозрительно на меня посматривать и по вечерам задавала разные каверзные вопросы. С самого начала я откровенно сказал ей, что мы строим летательный аппарат и что нами руководит инженер, но тетя Инна, конечно, этому не поверила. Родные почему-то никогда не верят, если все им расскажешь начистоту. Так уж они устроены.

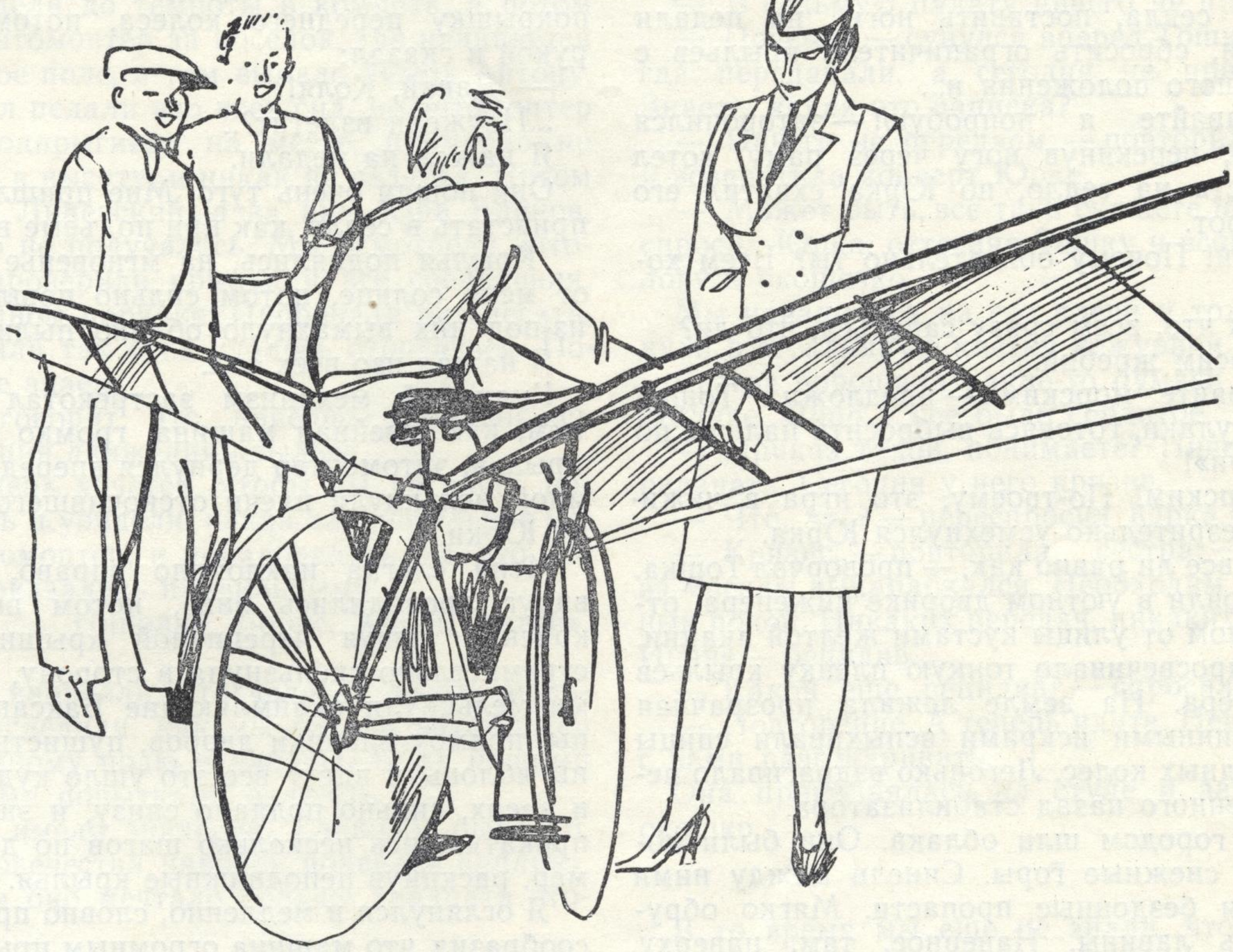
В тот день, когда мы получили записку от инженера, за ужином тетя Инна спросила:

— Хотела бы я знать, как поживает твой приятель Оря Кириков.

Я пожал плечами. Откуда я мог знать? Я не видел Орьку, наверное, целый месяц.

Тогда тетя Инна забросила крючок в другую сторону.

— Говорят, что в лесу поспела хурма. Это верно, Коля?



Я опять пожал плечами. Хурма в начале августа! Где это видано?

— А вчера мальчик опять утонул, — продолжала тетя. — В первом озере. Объявляли по городскому радио.

— У плотины, наверное, утонул? — спросил я. — Там же водоворот. В жизни не стал бы там купаться.

Тетя Инна выпила чашку чаю, подумала и сказала, сокрушенно качая головой:

— Скорее бы начался новый учебный год.

Она выпила еще чашку чаю и опять подозрительно посмотрела на меня.

— Полина Васильевна каждый день в слезах. Аллочка совсем отбилась от рук. Тройка по математике, тройка по истории. Каждый вечер танцульки, какие-то мальчишки...

Я поморщился. Мне никакого дела не было ни до Аллочки, ни до ее матери Полины Васильевны.

...Через открытое окно в комнату впорхнул энтомоптер и повис легкой тенью под потолком.

А тетя Инна продолжала забрасывать удочку с хитроумными крючками.

Бедная! Она не понимала, что ловит на пустом месте.

Мы обтянули крылья одиннадцатого и собрали энтомоптер тринадцатого августа.

Каждый день мы отправляли инженеру большую записку, в которой рассказывали о том, что сделано. И каждый день получали ответ — десять-двенадцать слов, нацарапанных дрожащими буквами на листе ученической тетради.

Инженер умел писать так, что в десяти словах у него вмещалось больше мыслей, чем в тридцати наших. И каждая записка неизменно начиналась фразой: «Я в порядке».

В последней записке инженер даже набросал чертеж, как нужно крепить крылья к поворотным фланцам на корпусе. Под чертежом написал: «Если правильно соберете, обязательно полетит».

— Обязательно полетит, — повторил Юрка. — Verba magistri. Слова учителя.

Мы возились часов до двух. Тщательно осматривали каждый винт, каждый шарнир,

каждую ось. Еще раз подтянули гайки и смазали кулисный механизм, и вдруг оказалось, что больше нечего делать, все на своих местах, все в порядке.

— Ну, вот, — сказал Юрка, вытирая со лба пот. — Можно попробовать.

Уже? Пробовать?

Стало как-то не по себе.

Значит, можно сесть на мягкий желтый треугольник седла, поставить ноги на педали двигателя, сбросить ограничитель крыльев с нейтрального положения и...

— Давайте я попробую! — заторопился Тошка и, перекинув ногу через раму, хотел было сесть на седло, но Юрка схватил его за шиворот.

— Стой! Почему обязательно ты? Всем хочется.

— Так что, всем сразу садиться, что ли?

— Бросим жребий.

— Давайте морским? — предложил Тошка и сжал кулаки, готовясь выбросить пальцы по счету «три»!

— Морским! По-твоему, это игра в чижика? — презрительно усмехнулся Юрка.

— Не все ли равно как, — проворчал Тошка.

Мы стояли в уютном дворике инженера, отгороженном от улицы кустами желтой акации. Солнце просвечивало тонкую пленку крыльев энтомоптера. На земле лежала прозрачная тень. Длинными искрами вспыхивали спицы велосипедных колес. Легонько вздрагивало перо отнесенного назад стабилизатора.

А над городом шли облака. Они были похожи на снежные горы. Синели между ними ущелья и бездонные пропасти. Мягко обрушивались лавины. Наверное, там, наверху, был ветер.

— Напишем четыре билетика, — сказал Юрка. — Так вернее. И никому не обидно.

Мы написали четыре билетика. На трех слово «нет», и на четвертом «полет».

Я тащил билетик из Борькиной кепки вторым. Тошке досталось «нет», и он в сердцах разорвал бумажку.

Я развернул свою.

— Эх! — сказал Юрка и выхватил у меня листок. — Вот повезло!

Я подошел к энтомоптеру, перекинул ногу через раму и сел в мягко спружинившее седло.

Рычажок ограничителя крыльев стоял в среднем положении. Я повернул его вправо, и концы крыльев опустились, чуть не коснувшись земли.

Ладони плотно легли на рукоятки руля, и ноги безошибочно отыскали педали.

Юрка забежал вперед, зачем-то пощупал покрышку переднего колеса, потом махнул рукой и сказал:

— Давай, Коля!

...Неужели взлетит?..

Я нажал на педали.

Они пошли очень туго. Мне пришлось даже привстать в седле, как при подъеме в гору.

Крылья поднялись, на мгновенье заслонив от меня солнце, потом сильно пошли вниз и из-под них вымахнуло облако пыли.

Я нажал изо всех сил.

Кулисный механизм застрекотал под рулем, как швейная машина, громко фыркнули крылья, энтомоптер дернулся вперед, и передо мной мелькнули плечи отскочившего в сторону Юрки.

Меня слегка наклонило вправо, и кусты вдруг провалились вниз, потом показалась красная чешуя черепичной крыши. Крыша стремительно скользнула в сторону, под ногами мелькнули окаймляющие Баксанскую липы, прямоугольники дворов, пушистые вершины яблонь, и вдруг все это ушло куда-то вбок и вверх, сильно поддало снизу, и энтомоптер, прокатившись несколько шагов по дороге, замер, раскинув неподвижные крылья.

Я оглянулся и медленно, словно просыпаясь, сообразил, что машина огромным прыжком перенеслась через дом инженера, пролетела над всем кварталом и опустилась посреди Баксанской улицы. Опустилась потому, что я, нажав несколько раз на педали, забыл про них, и крылья автоматически перешли на планирование!

От дома ко мне уже мчались ребята, крича и размахивая руками, и какая-то женщина у водоразборной колонки, позабыв про ведро, через край которого хлестала вода, глядела, раскрыв рот, на меня и на энтомоптер.

Последний отчет

Вот что мы написали в тот вечер инженеру, истратив на черновики листов двадцать бумаги:

«Владимир Августович!

Сегодня мы, наконец, собрали машину. Шпильки крыльев закрепили корончатыми гайками и зашплинтовали, как вы нам велели.

Потом бросили жребий, чтобы все было по-честному. Полет вытащил Коля Соколов. Он перелетел через дом и сел на дорогу. Всего пролетел двести семнадцать шагов. Для верности мы измерили два раза. Взяли среднее.

Сбежалось много народу, особенно мальчишек, и нам пришлось увести энтомоптер во двор и ничего больше не предпринимать, потому что ваша соседка Андреиха криком кричала, что мы хулиганы и можем даже спалить дом. Некоторые за нас заступались, говорили, что машина большое изобретение, но Андреиху никто не мог перекричать.

Мы сидели до темноты в комнате, а потом вывели энтомоптер за поселок, где начинается кукурузное поле, и там выпало лететь Антону. Он крутил педали изо всех сил, но энтомоптер только подпрыгивал на месте, примерно на полметра в высоту, и никак не взлетал. Потом сел Боря Линевский, а за ним Юра Блинов, но ничего не получалось. Мы осмотрели энтомоптер, проверили крылья и все соединения. Все в полном порядке. Пробовали раз десять, но от земли так и не удалось оторваться. Почему — не знаем.

Юрка говорит, что, наверное, нарушилась координация движения крыльев.

Нам очень хочется, чтобы вы поскорее поправились и увидели, какая замечательная машина энтомоптер, и порадовались бы, что все расчеты оказались правильными.

Николай, Борис, Юрий, Антон».

Мы не написали, что человек десять мальчишек выследили, как мы катили энтомоптер к кукурузному полю и наблюдали за нашими неудачными попытками взлететь.

Это не имело значения. Главным было то, что у человечества, наконец, появился аппарат, о котором оно мечтало больше двадцати столетий.

Вот почему мы несли в больницу нашу записку как знамя победы.

Опять над землей стоял синий сверкающий день, и по небу летели легкие облака. Только теперь они не казались такими далекими.

Все в мире светилось праздничной красотой: деревья, крыши домов, лица прохожих и булыжники мостовой. Никогда еще наш город не был таким прекрасным.

Когда впереди показался светло-серый больничный корпус, мы не выдержали и помчались к нему, обгоняя друг друга.

Тяжелая дверь приемного покоя гулко хлопнула. Из справочного окошечка выглянула дежурная сестра и погрозила нам пальцем.

— Тише! Вы что, с ума сошли!

Юрка протянул ей синий конверт.

— Вот. Передайте в седьмую палату.

Дежурная взяла конверт, прочитала фамилию и покачала головой.

— В седьмую палату ничего не принимаем.

— Почему? — сунулся вперед Тошка. — Всегда передавали, а сегодня не принимаете? Знаете, какая это записка?

— Ничего не передаем, — повторила сестра и возвратила конверт Юрке.

— Может быть, все-таки скажете почему? — спросил Юрка, оттесняя Тошку и всовывая голову в окошечко.

Мы навалились на его плечи и тоже заглянули в стеклянную клетку дежурной.

Сестра ворошила какие-то бумаги на своем столике. Лицо у нее было сердитое.

— Приказ такой, понимаете? Ничего не передавать. Сегодня у него кризис.

— Что, что? — переспросил Юрка.

— Кризис, — повторила сестра. — Человек из могилы выкарабкался. Необходим абсолютный покой. Никаких передач, никаких записок. Иначе — рецидив.

— Какой еще рецидив? — спросил Борька.

— Повторение. А теперь идите. Некогда мне с вами разговаривать.

Она приподнялась на стуле и захлопнула окошко.

В то время мы еще не знали, что никогда больше не увидим инженера.

Сначала его увезли в Пятигорск в бальнеологическую клинику, потом в Крым на окончательное излечение, а потом и наша компания разлетелась по всей стране.

Прошло много лет. Но до сих пор я вспоминаю нашего инженера, и когда у меня что-нибудь не ладится, не выходит, я повторяю его слова:

— Самое высокое счастье — сделать то, чего, по мнению других, вы не можете сделать! Dinamis mobilis!

Конец

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Дорогие друзья!

В нынешнем году мы открываем в нашем журнале новый раздел: «Страна Поэзия».

Велика и необъятна эта Страна. Она таит в себе много интересного и волнующего. Здесь есть о чем поразмыслить, есть чему удивиться и порадоваться.

Собственно говоря, вы уже давно, с первых лет жизни, вступили в эту прекрасную Страну.

Не вы ли одерживали победы вместе с бесстрашным Бибигоном, смеялись над самонадеянным Мистером Твистером, дивились подвигам добродушного Дяди Степы? Ну, конечно, вы отлично помните стихи наших замечательных детских поэтов: Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Сергея Михалкова и многих, многих других!

Наверное, вам уже известны и такие поэтические произведения, как «Смерть пионерки» Эдуарда Багрицкого или «Гренада» Михаила Светлова. Хотя эти стихи и не были написаны специально для детей, юные читатели приняли и полюбили их.

В богатейшем запасе «взрослой» советской поэзии есть еще немало таких произведений, которые будут с интересом прочитаны вами и, мы надеемся, понравятся вам.

Вот мы и обратились к поэтам, нашим современникам, с просьбой выступить на страницах «Костра» с одним или двумя стихотворениями. Написанные в разное время, эти стихотворения отразили разные события в истории нашей Родины, они ставят и решают различные проблемы. Кроме того, мы попросили каждого из авторов рассказать о своем творчестве, поделиться своими мыслями о поэзии.

Итак, в путь!

Страна Поэзия открывает перед вами свои новые горизонты!

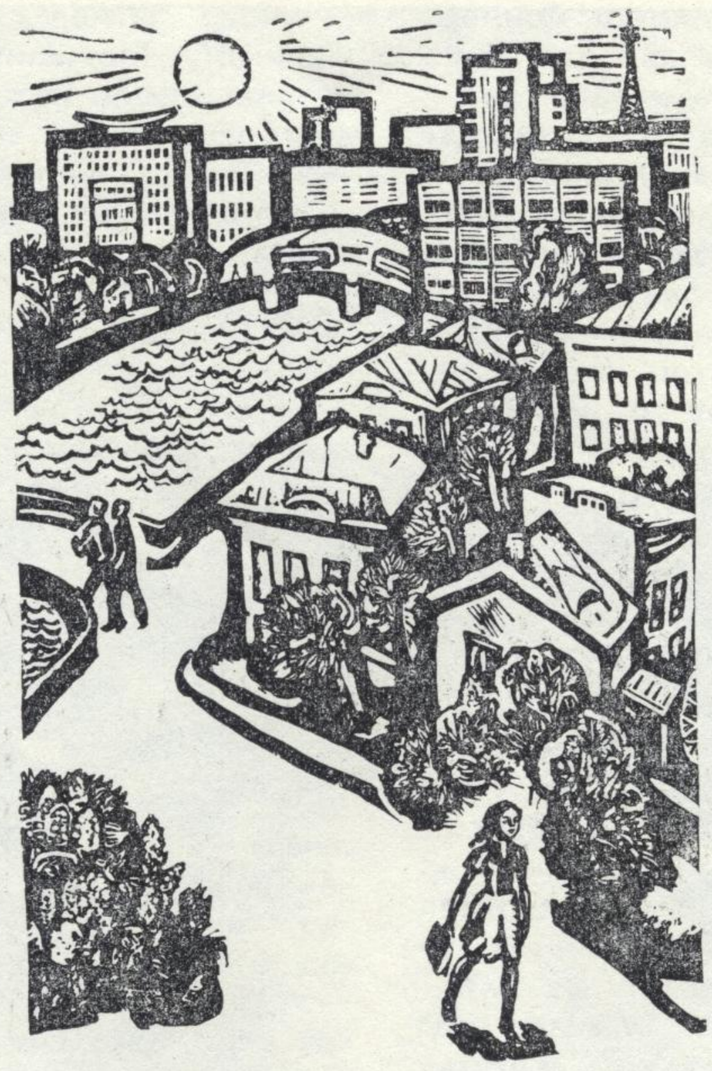
ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Дорогие молодые читатели, мне очень польстило приглашение выступить со своими стихотворениями на страницах вашего журнала.

Хоть я человек пожилой, но меня очень интересует, как воспринимается моя поэтическая деятельность самым юным поколением нашей страны. Ведь никому не хочется быть устаревшим, полузабытым или забытым совсем. И совершенно естественна тяга и даже жажда моих сверстников быть замеченными нашей юной сменой.

Буду очень рад, если эта публикация вызовет интерес и понимание.

Желаю вам всего самого лучшего.



ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ЛИДА

Вдоль маленьких домиков белых
акация душно цветет.
Хорошая девочка Лида
на улице Южной живет.

Ее золотые косицы
затянуты, будто жгуты.
По платью, по синему ситцу,
как в поле, мелькают цветы.

И вовсе, представьте, не плохо,
что рыжий пройдоха апрель
бесшумной пыльцою веснушек
засыпал ей утром постель.

Не зря с одобреньем веселым
соседи глядят из окна,
когда на занятия в школу
с портфелем проходит она.

В оконном стекле отражаясь,
по миру идет не спеша
хорошая девочка Лида.
Да чем же
она
хороша?

Спросите об этом мальчишку,
что в доме напротив живет.
Он с именем этим ложится
и с именем этим встает.

Недаром на каменных плитах,
где милый ботинок ступал,
«Хорошая девочка Лида»,
в отчаянье он написал.

Не может людей не растрогать
мальчишки упрямого пыл.
Так Пушкин влюблялся, должно быть,
так Гейне, наверно, любил.

Он вырастет, станет известным,
покинет пенаты свои.
Окажется улица тесной
для этой огромной любви.

Преграды влюбленному нету:
смущенье и робость — вранье!
На всех перекрестках планеты
напишет он имя ее.

На полюсе Южном — огнями,
пшеницей — в кубанских степях,
на русских полянах — цветами
и пеной морской — на морях.

Он в небо залезет ночное,
все пальцы себе обожжет,
но вскоре над тихой Землею
созвездие Лиды взойдет.

Пусть будут ночами светиться
под снами твоими, Москва,
на синих небесных страницах
красивые эти слова.

Гравюра А. Овсянникова

Рассказываем о фильме „Обыкновенный фашизм“

„ПЛОХИХ ДЕТЕЙ НЕТ...“

— Хитрый кот...
— Умный кот...
— Грустный лев в зоопарке...
— Моя мама — самая красивая...

На экране — рисунки детей. Даже самый умный кот вздрогнул бы, увидев свое изображение в тетрадке малыша: это же ни на что не похоже! — подумал бы он. А у «самой красивой» мамы глаза совы, прическа веником и буденновские усы.

В затемненном зрительном зале нарастает смех.

А мне делается страшно. За вас. Я сжимаюсь в кресле и жду. Я-то знаю, что сейчас будет.

Начинается фильм выдающегося советского кинорежиссера Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» по сценарию М. Ромма, М. Туровской и Ю. Ханютина.

Для вас фашизм и мировая война, в которую он ввергнул человечество, — это история. В школе история иногда кажется скучной. Александр Македонский, Наполеон, Гитлер? Тройка по истории? Чепуха. Зато слава лучшего математика класса.

А старые фашисты между тем — живы-здоровы. Они маскируются: ездят навещать дом Анны Франк, замученной ими девочки, осудившей фашизм своим трагическим дневником на весь мир. Возлагают цветы. Застенчиво улыбаются. А потом отправляются на фашистские сборища, которые проводятся в различных городах Западной Германии.

В Америке жгут свои страшные кресты ку-клукс-клановцы — те же фашисты. В некоторых других странах собираются банды молодых парней, дерут глотки и мечтают стрелять в людей.

Поэтому фашизм — не история. Это тяжкая болезнь нашего века, кровавое средство, к которому прибегают империалисты, чтобы удержать свои позиции.

Человечество ставит своих часовых — чтобы фашизм не прошел во второй раз. Одним из часовых антифашизма стал и Михаил Ромм.

Его творческая вахта оказалась нелегкой. Создателями картины просмотрено около двух с половиной миллионов метров пленки — фашистской хроники предвоенных и военных лет, нашей собственной военной хроники. Вам трудно представить себе эту цифру. В обычном художественном фильме — около двух с половиной тысяч метров. Получается, что сырьем для

«Обыкновенного фашизма» явились ленты хроники, равные по общей длине тысяче фильмов! Обычный фильм идет полтора часа. Тысяча картин продолжалась бы полторы тысячи часов. Если сидеть в просмотровом зале киноархива по пять часов в день — работы будет на триста дней, с выходными днями — на год.

Но главное — не в цифрах. Надо помнить, что создателям фильма пришлось просматривать не веселые комедии с увлекательным сюжетом, а бесконечные марши заводных убийц, полыхание факелов и костров, истребление людей.

«Я стал собирать материал по следующему принципу — рассказывает режиссер. — В одну коробку — всего Гитлера, в другую — всего Геринга, в третью — возложение венков, в четвертую — парады, в пятую — восторженные вопли толпы, в шестую — солдатский быт...»

А потом отобранный материал соединялся в различных сочетаниях. Выбор сочетаний называется монтажом.

Приведу пример.

В фильме есть такой кадр. Современная Варшава. Балкон очень высокого дома — возможно, Дворца науки и культуры. Чья-то рука запускает бумажный самолетик, самый обыкновенный, каких вы десятки делаете сами.

Варшава с высоты балкона. Самолетик парит над городом, причудливо, вслед за ветром, меняя направление. Следя за его полетом, аппарат захватывает новые, прекрасные кварталы возрожденной из руин польской столицы. Долго в тишине парит над городом бумажная птичка...

И рядом — другой кадр: самолеты — настоящие, со свастикой, — сбрасывают бомбы на многострадальную Варшаву. Город в огне. Его не узнать. Не солнечное, а черное небо в дыму...

Что дает такое сопоставление кадров?

Сталкивая их, режиссер заставляет зрителя еще острее испытать радость жизни, жажду мира и ненависть к войне, к массовому истреблению одним народом другого. Режиссер заставляет зрителя думать.

Такое стремление режиссера не случайно. «Обыкновенный фашизм» — это фильм-размышление. И размышление это посвящено не столько фашистам-убийцам (на эту тему уже создано множество фильмов и будет, наверное, создано еще), сколько «мирным» фашистам, будням фашистской Германии и ее праздникам.

Будни фашизма — это работа. Работа по уничтожению старой культуры. В фильме показано, как на немецких площадях полыхают костры из книг. Этот жуткий ночной кадр трагичен.

Покончив с книгами, фашисты принялись за интеллигенцию. С книгами было проще: они покорно горели. А писатели, художники, музыканты — эти не хотели молча исчезнуть. Они бунтовали: писали книги, симфонии, картины. Это было уже слишком. Начались аресты и расстрелы. «Актерам и художникам нужно время от времени грозить пальцем», — сказал Гитлер.

Что же осталось после всех этих мероприятий?

Авторы фильма вместе с нами размышляют об этом.

Они показывают нам президиум немецкой Академии наук. В зале люди в военной форме. Мы сразу догадываемся: здесь оставили тех, кто оказался верен фашизму.

А вот Академия права. В зале — люди в военной форме. Это «юристы», которые оправдали фашизм. Кстати, именно эта академия приняла постановление, что нелюбовь к фюреру — уголовное преступление.

А вот совещание сельских хозяев. В зале — люди в военной форме. Сельскими хозяевами смогли остаться те, кто оказался полезен фашистам.

Как видите — снова монтаж. Монтаж, заставляющий задуматься над вырождением народа, который прогнал настоящих писателей, ученых, художников, — прогнал или уничтожил. И оставил хулиганов и неучей вершить новую «культуру» фашистского рейха.

В фашистской Германии начали твориться странные вещи. С людьми происходили удивительные превращения. Будто на территорию страны проникли мириады микробов, от которых люди глупеют, теряют человеческий облик, утрачивают человеческую личность.

Школа. Детей учат писать. Но все они выводят одну и ту же фразу: «Хайль Гитлер».

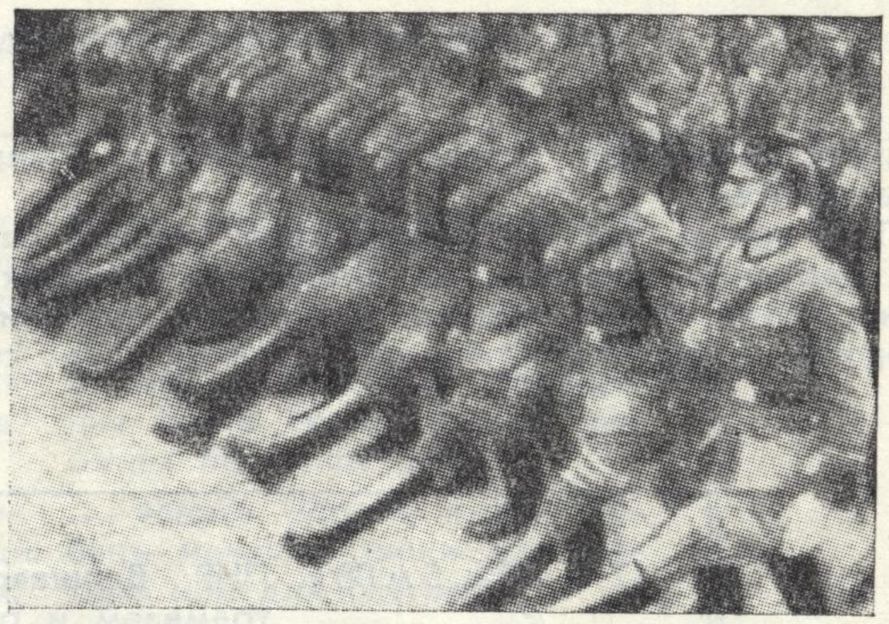
Стадион. Юношеский праздник. На огромном зеленом поле телами детей выложены слова: «Мы принадлежим тебе».

А голос режиссера Ромма за кадром говорит:

«Дети еще не понимают, что стыдно принадлежать кому бы то ни было, хотя бы самому фюреру. Они смотрят на него с обожанием. А ведь им еще придется каждый день и каждый час в течение долгих лет слышать, что он непогрешим, что он всегда прав, что он великий, что он мудрый!..»

Как вы думаете, может ли один человек быть всегда правым? Может ли он оказаться мудрее целого народа? Имеет ли он право безоговорочно повелевать каждым, диктовать свою личную волю военным и писателям, ученым и художникам, дипломатам и поэтам?..

На берлинской «художественной» выставке, среди несчетных изображений фюрера, имелся скульптурный портрет мужчины с надменно закинутой головой, идеально прямым носом, светлыми волосами и сильно развитыми мышцами шеи. Таков был выработанный эсэсовской наукой тип породистого немца. Этой породе людей, по мысли фашистских теоретиков, надлежало повелевать другими.



От теории до практики — один шаг. Гитлеровцы принялись за национальную, расовую чистку своей страны и захваченных территорий. Нужно было освободиться от евреев, поляков, венгров, чехов. Начались облавы, погромы, аресты целых семей. Потянулись специальные эшелоны. Стали заполняться концлагеря и гетто.

Маяковский мечтал о том времени, когда «поплавки слов» — тех слов, с которыми поэт стремился покончить, — останутся только в словарях. Если по совету Маяковского обратиться к словарю, ну, хотя бы

Эти два кадра из фильма мы сознательно поставили рядом. На них — страшные минуты

к распространенному словарю профессора Ожегова, то мы прочтем:

«ГЕТТО, нескл., ср. В средние века: особые еврейские городские кварталы, за пределами которых евреи не имели права селиться и которые сохранились в некоторых капиталистических странах, где существует расовая дискриминация. Существование гетто — одно из крайних проявлений расового шовинизма».

То, что было придумано в средние века, в эпоху инквизиторов, немцы возродили в середине двадцатого века. В картине «Обыкновенный фашизм» показано гетто. Заглянем в монтажную запись.

1210. Общ. 5 м 08 к.	ПНР Варшавская улица с трамваем и редкими прохожими отгорожена стенами. Над улицей переходной мост для евреев гетто. На лестнице поток людей.	Вот мост в гетто над двумя стенами. Сюда согнано пятьсот тысяч человек. Согнано на голодную смерть.

Объясню вам, что значит такое расположение текста и примененные в нем обозначения.

1210 — это порядковый номер кадра. «Общ.»—сокращенное обозначение слов «общий план», что означает охват кинокамерой широкой картины, без подробностей, без деталей. ПНР — сокращенное слово «панорама». «5 м 08 к.» — это продолжительность, точнее — длина эпизода или сцены. Эта длина измеряется метрами и отдельными кадриками; в данном случае метров — 5, кадриков — 8. Первый столбик — описание того, что мы в данном случае видим. Второй столбик — текст, произносимый диктором или актером во время прохождения соответствующего эпизода. Для того, чтобы текст как можно точнее соответствовал изображению на экране, слова в монтажной записи нередко обрываются даже посередине. Сейчас вы это увидите.

жизни двух мальчиков, почти сверстников. Один становится убийцей, другой — жертвой...

1213. Ср. 4м 16 к.	Женщина сидит на нарах, шьет. Рядом с ней, обхватив руками колени, покачивается истощенный ребенок.	Я не понимаю, какую силу и какую радость . . . . .
1214. Общ. 5 м 45 к.	Дети в комнате. Мальчик постарше встает, одевается.	. . . могло доставить посещение этого гетто. Иногда ребятам постарше уда. . .
1215. Ср. 4 м 30 к.	ПНР Группа детей вытряхивает из-за пазухи овощи. Немецкий солдат торопит их.	. . . валось удрать, чтобы добыть немного пищи для матери или для сестры.
1216. Ср. 6 м 03 к.	ПНР Дети вытряхивают овощи, солдат обыскивает их.	Но это кончалось вот так. . .
1217. Об. 2 м 01 к.	К ногам детей падают овощи.	Но даже в гетто ре. . .
1218. Кр. 4 м 15 к.	Фотография. Детский рисунок: человеческая фигура из бумаги.	. . . бенок творил. Не было карандаша — рвал фигурки из бумаги.

В этом последнем из перечисленных кадров режиссер прибегает, как вы видите, к крупному кадру («Кр.»). Это необходимо ему не только для того, чтобы мы могли подробно разглядеть детский рисунок. Режиссеру важно подчеркнуть, что и на пороге смерти маленький человек остается человеком, художником. Приведу вам включенный в фильм рассказ Михаила Ромма об этих детях:

«Дети рисовали, вспоминали прошлое, и прошлое казалось им светлым. Ведь ребенок-то рожден для счастья. Они наблюдали настоящее и мечтали вот так уехать из гетто (на экране — детский рисунок: паровоз, вагоны...). Но они уехали вот так (на экране — настоящий товарный состав; двери запломбированы или зарешечены досками). Большой писатель и великий педагог Януш Корчак пошел в гетто и отказался выйти оттуда. Он до конца оставался с детьми. И был увезен вот в таком эшелоне. До последней смертной минуты он был с детьми, он рассказывал им сказки и был найден мертвым в газовой камере. И мертвые дети обнимали его».

Все это случилось потому, что одни люди возомнили себя лучше других. Здесь — глубокие корни фашизма.

Авторы фильма снова и снова заставляют зрителя задуматься: все ли корни фашизма в сознании людей сегодня уничтожены? Так ли это? Разве не видим мы и сегодня в разных странах те же приемы воспитания мальчиков и девочек, какими пользовался Гитлер?

Рецепты — старые, знакомые. Молодежь «освобождается» от искусства и литературы, от обязанности думать, разбираться в сложных вопросах жизни, политики, творчества. Молодежь «освобождается» от чести и совести — иметь эти качества становится неудобным, даже опасным. Мозг, лишенный пищи и упражнений, начинает вырождаться. Зато богатое развитие получают кулаки...

Но ведь эти самые мальчики и девочки, раньше чем подвергнуться обработке на одинаковость, на стандарт, тоже рисовали умных и хитрых котов, грустных львов в зоопарке, своих самых красивых мам!

Они позабыли об этом. Теперь они пишут и рисуют не то, что им хотелось бы, — они кричат «хайль!»

А за их спинами стоят те, кто сам своими руками никого не убивает. Теоретики, вдохновители, философы фашизма, — они не стреляют, они лишь науськивают, лишь подводят под кровавые дела «научную базу», — и неизвестно, не страшней ли они для мира, чем юнцы с автоматами на груди.

А за спинами теоретиков стоят те, кто платит деньги. Финансовые воротилы, миллиардеры, промышленные магнаты.

Они в свое время, когда в Германии назревала революция, «открыли предохранительный клапан» — призвали Гитлера к власти.

Они же, если сочтут нужным, дернут за веревочку — и где-нибудь в Лондоне, в Париже или в Нью-Йорке задергается, вскинув руку, очередной «фюрер»-марионетка.

Мартин Лютер Кинг убит ими. И президент Кеннеди убит ими. Пластиковые бомбы, и напалм, и свастики, намалеванные на гранитных надгробьях нацистских жертв, — всё это сегодняшний, благословляемый империалистическими хищниками «обыкновенный фашизм».

Но такое не может, не смеет быть в нашем мире обыкновенным.

Финал картины потрясает. Заканчивает свой рассказ за кадром режиссер Михаил Ромм. «Человек рождается прекрасным, плохих детей нет, — говорит он. — Все дети во всем мире хороши, все зависит от того, что мы с вами вылепим из этих детей, во что мы с вами превратим их...»

И вдруг начинает звучать голос маленькой девочки, которая рассказывает сказку о курочке-рябе:

«Жили были дед да баба...»

А на экране сменяются лица — остриженные наголо женщины, мужчины, юноши. Лица людей, сожженных в фашистских концлагерях.

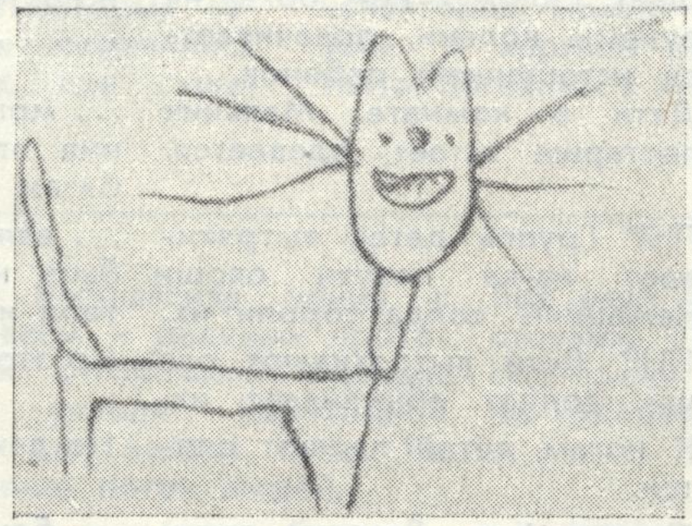
Они наплывают на зрителей в немой тишине зала плавно, все увеличиваясь, будто волны какого-то нездешнего моря. Они наплывают все ближе, и мы видим теперь только глаза. Глаза, полные тоски, боли, невысказанных вопросов. Глаза тех, от кого не осталось даже пепла...

«— Яичко не простое, а золотое...» — неторопливо, безмятежно ведет свою сказку маленькая девочка. Волны прошлого, плывущие на экране, еще не тревожат ее. Это живая девочка, это наша современница. Она никогда не была в фашистском концлагере смерти и ничего еще не знает о судьбе тысяч своих сверстниц.

Кем она будет? Врачом? Учительницей? Поэтом? Инженером?

Для того, чтобы дети превращались в настоящих, хороших, честных людей, и сделан фильм «Обыкновенный фашизм».

Юрий Алянский



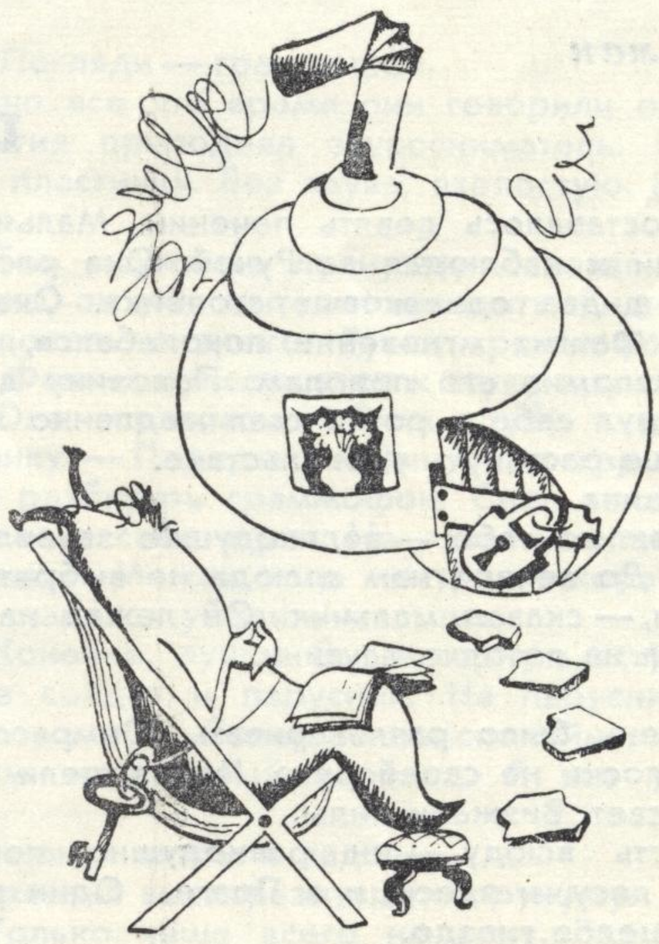
Семен Коган

Я ЕДУ

Утром спешу я
На станцию —
Давно меня
Поезд мой ждет.
— Останься!
Останься!!
Останься!!! —
Мне бабушка
Жить не дает.
Я бабушку
Крепко целую.
— Ты знаешь —
Ведь я не могу...
Я бабушку
Крепко целую
И вниз
По ступенькам
Бегу.
Я дворнику
Дяде Семену
Кричу:
— До свиданья,
Сосед!
Я еду!..
А он удивленно:
— Куда? —
Прокричит
Мне во след.
Куда?
Я пока что
Не знаю,
И мне безразлично
Куда!
Ведь главное —
Я уезжаю!
Надолго...
А вдруг —
Навсегда!
Уеду
Далеко-далеко,
Уеду один,
Налегке,
И будет мне
Так одиноко
В далеком
Моем далеке.
Не будет
Знакомых мальчишек
И бабушки
Доброй моей,
И некому будет
На крышах
Гонять без меня
Голубей.
Зачем же
Спешу я
На станцию?
Зачем уезжать
Тороплюсь?
Останься!
Останься!!
Останься!!!
И вот я уже
Остаюсь.
— С приездом! —
Кричат мне
Мальчишки.
— С приездом! —
Кричит мне
Сосед.
И бабушка
Вкусные пышки
Уже испекла
На обед.
И думаю я,
Пообедав:
«Сегодня вернулся —
И пусть!
Я как-нибудь
Снова уеду
И как-нибудь
Снова вернусь!»

УЛИТКА

Вот забор,
А вот калитка.
Здесь
Не первый год
В тихом домике
Улитка
Не спеша
Живет.
Не спеша
С постели
Встанет,
Не спеша
Зевнет.
В кладовой
Еду достанет —
Молча пожует.
Не спеша
Откроет книжку
И, зевнув опять,
Не спеша
Закроет книжку,
А сама —
В кровать.
Дождик льет,
Сияет солнце.
Двери — на замок.
Кто-то скажет:
— Во живется!..
Я бы так
Не смог.



Рисунки И. Казаковой

Побег

ПОВЕСТЬ

Ота Гофман

Рисунки Ю. Шабанова

ПАУТИНА

У них еще оставалось девять печенин. Мальчик лежал на постели и наблюдал за Рукой. Она раскладывала печенье в два одинаковых столбика. Оказалось одно лишнее. Фангия мгновение поколебался, но потом честно разломил его пополам. Половину дал Саше, другую сунул себе в рот и стал медленно жевать, чтобы подольше растянуть удовольствие.

Налил себе вина.

— Воду оставляю тебе, — великодушно заявил он. — Не пей сразу. До вечера нам отсюда не выбраться.

— Тут пауки, — сказал мальчик. Он лежал на спине и рассматривал на потолке паутину.

— Ну и что?

Большому лень было разговаривать. Он рассматривал рыжие волоски на своей руке. Через щели в ставнях проникал свет. Визжали пилы.

— Пауки есть всюду, — он равнодушно потягивал портвейн. — В лесу, и здесь, и в Праге... Один раз мы нашли в цеху целое гнездо.

— У них бывают гнезда?

— У одних бывают, у других нет. — Он и сам толком не знал. — У этих, кажется, нет. — Поглядел на паутину. — В Южной Америке водятся паучищи величиной с палец. Укусит такой — п-ш-ш! — и крышка. В Южной Америке или еще где-то...

— Тарантулы?

— Наверно. — И только через секунду удивился: — Откуда ты знаешь?

— Мы читаем такие книжки. С папой.

— Какие?

— Про космонавтов и про природу. — Мальчик поколебался, можно ли доверить ему тайну. — Я, наверно, буду космонавтом.

— Или трубочистом, — заметил Фангия.

— Почему трубочистом?

— А может, будет как раз не хватать трубочистов. Дурак, разве тебя кто спросит? — Голос его зазвенел. Но, увидев глаза мальчика, сказал: — Хотя тебя, возможно, и спросят. — И, зевнув, добавил: — Если будешь получать одни пятерки.

Окончание. См. «Костер» №№ 4—5, 1968 г.

— У меня две четверки, — сказал мальчик.

— Что?

— Я говорю, что дела мои не больно хороши, — ответил Саша.

— Это верно.

Болтовня перестала занимать Фангию. Он лежал и смотрел сквозь щель на противоположный склон. В тишине было слышно, как мальчик грызет печенье и потягивает носом. Это раздражало. Он перевернулся на живот.

— Наверно, тебе надо больше заниматься.

— Не в этом дело.

— В чем же?

— Стоит хоть раз получить крест — и уже от него не избавишься.

— Какой крест?

— Перечеркнутую четверку. Или единицу.

— Ну, это не так... — нерешительно запротестовал парень. — По крайней мере не всегда... — Уж он-то знал, что бывают вещи, которые прилепляются к тебе, как смола. И ни за что от них не избавиться. Тянутся за тобой, хоть тебе и твердят, что все уже забыто. — Думаю, не всегда, — повторил он. — Когда-нибудь все наверняка станет по-другому...

ФАНГИЯ

Он тоже боялся остаться один, но знал, что в конце концов ему этого не избежать, знал с самого начала так же твердо, как то, что затея с этим побегом вообще бессмысленна. Бежать неизвестно от чего. И неизвестно куда. Хоть он и уговаривал себя, что кто-то ждет его, уж он-то знал: никто его не ждет. А если и ждет, то совсем не так, как он хотел бы. Со страхом. Теперь, когда им уже известно, что он сбежал. Телефонный звонок был первой ошибкой. Нужна внезапность. Стремительный удар, как в боксе. Взять деньги и уйти. Пятнадцать сотенных, из-за которых ему пришлось два года самому стелить себе постель в исправительной колонии. Шестьсот раз складывать одеяло вчетверо.

Он убеждал себя:

Но никто из них не имеет права сказать, что я втянул его в эту историю. Даже Мирка.

И вдруг пришло в голову:

Я ведь даже не помню, как она выглядит. А сбежал ради нее. Ни для кого я не сбежал. Просто я дышу. Мне хорошо. Я подарил себе этот побег. Как транзистор на рождество. Лежу себе в постели, и никто на меня не орет. Мне хорошо. Этот дом и вино, и мальчонка с «крестами», и теннисные мячи в жестянке. Все хорошо.

Жить бы так все время. Ходить на работу в лес и ловить с мальчонкой кроликов. Захотел рассказать ему об этом. Протянул руку — но постель рядом была пуста.

— Саша?!

Постель около него была пуста.

Фангия встал.

Мальчик оказался в соседней комнате. Он взобрался на стул возле старой карты и, стоя на коленках, измерял расстояние от Европы до Африки. Хватило пяти растопыренных пальцев.

Саша оглянулся.

— Это совсем недалеко, — сказал он, застигнутый врасплох. — Вот она, Африка. Я правильно прочел — Африка?

Пальцы большого легли на то же место. Ответ прозвучал расхолаживающе:

— Ведь это море.

Море было синее, как небо. И ни одного моста. Волны вздувались. Фангия увидел большие огорченные глаза.

— Я думал, — сказал мальчик, — совсем ненадолго съездить в Африку, только поглядеть. А потом бы мы вернулись. Послали бы оттуда в школу открытку, про сарай, и что мы привезем им живого шимпанзе. Или попугая. Или вообще что поймаем...

В ответ — тишина.

Парень в куртке молчал. Он понимал: объяснять что-нибудь тут не имеет смысла. Тем более сейчас. И потому сказал:

КОРАБЛЬ

— Погляди — граммофон.

Точно все это время они говорили о граммофоне.

Фангия приподнял звукоснимателъ. Попробовал пустить пластинку. Без звука, вхолостую. Но диск не вращался.

— Там пружинка лопнутая, — сказал мальчик.

Видно, он уже пытался заводить. Видно, торчал здесь уже довольно долго. Ручка граммофона не действовала. Фангия прислушался к стуку пружины:

— Она сорвалась. — Снял трубу и диск. Подал его мальчику. — Подержи. — Вынул из кармана отвертку и начал разбирать граммофон. Снял всю верхушку. Винтики совал себе в рот. Не разжимая губ, с трудом выговорил: — Может, еще построим корабль. Держи!

Он старался убедить малыша.

— Конечно, лучше бы моторную яхту, но в крайнем случае сойдет и парусник. На паруснике тоже переплывают моря. Совершенно спокойно. Вдвоем мы соорудим хоть целый пароход. Я все умею. Если захочу.

Выплюнул винты в ладонь.

Подхватил выскользнувшую пружину.

— Только чаще всего не хочу. Раз приходится делать одно и то же... Без конца. Что я, обезьяна дрессированная? — Продолжая говорить, он скручивал

пружину. Движения точные, четкие. — А насчет открытки — неплохо придумано. Чтобы знали, где мы. По пути будем ловить рыбу. На еду. Один человек пил в океане сок из рыб. Когда у него кончилась вода. Воды надо бы взять побольше.

Рыбы Сашу заинтересовали.

— Там, внизу, удочки, — напомнил он. — И крючки.

— Маловаты.

Фангия пыхтел от натуги. Пружина накручивалась.

— Для морских рыб надо крючки здоровущие. А для акул... еще и топорик.

И вдруг застыл, отпустил пружину. Пружина больно ударила его по пальцам, но он даже не пикнул. Снова насторожился.

Откуда-то приближалось тарахтенье мотоцикла. Послышался собачий лай. Фангия задул свечу. Они стояли во тьме. Море было синее, как небо. Белый парус вздувался на ветру. Похожий на крыло чайки.

— Я... — Сашин голос дрогнул. Но он заставил себя говорить. — Мне надо бежать... — Во тьме, раскручиваясь, звенела пружина. — Через заднюю дверь...

— Почему?

— Потому что это за мной. Я оставил там тетрадь. В машине. Они идут по стрелкам...

— Сочиняешь.

— Нет, не сочиняю. Я хотел, чтобы вас нашли. Из-за Слипейша.

Лай приближался.

— Сочиняешь, — снова повторил тот, в темноте, но сам уже был убежден, что это так. Руками шарил по стенам. — Если правда... — Он весь — под курткой — покрылся потом. Наконец нащупал дверь. Ступеньки на чердак. — Свинья... Надо было отлупить тебя сразу, как только ты попался мне на глаза.

На локтях подполз к окошечку. Лицо облепила паутина. Он яростно стер ее.

Внизу, под собой, увидел детей с собакой. Они тащили повозку, в которой бренчала сумка с бутылками пива и подпрыгивала буханка хлеба. Наверное, чей-то завтрак. Собака то убегала вперед, к лесорубам, то возвращалась к детям, все укорачивающимися кругами, и, наконец, в избытке собачьего счастья стала кататься по траве, задрав кверху лапы и по-щенячьи взвизгивая.

Фангия облегченно вздохнул.

Но в этот момент на холме снова затарахтел мотоцикл. Вынырнул возле мостика. Миг он был виден совершенно отчетливо. Милицейская машина с белой полосой. За рулем — милиционер. На заднем сидении какой-то старичок. У маленького прилепившегося к горе домика старичок спрыгнул. Обошел его. Покрутил ручку двери, проверил, заперты ли ставни.

— Никого.

«Через пять минут будут здесь. Осталась еще одна дача. Потом — очередь сруба». Рядом — шмыганье носом.

— Свинья! — Фангия посерел, рот полон пыли, першит в горле... — Маленькая паршивая свинья...

Мотоцикл спускался вниз по склону. Уже совсем близко.

ТА САМАЯ МИНУТА

В углу окна сидел паук. У него было восемь лапок. Вторая пара накрывала передние, как щупальца.

Время тянулось бесконечно. Фангия отполз от окна. Теперь через пыльное стекло была видна только спина человека внизу, кусок переднего колеса да еще руки, на которые поплевал их владелец, обтирая грязь носовым платком. Рядом — учащенное дыхание мальчика. Влип. Уж это точно.

— Ну, что не кричишь? Стоит тебе подать голос...

Страх, точно удары кулаком по желудку, тошнота... На мгновенье он даже пожелал, чтобы все уже кончилось. Все. Внизу проверяли дверь и ставни. Потом шаги остановились. «Съездим еще на тот холм и баста. Наверно, его подобрала на шоссе какая-нибудь машина», — сказал тот, что вытирал платком руки. Мотоцикл снова затарахтел. Металлический скрежет — милиционер включил первую скорость, — дребезжанье; потом кудахтающий смех взбирающегося на заднее сиденье старичка: «Finis amore»[1]. Он подскакивал на сиденье и напевал: «Dolce amore»[2].

— Они о тебе вообще ничего не знают, — сказал Фангия Саше. — Все на тебя начхали.

— Наши не начихают.

— Все.

Мальчик понимал, что ситуация переменилась. Если ТЕПЕРЬ кто и был в западне, так это он сам. Он попятился в ожидании, что Фангия снова начнет его бить. Этого он боялся. И все-таки в нем жила вера в несколько непререкаемых истин, которую тот, старший, не мог поколебать.

— Вот железно — меня сейчас ищут. Папа. И ребята.

— Думаешь?

Казалось, ничего не произошло. Фангия, насвистывая, снова принялся накручивать граммофонную пружину.

— Ребята первые на тебя начхали. Я бы на них не рассчитывал. Пристукни я тебя — ни один черт не отыщет. Не веришь?

— Нет.

— Нет так нет. — Заскрипела пружина. Свечка мигала Саше в лицо. Диск граммофона начал вращаться. — Ты скажи мне одно... — Фангия собрал винты и гайки, чтобы снова укрепить крышку. — Когда те двое были внизу, тебе стоило только пикнуть. Почему ты не кричал?..

ГЛАЗА

Съели последнее печенье. Склон напротив посерел. Потом пришла ночь. Неожиданно сменила день, как будто спустили штору. Ночь застала их врасплох. Лес не знал мягких теней городских вечеров, постепенно переходящих в ночь. Это был осенний лес, готовящийся к зиме. Без синих ягод черники и теплого запаха грибниц. И хотя где-то высоко, наверное, искрились звезды, из-за тумана их было не видно. Только чернильная тьма, полная хруста веток и тихих шагов по траве. Это вылезли домовые.

Свечка мигала. Зачерпнуть ведром воду вдруг оказалось страшно трудно. Назад мальчик пустился бегом. Уже за дверью припал к ведру. Давился водой, точно глотал камни.

Второй пил еще более жадно.

Позади были ночь и день.

Девять печенин.

---

[1] Последняя любовь (ит.).

[2] Сладкая любовь (ит.).

Одну они разделили пополам.

Теперь, когда Фангия решил при первой же возможности сбежать, он не задумывался о том, что его ждет.

По крайней мере — не сейчас.

А мальчик, продолжавший все так же неусыпно следить за Фангией, делал это уже без тени враждебности.

КАША

Наверное, целый час парень в куртке вытряхивал на кухне мешочки и кульки. Вернулся с геркулесом. Граммов пятьдесят овсяных хлопьев. Три куска сахару. Сверху все полил вином. Размешал и попробовал.

— Ешь. Вполне съедобно.

Саша набрал полную ложку. Его передернуло, точно отведал полыни:

— Гадость...

— Что-то надо есть... — Фангия демонстративно стал есть это месиво. — Погляди на меня...

Он пересиливал отвращение.

Каша прилипала к зубам. Но все-таки сказал:

— Пускай гадость, зато полезная!

Некоторые вещи, мучившие Сашу, казались ему ерундой. Голод. Грязные руки. Или отсутствие зубной щетки, о чем мальчик говорил как о ПРОБЛЕМЕ.

Он разрешил ее словами:

— Винету[1] тоже не чистил зубы.

По радио передавали вечерние последние известия. Новый рекорд в добыче угля. Подготовка к празднику. Где-то из берегов выступили реки. На джунгли падали бомбы. На Рузинский аэродром[1] прибывали иностранные делегации.

— У него и фонарика к празднику Октябрьской революции не было?

— У кого?

— У Винету.

При воспоминании о ребятах Саша почувствовал что-то похожее на грусть. Он сказал:

— Вы могли бы ночевать у нас. Я взял бы вас на демонстрацию.

В его представлении любые, даже самые страшные неприятности можно просто-напросто перечеркнуть чистосердечным признанием.

Стоит только повторить сто раз подряд:

— НИКОГДА БОЛЬШЕ НЕ БУДУ ПОДЖИГАТЬ САРАИ.

ФОТОГРАФИЯ

Голод не давал им спать. За прикрытыми ставнями — тьма и туман. Промозглый холод проникал в комнату, залезал под перины[2].

— Придется захлопнуть ставни, — пробормотал большой. — А то замерзнем.

Он приподнялся на колени, поглядел на лежащего рядом мальчика:

— Плохо тебе?

— Живот болит.

Геркулес стоял в горле.

Старший сказал:

— Думаешь, у меня не болит?

Скрипнули петлями ставни. Загорелась свечка. Фангия вытащил пробку из бутылки с вином. Налил Саше.

— Отпей — пройдет.

— Оно кислое...

— Это только сначала.

Вино колыхалось в рюмке. Через ее выпуклую прозрачную стенку мальчик видел парня в куртке, растерянно почесывающего затылок.

— Будешь все время думать про свой живот, никогда не перестанет болеть. — Он вытряхнул из паспорта ворох бумажек. — Хочешь, что-то покажу?

Это была фотография. Вдоль трека ряды флажков, несколько гоночных мотоциклов устремились к финишу, вроде бы «пятидесятки». Неразличимые, смазанные фигуры гонщиков, скорее похожие на грязные полосы.

— Второй — это я, — сказал Фангия. — В красном шлеме.

Саша машинально пил вино.

— Правда? — Носом чуть не влез в фотографию. Восхищенно смотрит то на Фангию, то на карточку. — Можно мне ее взять? — И добавил просительно: — Пан...

— Меня зовут Рудла, — сказал Фангия. Восхищение мальчика льстило ему.

Он написал на фотографии:

НА ПАМЯТЬ.

В паспорте лежала еще одна, точно такая же.

Напомнил:

— Второй, не забудешь?

Саша отпил еще. Теперь, когда в руках была фотография, вино не казалось таким терпким.

— Была бы у меня порядочная машина...

Комната стала покачиваться.

— Второй в отборочных... — доносился откуда-то издалека голос парня, которого звали Рудлой и который был настоящим гонщиком. — Спи. Постарайся немного поспать.

РУДЛА

Он понимал: сейчас самый подходящий момент, чтобы уйти. Пока Саша спит. До утра времени еще достаточно. Ему представилось, какая тьма народу привалит завтра на эти лесные дачи.

«В моем распоряжении целая ночь и завтрашний день до обеда. Утром буду далеко отсюда. Надо решаться, хоть это и нечестно. Пока спит».

Он хотел уйти, но так и не ушел.

Повторял сам себе:

— Возьму его с собой. Оставишь его здесь — помрет со страху. — И все-таки понимал: когда-нибудь придется от него отделаться. Он еще не знал когда. Об этом не хотелось думать. И пытался найти доводы ЗА:

— Вдвоем даже лучше. Ищут ведь только одного. Без него у меня было бы гораздо меньше шансов проскочить.

Он прекрасно понимал, что это не так.

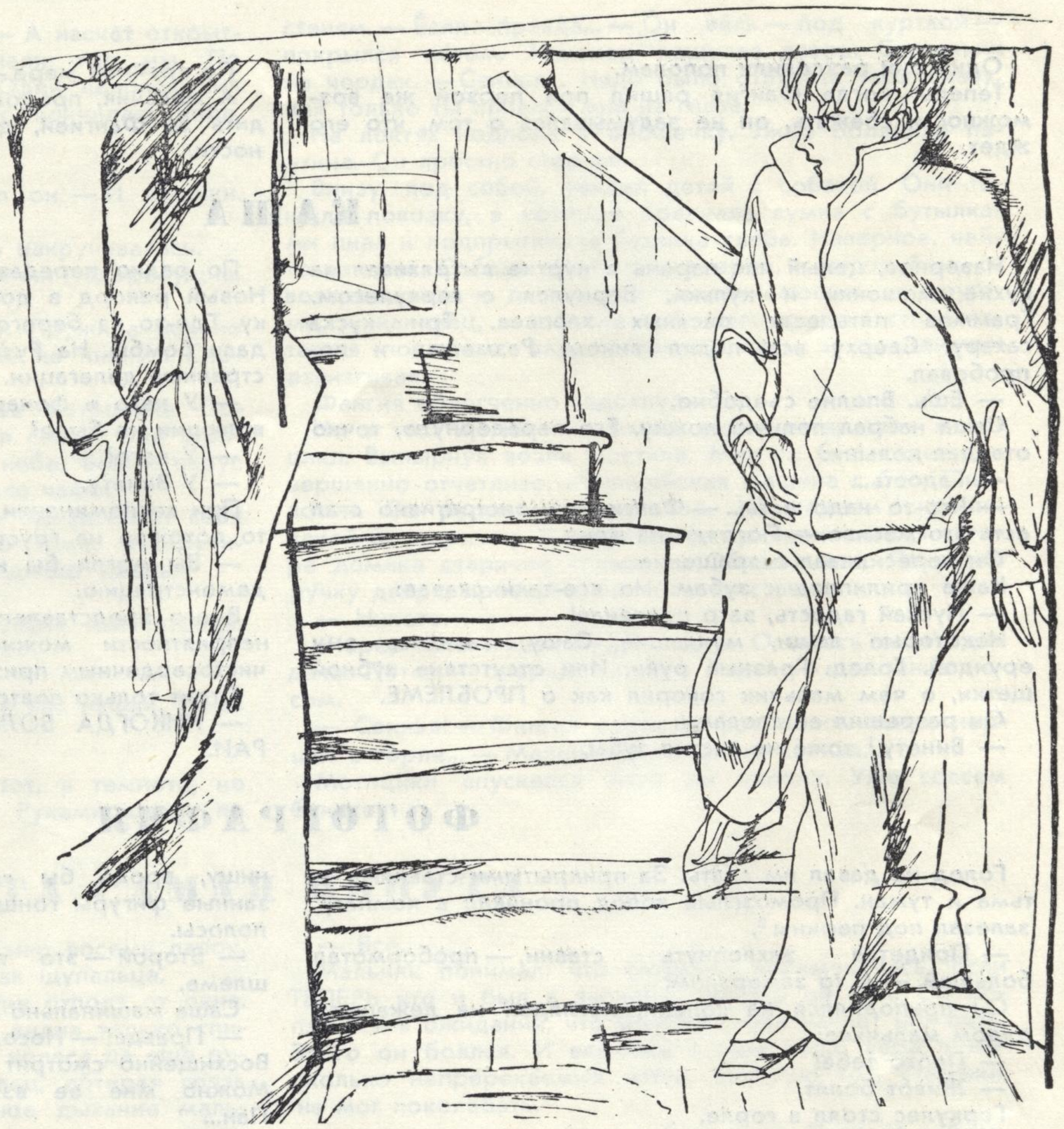
Потому что тут еще замешан сарай.

---

[1] Индеец, герой приключенческих книг немецкого писателя Карла Мая.

[2] В Чехии перинами укрываются как одеялами.

[1] Рузинский аэродром — аэропорт Праги.



Рукав от рубахи.

Миллион всяческих осложнений.

Упущу время. Надо дать ему выспаться. Надо сообразить насчет еды. Но по-прежнему лежал на кровати в полнейшей тьме и всматривался в себя. Где-то, под отложениями времени, КОГДА ОН ЕЩЕ НЕ БЫЛ ФАНГИЕЙ, в самой глубине ему удалось разглядеть маленького гордого мальчонку, отдаленно напоминающего Сашу.

«Это здорово, что ты есть, — прошептал Рудла и обрадовался, давно уж он не встречался с самим собой и только потому сумел убедить себя, что принадлежит к породе волков, пожирающих во время бегства маленьких больных волчат. К породе рыб, питающихся рыбами. У того мальчонки, что еще жил в нем, не было ни острых зубов, ни трусливых повадок. — Раз ты есть, я еще из всего выберусь».

ДЕНЬ

Мгновенье казалось, что еще ночь. Часы на руке показывали одиннадцать. Фангия поднес их к уху: тикают. Значит, уже одиннадцать утра. Внизу рокотал мотоцикл, на лестнице — шаги, постель рядом пуста. Невольно связал эти обстоятельства воедино.

«Влип. Окончательно».

До чего глупо.

Мог удрать ДЕСЯТЬ РАЗ.

Еще не знал, что предпринять. Стал спускаться по лестнице, дьявольски осторожно; когда ступенька скрипнула — остановился. Через щель в ставне увидел мопед. Значит, не милиция. И уже довольно далеко. Кажется, парень с девушкой. Девичья юбка развевалась по ветру. Комната внизу была пуста. Фангия прошел в пристройку. Перелез через дрова к дощатой будочке. Неуверенно прошептал:

— Саша?

— Я не могу, — послышалось из будки.

— Вылазь!

— Тут нет бумаги.

Нашел портфель. Сунул ему:

— Вырви из тетрадки.

— Нельзя.

Так бы и убил этого мальчишку! Но все же взял себя в руки. Под бревнами нашел кусок старой газеты. Пожелтевшие заголовки: КОРОЛЕВА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ФРГ. ЛЬГОТЫ ПЕНСИОНЕРАМ.

— Живо!

Наконец дверца скрипнула.

— Ты что, спал там?

— У меня живот болит.

Портфель в руке. Сам похож на Чарли Чаплина после морской болезни. В шаровары могло бы влезть двое таких.

— Рудла...

Глаза мокрые. Горестно трет рукавом нос. Шаровары спадают.

— Я думал, вы от меня сбежите. — Посапыванье носом. — А быстрее никак не могу...

У большого не было настроения болтать.

— Где твое пальто?

— Не знаю.

Обшарили большую комнату.

— Было где-то здесь, — шептал мальчик, залезая под стол, отставляя стулья. — Рудла...

Фангия сказал:

— Оно у чертовой бабушки... — Отодвинул кресло возле камина. Как раз теперь у нас уйма свободного времени... — Нашел пальтишко около лестницы. — Живо!

Собрал свои вещи. Револьвер-зажигалку. Увидел мундштук в форме женской фигурки. Заколебался. Хотел было сунуть в карман и его, но встретил взгляд мальчика. И оставил мундштук на столе.

ВКУС ЛЕСА

Они карабкались по склону. Сруб удалялся. На миг Фангия застыл, когда сорвавшийся из-под его ног камень скатился на дорогу. Но кругом было тихо. Никого. Даже лесорубы ушли. Только где-то за холмом тренькала гитара. Куски сосновой коры пахли смолой. Они совали их в рот и жевали. Острый запах эфирного масла исчезал в обильной слюне. Оставалось студенистое вещество. Оно прилипало к нёбу, но ощущение

голода проходило. И усталость тоже. Казалось, они могут идти так без конца.

До самого моря.

— Мы забыли там крючки, — вспомнил Саша.

— Где?

— В срубе. Для рыб, — он шел впереди, играя сам с собой в море, в корабль... — Дома у меня удочка и катушка, но я еще ни разу ничего не поймал. Хочется поймать хоть одну рыбу.

— А что потом?

— Ничего, — Саша подумал и засмеялся. — Разве что еще одну, побольше.

— А потом третью, еще больше?

— Наверно.

Фангия замедлил шаг. Перед ним на дороге была стрелка, выложенная из камешков. Стрелка указывала вверх, в том направлении, куда они шли. Он не знал точно, но подозревал, что это дело рук идущего впереди мальчонки. На всякий случай разгреб камешки ногой.

Догнал Сашу и сказал:

— Пожалуй, рыбе не понравится, что ты ее выловил. Того и гляди утащит тебя в море. — Фангия свернул с тропы. С того момента, как обнаружил стрелку, он старался не упускать Сашу из виду.

Лес с каждым часом менялся. К дачным домикам подъезжали машины. Была суббота, и этот лес становился опасным. Стоило кому-нибудь войти в покинутый ими сруб и увидеть пятна застывшего воска на ступеньках лестницы, потом следы к роднику. Развороченные постели...

Поднялись на вершину холма.

Неожиданно взгляду открылось множество домиков, прилепившихся внизу к скале. Они тянулись вверх из долины над рекой. Запах сжигаемых на кострах листьев. На площадке мальчишки и взрослые играли в футбол. В небе не меньше десятка бумажных змеев. Вдоль дамбы ехал поезд.

Они глядели вслед поезду, пока тот не скрылся в туннеле.

— У меня есть три кроны, — сказал мальчик. — Если хотите...

Но большой не слыхал. Он смотрел на мир, который ему не принадлежал. Девушки у волейбольной сетки. Возле костра бренчит гитара. У НЕГО ЖИЛЕТ ЗМЕИНОЙ КОЖИ...

— Иди вперед!

Снова за ними сомкнулись ветви леса.

Снова они карабкались по склону.

ТРАВА

— У нас будут горы всякой жратвы, — сказал Фангия. — Я припрятал в одном местечке деньги. Вот доберемся туда...

Трава была высокая, по пояс, с острыми стеблями. Они тонули в траве.

— А скоро?

— Не знаю. Но уже представляю, где мы.

Вышли на опушку. Фангия нагнулся и снова подвязал бечевкой сандалию, у которой отлетела застежка. Собрал горсть грибов, росших на пне. Вроде бы похожи на трутники. Кругом их полно.

— Опята, — брякнул он наобум. — Их едят сырыми и жареными. Но жареные вкуснее.

Нанизал грибы на палочку.

— Уж во всяком случае лучше заплесневелого печенья, — сказал он Саше, разжигая маленький костер. — И не доводи ты меня своим шмыганьем. Есть у тебя платок?

— Мокрый, — ответил мальчик. — Он ел сырые грибы и потягивал носом. Замерзшие руки держал над огнем. — Наши наверняка дрожат за меня...

Грибы потрескивали. Фангия поворачивал палочку.

— Мы пошлем им первое фото со львом. — Он глядел на свою перевязанную бечевкой сандалию. — Тогда у нас уже появятся деньжата. Будем жить, как захотим. Купим себе шикарные ботинки, крючки для рыбы и самые лучшие винтовки. Хочешь?

— Я хочу домой, — ответил Саша.

— А я, думаешь, нет? — Фангия начал снимать с палочки грибы. — Думаешь, я не хочу, идиот, а? Только у меня там даже постели не осталось. Через неделю после того, как меня поймали, в ней уже спал другой.

— Чужой?

Костер чадил.

— Я этого не знал... — Саша почувствовал себя виноватым. Ему вдруг стало жаль Фангию.

ЛУЖИ

— Братишка мой как раз вроде тебя...

Ветви над ними стали гуще, стемнело, на тропе стояли лужи. Их приходилось огибать. Мальчик снова шел на несколько метров впереди. Тропинка все сужалась.

— С этой стороны идти дольше, — сказал Фангия. — Вот ребята удивятся. Мирка тоже. Мы с ней не виделись почти два года.

— А потом?

Минуту было тихо. Только хруст веток.

— Деньги... и все прочее, — ответил Фангия. О том, что будет дальше, он не решался думать. — Купим себе колбасы...

Он пытался придумать что-нибудь поважнее.

Неуверенно сказал:

— Часть пошлю братану...

Дорога сворачивала вбок.

Впереди шуршанье веток, топот ног. Треск кустов. Между двумя лужами снова нацарапана свежая стрелка. Фангия стер ее ногой. Огляделся.

— Саша?

Побежал в направлении шороха и очутился перед вылезающим из кустов мальчонкой.

— Ты что там делал? — заорал Фангия. — Мал еще... — Ударом колена отбросил мальчика назад. — Мал еще рыть мне яму...

— У меня живот болит, — защищался Саша, не понимая, в чем дело. Заслонил рукой лицо. Но все равно получил затрещину.

— Теперь сразу пройдет, — сказал Фангия. — Ручаюсь. — Он подтолкнул мальчика к тропинке.

И вдруг остановился, пораженный.

В нескольких метрах за лужей снова выложена из камней стрелка. Она указывала на ободранное дерево. За отстающий край коры засунут листок бумаги.

— Ты уж извини. Понимаешь, какая штука. Кто-то насажал тут этих стрелок...

Саша молчал.

Он с обиженным видом плелся за парнем, несправедливо надававшим ему пощечин. Слышал, как Фангия пытается разобраться в каракулях на листке:

КЛАД

В роднике, на плоском камне, выложена из шишек надпись: КЛАД. Азбукой Морзе. Мальчик, сунув руки в карманы, стоял поодаль и наблюдал, как Фангия шурует под камнем палкой.

— Там целый центнер, — крикнул тот Саше. Одну ногу он промочил, но не обращал на это внимания. — В железной коробке. Чтобы вода не попала.

Маневрируя между камнями, подталкивал коробку. Оглянулся. Мальчик, волоча ноги, подошел к ручью. Промерзший, как воробышек, переступал с ноги на ногу.

— Что трясешься?

— Холодно, — ответил Саша. — И опять хочется...

Ему все время надо было в кусты. Но он не трогался с места, снедаемый любопытством. Фангия подтащил громыхающую коробку к берегу.

— Хорошо бы там оказался шоколад, — сказал он. — Немножко горячего шоколаду — и ты сразу согреешься. — Он стукнул камешком по крышке коробки.

— Для дураков. «Клад уже близко». Только написано шиворот-навыворот.

Саша продолжал молчать.

Фангия разбросал ногой стрелку из веток.

— Наверно, конфеты. Или шоколад, — произнес он с надеждой. И стал искать новые знаки. — Вот вылупят зенки, когда обнаружат, что клад увели у них из-под самого носа...

Он нашел елочку, на которой болтался шнурок. К нему были привязаны тряпичные зверушки. Рыба. Осел. Дятел. Носорог. Индюк. Кошка. Прошло минут пять, пока понял, что надо читать начальные буквы.

Сверху какие-то значки.

Дальше что-то в бумаге. Тоненькие книжонки. Что должен уметь пионер. Как сделать из ореховой скорлупы черепаху. Молочные пятна выводите нашатырным спиртом.

— Всадить бы им эти значки в одно место! — Фангия яростно вытряхнул их из коробки. — Оставшееся желтоватое пятно потрите карандашом «Йотапур».

Он швырнул книжонки в ручей.

Но Саша нагнулся над значками.

— Такого у меня нету... А этот есть. — Он еле тащился за Фангией. — «Карлштейн» [1] и «Первое мая». — Из лесу доносились крики детей. Запел пионерский горн. Саша воткнул значки в лацкан пальто. — Восемь Гагариных!..

Вдруг Фангия сдавленным шепотом прервал его:

— Где твой портфель?

---

[1] Замок около Праги.

Саша смотрел на свои пустые руки, точно надеялся, что портфель каким-то чудом окажется сейчас в них...

— Я... — попытался вспомнить. Потом страшно неуверенно: — Не знаю. Наверно, там, где мы ели. Тогда он еще был... — Двинулся было назад. — Я найду его.

— Спятил?

Парень в куртке догнал Сашу и резко повернул к себе лицом. Детские голоса уже совсем близко. И горн.

— Хочешь, чтобы нас поймали?

— Там у меня арифметика.

— Теперь эта арифметика нужна тебе, как рыбе зонтик, — проворчал парень. Он тащил Сашу через кустарник. Ноги скользили по грязи. Еще час — и нас сцапают. Если найдут портфель. И захватят с собой собак. Тебя уже два дня ищут как проклятые. Наверно, только около Праги.

Он прыгнул в ручей и стоял по колено в воде.

— Лезь в воду. Надо сбить собак со следа!

Мальчик точно не замечал Фангию, точно не чувствовал, что они бегут по воде. Пока не споткнулся о камень и не упал.

— Я больше не могу...

Какое-то головокружение и боль под ложечкой. Он уже знал ее: она появлялась всякий раз, когда нужно было бежать изо всех сил; пробежишь метров пятьдесят, и словно нож пронзает рубашку, но не в самое сердце, а ближе к правому боку, — боль не отпускала, пока не приходило второе дыхание.

— Рудла! — и снова: — Я больше не могу...

Но никто не наклонился его поднять... Только шумел поток.

Саша погрузил в воду лицо, чтобы пересилить боль: «Я должен!»

РАСПУТЬЕ

Где-то рокот мотоцикла. Фангия замер. Слышал, как ползет к нему мальчик и дышит за четверых. Темнело, только вершина холма резко выступала, звук мотоцикла то исчезал, то снова приближался.

— Гоночный, — пытался он отгадать. — Пятнадцать сотенных. Мне хватило бы на гоночный. Если бы я только захотел...

— Я не нарочно, — оправдывался Саша.

Зуб на зуб не попадает. Весь мокрый. Дрожь передалась и парню в куртке. Дикий холод! Порылся в карманах. Нашел плоскую фляжку, которую унес из сруба. Отвинтил крышку.

— Теперь уж на все наплевать, — утешил он Сашу. — Выпей. — Оставил ему на дне глоток рому.

Двинулся дальше. Не оглядываясь, сказал:

— Все равно они начхали бы на меня. И тогда тоже начхали...

— Кто?

— Теперь уже все равно.

Фангия остановился. Дорога раздваивалась. Где-то вдалеке лаяла собака. Над холмом взлетела ракета. Рассыпалась высоко в небе. Треск — точно выстрелили из стартового пистолета.

Саша сказал:

— Нас ищут...

При вспышке увидел лицо того, в куртке. Белое как мел. Похожее на гипсовую маску, которая висела позапрошлой ночью на стене их сторожки в садоводстве. Снова на нем написано: бежать, бежать... Но уже не так, как раньше.

Фангия сказал:

— Это очень далеко, совсем в другом месте...

Голос его тоже изменился. Он уже представил себе собак, обнюхивающих портфель. Стечение несчастных случайностей.

Дорога раздваивалась.

— Если будем стоять тут, замерзнем, — сказал старший. — То место уже недалеко, за холмом. Не собьешься — так доберемся туда. Теперь только не подкачать. На горе встретимся. Нас не должны видеть вместе.

— Почему?

— Здесь не должны... Пускай потом. — И после мимутного колебания добавил: — А поймают, учти: ты тут один...

Саша кивнул.

Почти совсем стемнело.

— А может, мне все-таки можно пойти с вами?

— Нет.

— Ну что ж... Пока. — И страшно доверчиво: — Первый ждет?..

Теперь они шли отдельно.

Старший через несколько шагов остановился. Завел часы. «Пять минут — и пойду». Три минуты.

Он все еще слышал посапыванье на холме, над собой. Лай собак. «Я бросил им мальчика, точно кость. Пускай займутся. Если нашли портфель. Теперь у меня времени хоть отбавляй. А ему ничего не будет».

Медленно вернулся к развилке дорог. Но вдруг прижался к деревьям. В кустах над ним что-то зашуршало.

Это был Саша.

— Ничего не поделаешь... — сказал тот виновато и подтянул штаны. — Опять. — Он спустился пониже. — Что-нибудь случилось?

— Я искал тебя, — ответил Фангия тоже виноватым голосом. Сунул руку в карман — и тут его осенило. — На. Чтобы не было страшно.

Вытащил из кармана револьвер.

У Саши загорелись глаза.

— Вот здорово!

Он нажал на спуск.

Выскочил огонек.

— Так до встречи наверху!

Дрожа от холода, Саша шел в гору, поминутно щелкая зажигалкой. Еле слышно, сквозь зубы свистнул. Парень в куртке ответил. Он стоял не двигаясь, испытывая отвратительное чувство. Свет зажигалки скрылся из виду, когда Фангия двинулся вниз по склону. В направлении, противоположном тому, о котором говорил...

КРУГ

Уверял себя:

Через два часа мальчишка будет дома... Его найдут... Раз нашли портфель... У него обувь лучше, чем у меня.

И еще:

Я дал ему револьвер. Он стоил тридцать крон.

И снова:

Я дал ему револьвер. На память. С моей стороны это вроде бы даже какая-то порядочность. Я ведь мог ничего ему не давать. А теперь у него револьвер и фотография, и обувь, лучше, чем у меня.

Без сломанной застежки.

Отодвигал в темноте ветки.

В голове мелькало:

Автоколонна. В одном местечке у меня припрятаны деньжата. Горячий мясной рулет за полторы кроны. Мирка. Тьма. Пятнадцать сотенных.

Первым делом ботинки.

Нагнулся. Перевязал сандалию бечевкой. Наверно, уже в третий раз. В сандалиях полно жидкой грязи, хотелось снять их и забросить подальше. Что в них проку!

Утром буду там.

Где?

Ему снова показалось, что кто-то посапывает. Совсем близко, точно по следу идут ищейки. Тихонько спросил:

— Саша?

Но вокруг только лес. Фангия неуверенно распрямился, тронулся дальше. Затянул молнию на куртке до самого горла. Опять услыхал шмыганье и посапыванье — на этот раз совсем близко. Шаги. Когда остановился, шаги тоже замерли.

Все ясно. Не было смысла снова выкручиваться, что, мол, перепутал дорогу. Он только сказал:

— Я же велел тебе идти другим путем!

Тот, сзади, не отвечал. Но старался не потерять Фангию из виду. Не отстать от него. Время от времени пытался осветить ему дорогу зажигалкой.

Большой споткнулся об упавшую ветку.

Яростно буркнул:

— Хоть бы высморкался...

Слизывал кровь с ободранных суставов пальцев, сплевывал под ноги. Где-то за лесом взлетела ракета и рассыпалась в небе. В ее свете рука словно бы увеличилась.

Они не знали, имеет ли это к ним отношение, но ракеты взлетали все чаще. В перерывах — отдаленный шум, потом лай собак.

— Все из-за тебя!

Фангия пытался сосчитать собак.

— Три... И еще одна...

Земля местами размокла, ноги уходили в нее по самые щиколотки. Рядом неотступно — вспотевшее лицо Саши. Иногда мальчик отставал. Но шел точно машина. Только облизывал запекшиеся губы. Его страшно тянуло лечь в траву и уснуть. Отдохнуть. Хоть пять минуток. Ни с того ни с сего вспомнилась металлическая коробочка с капсюлями в тайнике возле гаража. Там ли она еще. Надо идти. Ради Слипейша.

Лес впереди сузился до размеров спины и руки Фангии. Огромная раскачивающаяся рука. Туда-сюда. Вперед-назад. Потом мир наклонился, и бессмысленные гейзеры огней взлетели вверх. Мальчик упал, что-то вроде судороги прошло по его телу. Где-то над головой голос Фангии:

— Что с тобой?

Попробовал встать. Сказал Руке:

— Я сейчас. Мне только захотелось пить...

Лицом в ручей.

Хочупитьхочупитьхочупить...

Но не было ни ручья, ни моря... Только колючки хвои. Его трясло. Он видел Руку, удаляющуюся во тьме. Выстрелил в нее из револьвера. Ракеты прочертили небо, словно летящие спички. Кроны деревьев осветились, одна за другой. Становилось все жарче. Мальчик чувствовал, как у него обгорают брови. Отодвинулся. «Хочу пить».

Сказал себе:

— Я должен встать.

Только теперь понял, что все еще держит в руке горящий револьвер-зажигалку. Задул огонек. С веток спустилась мгла. Он был один.

ОСКОЛКИ

Наконец-то он был один. Сзади тишина. Фангия пошел медленнее, отирая пот и налипшую на лицо хвою. Опушка леса усеяна ржавыми консервными банками и осколками стекла. Метрах в трех от себя увидел белый кухонный стул без спинки. Он набрел на свалку. Где-то здесь должна быть дорога, по которой возят сюда всю эту дрянь. Детские коляски без колес. Дырявые умывальники. Он боялся пропороть себе подошву острыми гранями стекла. Отбитые горлышки бутылок. Сандалия снова сваливалась. Бечевка потерялась. Но Фангия все шел. «Мне хорошо, — думал он, — я один. Выберусь».

— Надо же. Пристал со своим дурацким сараем.

Хруст стекла.

Осколки к счастью. Он начинал этому верить. В гуще деревьев набрел на родник. Жадно припал к воде. Холодная вода стекала между пальцами, текла по лицу, за шиворот.

— Пристал, как репейник, дурак.

Мне хорошо.

Он поднялся.

Снова сделал несколько шагов. И растерянно остановился. Вдруг он почувствовал, что больше не хочет бежать, прятаться... Прислушался к скрипу ветвей. Показалось, будто слышит приближающееся посапыванье. Как ни странно, это его обрадовало.

— Саша?

Молчанье. Только где-то во тьме скатился и упал на дорогу камень. Начал моросить мелкий дождь. Фангия повернул назад. Обшарил свалку. По струйкам родника звонко стучали капли дождя. Пытался припомнить, где он проходил.

— Саша?

Во мраке на деревьях виднелись белые полосы. Кольцо мертвых деревьев, предназначенных на сруб. Тысячи перечеркнутых четверок.

— Александр!

Фангия остановился.

Во тьме горел огонек зажигалки. Мальчик лежал на земле, шмыгал носом и смотрел на пламя. Он был весь потный и дрожал. На Фангию почти не обратил внимания. Старший подошел и склонился над ним. Поднес к его лицу жестянку с водой, наполовину расплескавшейся по дороге.

— Не обрежься...

И придержал банку, чтобы мальчуган мог напиться.

— Пойдем домой. Больше у меня нет, — сказал он, когда Саша жадно допил воду. Где-то лаяли собаки, но это уже не имело значения. Фангия помог Саше подняться. — Держись за меня...

Стал искать дорогу.

— Осторожней, тут ветки...

Мальчик сказал:

— В столовой у нас диван. На нем никто не спит.

Вероятно, он думал об этом все время. Бессмыслица. Большой знал, что это бессмыслица, но ответил:

— Сойдет...

Он почти нес Сашу. Они все еще брели лесом, но под откосом порой мелькали огни. Прогромыхал грузовик, с треском промчался мотоцикл. И снова тишина. И опять огни и шум. Деревья редели. Неожиданно в десяти метрах от них оказалась дорога. Дождь не прекращался. Над полями, там, где, очевидно, был город, в небо взлетали запоздалые ракеты фейерверка: огненные гирлянды, искры и звезды... Фангия услыхал детские голоса: по шоссе на велосипедах ехали дети. Наверно, с праздничного шествия, потому что на рулях раскачивались светящиеся шары фонариков. И снова тьма, из которой вырвались, приближаясь и увеличиваясь, огни машины. Фангия перескочил через кювет, замахал рукой. Скрип тормозов. И вдруг совсем близкий свет фар.

ЛЮДИ

И шофер, везший в город уток, и привратник в больнице сказали: «Ну и видок же у вас!» Еще когда Фангия вел Сашу в приемный покой, он услыхал, как набирали номера телефонов. Потом он остался один, виновато вытер на линолеуме следы и, прислушиваясь к шуму из душевой и звяканью шприцев, уже сознавал, что через минуту за ним придут. Но теперь это ему безразлично. Важно одно: он вернулся, чтобы не скрываться до бесконечности, чтобы не бежать от самого себя.

После этого побега и всего, что было, я стал немного умнее.

Но сейчас мне больше всего хочется спать.

Даже не есть, хотя по коридорам развозили кашу, политую маслом.

Пять минут он отмывал руки и лицо в конце коридора; с обтрепавшихся штанин кусками отваливалась грязь, он подбирал ее и горстями относил в корзину. Так что Сашу увидел совсем неожиданно. Он плыл по воздуху из душевой на руках сестры, завернутый в махровую простыню, розовый и чистый.

— Я ни разу не пикнул, — гордо сообщил он. — Даже когда кололи. Подождешь меня?

Он впервые заговорил с Фангией на «ты».

— Говорят, за нами приедут...

Парень в куртке оглянулся на двор, где, не стихая, хлестал дождь. Увидел, как внизу останавливается машина с белой полосой. Трое в милицейской форме. Он повернулся к Саше:

— Первый ждет...

И попытался улыбнуться. За Сашей захлопнулась дверь. Двадцать вторая палата. Где-то был диван, на котором никто не спит. Шаги по лестнице. Все выше. Обрывки разговора. «До чего глупые мальчишки», — произнес один из идущих. Другой засмеялся: «Пепик еще наверняка рыскает где-нибудь по лесу, ищет их». Он еще никого не видел, но слышал: «Теперь бы я выпил пива». Фангия подтянул молнию на куртке. И медленно пошел по длинному коридору навстречу людям в милицейской форме. Руки сунул в карманы, чтобы скрыть неуверенность и страх. Но забрызганные грязью люди прошли мимо. По лестнице поднимался последний из них. Шаги и голоса двух других уже раздавались за спиной.

— Где он?

И ответ сестры:

— В двадцать второй...

Стук отворяющейся двери.

— Ну, поехали домой...

Парень в куртке остановился. Никто не собирался его арестовывать.

— А я? — сказал он последнему милиционеру, когда тот поравнялся с ним. — А как же я?

Перевели с чешского В. Каменская и О. Малевич

Библиотека КОСти ТЕРкина

Мне пришлось путешествовать с Павлом Иустиновичем Мариковским по Казахстану. Ночью, лежа в спальных мешках, мы вели неторопливые разговоры. Павел Иустинович рассказывал о ядовитом пауке каракурте, от укуса которого часто гибнут лошади и верблюды, а бывает, и люди. Оказывается, он нашел простой способ обезвредить опасный укус: надо прижечь ранку головкой спички. Способ этот прост и надежен. Он испытал его на себе...

Все книги Павла Иустиновича — о неизведанном. И часто это неизведанное совсем близко, рядом, у нас под ногами. Только мы почему-то его не замечаем. А вот автор этих книжек видит не то, что само бросается в глаза, а то, что еще незнакомо и неизвестно. «Я смотрю на то, на что смотрят и все; но я вижу то, чего никто не видит».

Эта страсть открывателя превращает узкий мирок в необъятный мир, каждая разгаданная загадка порождает две новых, каждая новая загадка — новый толчок к действию. Жить увлеченному человеку интересно и радостно, он переполнен замыслами. И единственное, чего ему недостает, — свободного времени!

Автор этих книг — ученый, натуралист.

В каких только малоизвестных и глухих уголках не удалось ему побывать! И в горах, и в тундре, и в тайге, и в пустыне. Открывая его книжку, невольно ждешь встреч необычайных. И в самом деле: «Мы вдруг увидели желтого, со стороны малозаметного эмпузу на тонких ногах, с огромными серыми глазами и брюшком в виде стручка. Вот он прыгнул на землю и помчался на ходульных ногах с высоко поднятой головой: совсем как жираф в африканской саванне».

О ком это? Неужели и такой диковинный зверь обитает у нас?

Да, обитает, хоть эмпуза и не зверь, а насекомое — богомол. Не спешите вздыхать разочарованно: а, насекомое!.. Вы только послушайте. Живет эмпуза в жаркой пустыне. Там каждая капля воды на счету. Летит муха и видит: блестит внизу росинка. Муха жадно кидается на росинку и... попадает в лапы к эмпузе! Не росинка внизу сверкала и переливалась, а крохотное «зеркальце» на голове у эмпузы. Как в сказке: «А во лбу звезда горит»! Так, наводя зеркальцем солнечный зайчик, ловит эмпуза свою добычу. Вот мы и заглянули — пока что только одним глазком! — в фантастический мир насекомых. Мир этот для нас, читателей, пока что также неведом и фантастичен, как неведом и фантастичен животный мир далеких планет. И нам уже не жалко, что, путешествуя с автором по неизведанным горам,

мы не встретим там горных козлов и барсов, а в пустыне не повстречаем гиен и гепардов.

Вы читали фантастический рассказ Лема о том, как на одной планете жили странные животные, умеющие принимать вид... ларьков с газированной водой, удобных кресел, цветочных клумб? Жаждущий человек спешил выпить стакан воды и... попадал в лапы диковинному зверю-оборотню (чем не эмпуза?!). Зверь-«кресло» хватал неосторожного путника, присевшего отдохнуть, а зверь-«клумба» — любителя красивых цветов. А ведь точно такая живая «клумба» существует... на самом деле! Однажды в пустыне Павел Иустинович увидел ложбинку, поросшую ярко-оранжевыми цветами. Но когда он нагнулся, чтобы сорвать цветок, цветок вдруг «обернулся» живыми личинками, личинки бросились на руку и расползлись по телу. Нет, конечно, не человека они подкарауливали. Собираясь на стебельках в оранжевые комочки, похожие на цветы, эти личинки приманивали пчёл, вцеплялись в них, когда те садились на «цветок». Верхом на пчеле летели в пчелиное гнездо и там... пожирали пчелиных деток!

Да фантастичен мир насекомых. Фантастичен и неизведан. Нет еще даже полного перечня видов. Сам Павел Иустинович открыл и описал более восьмидесяти до того никому не известных насекомых.

Н. Сладков

противная птица! — крикнула старушка.

Все посмотрели туда, куда указывала старушка, и я увидел своего грустного воробья. Он сидел на краю моего стакана и пил кофе.

— Пусть! Пусть пьет кофе! Не трогайте его! — заорал я. Я так громко орал, что сам напугал его, и он тут же улетел.

— Может, ему черного кофе подавай, без молока? — сказал кто-то.

— У нас рыбки жили. Так мы их кормили огурцами, — сказала старушка.

— Ишь, целый стакан кофе хотел выпить. Остатки его не устраивают.

— А как он, по-вашему, будет остатки пить? Поперек он в стакан не влезет, а головой вниз — боится.

— Сами вы боитесь.

— Пошли, — сказал папа. — Посмотрим лучше телевизор.

— Пошли, — сказал я. — Ты правильно сделал, что доел мои пирожки. Мне чего-то не хочется.

Сергей Вольф

Рисунки И. Казаковой

Уголёк № 6

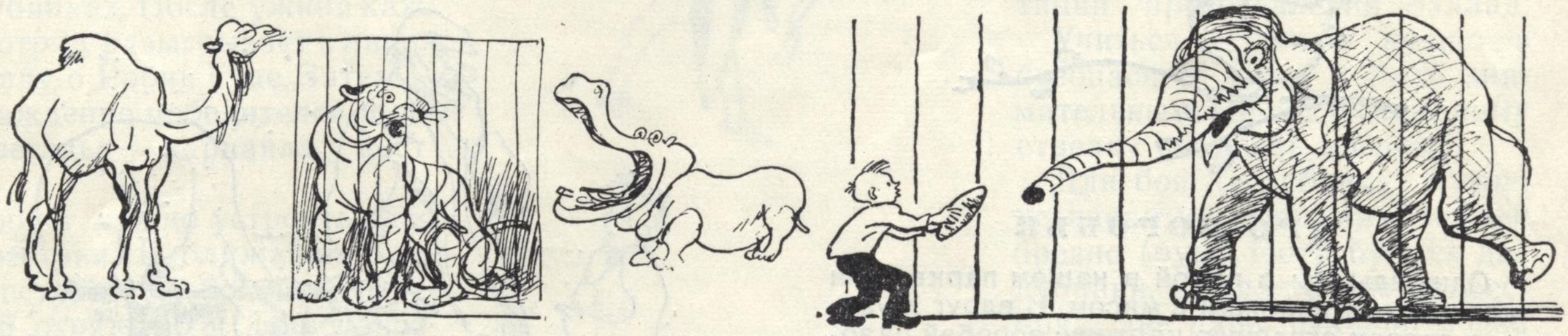
НА ВЫРУБКАХ

На вырубках — взгляни-ка —
Поспела земляника!
Сначала мы без кружек
Отправимся за ней.
Зови своих подружек!
Зови своих друзей!
Мы в рот отправим спелую,
Оставим, полубелую —
Пускай на солнце спеет,
А в рот еще успеет!

С. Макаров

Рисунок Р. Попова

Как сделать «Уголёк», смотри в «Костре» № 1 за этот год.



ЗООСАД

Там были верблюды и тигры — там было на что посмотреть!
Там зубро- и бубро-бизоны, и очень крылатый медведь!
Там плавают липопотамы и многосороги стоят!
НО БУЛКУ Я СРАЗУ ЖЕ ОТДАЛ СЛОНУ, КОГДА Я ПРИШЕЛ В ЗООСАД!
Там рыси, и крыси, и брыси, и сладкий Мороженный Дом.
Там есть Австралийский, Полярный, а также Индийский с хвостом.
Там плавает что-то такое, про что „фрикадил" говорят.
НО БУЛКУ Я СРАЗУ ЖЕ ОТДАЛ СЛОНУ, КОГДА Я ПРИШЕЛ В ЗООСАД!
Не стоит беседовать с Бубром — он просто тебя не поймет!
Руки не давай Неопарду — он руку тебе не пожмет!
А львы (точно так же, как тигры), здороваясь, злобно рычат...
Я СНОВА ОТДАМ СВОЮ БУЛКУ СЛОНУ, КОГДА Я ПРИДУ В ЗООСАД!

А. А. Милн

Перевела с английского Н. Слепакова

ТОПОЛЕК

Тополь,
Тополь,
Тополек!
Кто тебе
Расти
Помог?
Тополек
Сказал
В ответ:
— У меня
Секретов
Нет:
Быстро
Вырос я,
Андрюшка,
В огороде
У плетня
Потому, что
За макушку
Тянет
Солнышко
Меня!

В. Лазов
Рисунок А. Кора

ПРО ВОРОБЬЯ

Однажды мы с папой в нашем парке пили кофе и ели пирожки с мясом. И вдруг я увидел совсем странную картину: воробей разогнался по воздуху и ка-ак сядет с размаху на ветку — и ветка стала раскачиваться вместе с ним. Туда-сюда, туда-сюда. А он сидит, важный такой, толстый, и подбавляет жару. Раскачивается. Тут же к нему еще трое подсели. Качаются сами. Ничего подобного я ни разу в жизни не видел и сказал об этом папе.

— Ну да? — удивился папа. — Занятно!

Кто-то говорит:

— Это их ветер раскачивает. Не иначе.

— Неправда, — сказал я. — Они сами.

— Мал ты еще возражать, — говорит тот.

Люди кругом заспорили, а я подошел к воробьям поближе, гляжу... И вдруг вижу — еще воробей. Сидит совсем одинодинешенек на толстой ветке и не раскачивается. Грустный такой. Мне так жалко его стало, что я опять начал смотреть на тех, которые раскачивались.

Кто-то опять говорит:

— Если ветра нет, тогда все неправильно. Сами они не могут.

— Но вы же видите — раскачиваются.

— Значит, есть ветер.

— Так где он?

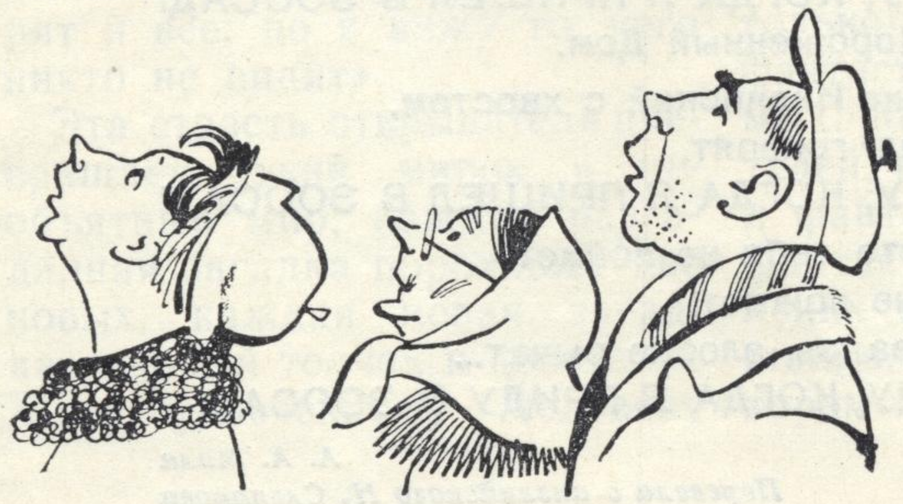
— Всюду, вот где.

— Птица! Пошла вон,

РАЗГОВОР

— Что ты трясешься, ты, видимо, трус.
Разве можно бояться коров?
— Я не трус, я не трус,
Я коров не боюсь,
Я боюсь только их рогов.

О. Григорьев
Рисунок Н. Муратова



День Робин Гуда.

Кто такой Робин Гуд, знает каждый шестиклассник. В пионерском лагере можно устроить занимательный праздник — День Робин Гуда.

ПРОГРАММА. От завтрака до обеда — пролог и состязание в стрельбе из лука. От полдника до ужина — бег, прыжки, бои на дубинках. После ужина каждый отряд разыгрывает в лицах балладу о Робин Гуде. Затем — награждение победителей и общее веселье — карнавал у костра.

Пролог можно устроить в виде шествия. В ближайший лесок вступает небольшой передовой отряд. То и дело присоединяются новые участники: они давно ждали в засадах. Поднимаются из травы, выскакивают из-за кустов (некоторые кусты оживают), спрыгивают с веток. Тут главное—хорошо замаскироваться. Шествие растет, трубят рога-горны, отряды хором читают отрывки из баллад, подражают крикам птиц.

На просторной поляне ждут мишени. После окончания стрельбы лучшие стрелки пытаются повторить любимую штуку Робин Гуда: воткнуть в землю ивовый прутик и расщепить его стрелой. Если кому-нибудь удастся хотя бы задеть прутик, — и это очень хорошо.

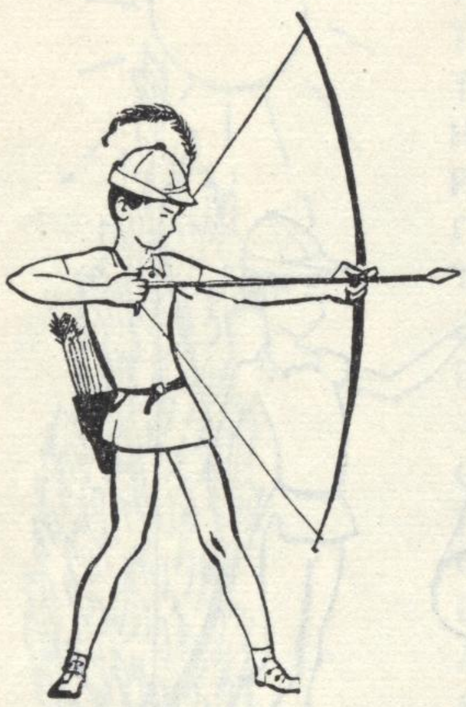
ПОДГОТОВКА. Во-первых, побольше луков, стрел, мечей и костюмов из веток, камыша, лопухов. Во-вторых, побольше упражнений в стрельбе и репетиций представления баллад.

Учиться стрельбе нужно в безопасном месте и быть внимательным. Не годится лесному стрелку попадать в своих.

Для боя на дубинках нужно установить низко над землей бревно (бум). Потребуются две дубинки, каждая с шестиклассника, две пары рукавиц и два глухих шлема. Все это надежно обшито толстым слоем ваты, особенно тыльная, наружная сторона рукавиц.

Дубинку берут двумя руками. От кулака до кулака умещается средняя треть дубинки. Удары наносят концами, отражают — серединой. При этом дубинку подставляют крестом (перпендикулярно) к дубинке нападающего. Дело не в силе, а в неожиданности удара. Бить по шлему запрещено.

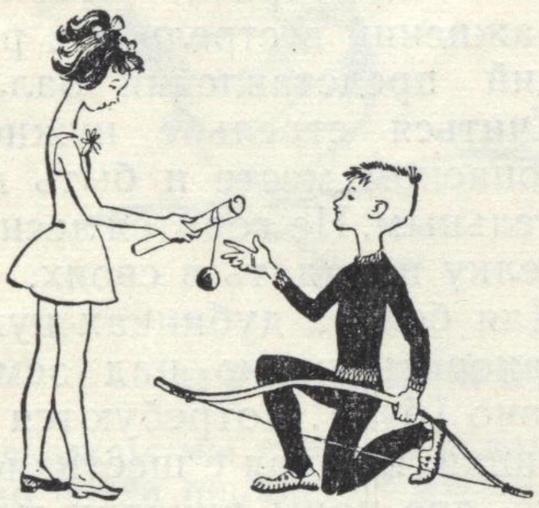
Кто первым сойдет с бревна, коснется земли, тот проиграл.



Трусам на бревне делать нечего.

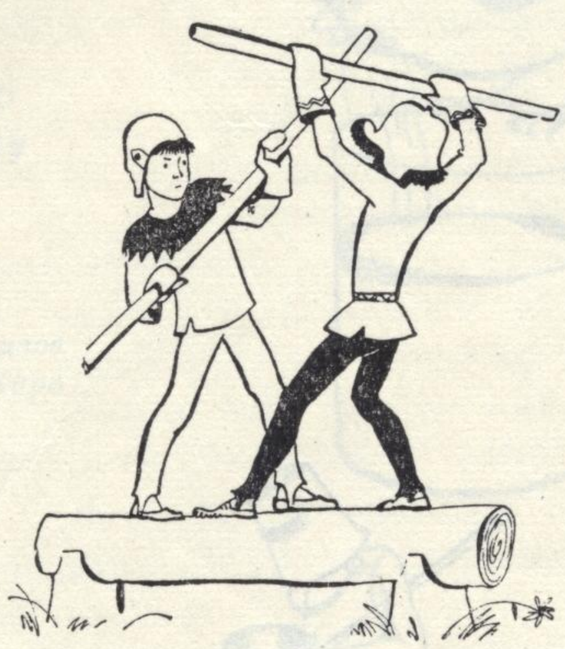
Накануне праздника проходят состязания внутри отрядов. В День Робин Гуда выступают сильнейшие.

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ. День Робин Гуда — это день веселой справедливости. Каждый примеряет на себя звание лесного стрелка — защитника угнетенных, отважного и неунывающего человека. Не скупятся на шутки, необидные насмешки над лентяями, трусишками, жадинами. Мальчики особенно вежливы с девочками: Робин Гуд рыцарски относился к женщинам. Кстати, девочка вполне может победить в стрельбе из лука.



Вожатые отдают распоряжения торжественно и краснореченно: «Лети в трапезную быстрее ветра, доблестный стрелок Петя, принеси нам весть, — зажарен ли олень для второй смены?» Вообще все немножко театрально, приподнято. Это — дело фантазии.

Разыгрывая баллады, не увлекайтесь мелочами костюма, реквизита. Вы не актеры, а лесные стрелки, и веселитесь на скорую руку. Что, например, нужно попу? Юбка вместо рясы, подушка на живот, деревянный крест на грубой веревке. Готово! Поп может выходить на лесную сцену. Попы в балладах говорят противными ехидными голосами, но не теряют чувства меры.



Главное—сыграть весело, самим увлечься и зрителей увлечь. Исполнители могут хохотать вместе со зрителями.

НАГРАЖДЕНИЕ. Победители получают почетные имена лесных стрелков. Весь следующий после праздника день их нельзя называть никак иначе. На собственное имя они просто не откликаются.

Лучший стрелок из лука — Робин Гуд. Он получает еще золотую стрелу. Найдется в лагере бронзовая краска?

Лучший боец на дубинках — Малютка Джон. Лучший бегун-прыгун — Вилл Статли. Лучший исполнитель роли в балладах — Аллан Э-Дейл.

Их можно сфотографировать вчетвером на память. Пусть держат в руках маленькие щиты с красивыми надписями: кто — кто.

Кроме этой четверки, наградите нескольких отличившихся ребят красивыми грамотами, написанными от руки. Привесьте печати на шнурах. Награды должен вручать самый изобретательный и речистый человек в лагере.

Праздник можно приурочить к приезду родителей. Будет работа папиному и маминому фотоаппарату!

Напишите нам, как прошел День Робин Гуда в вашем пионерском лагере. Пришлите фотографии, рисунки.

Вперед — и веселее, отважные стрелки! Дей-дерри-дерри-даун!

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ. Для представления вам понадобятся тексты баллад. Баллады о Робин Гуде много раз издавались в переводах *С. Я. Маршака*. Есть книжка переводов *Игн. Ивановского*. Кстати, это именно он придумал, как провести в лагере День Робин Гуда.

Сборная журнала «Костер» — красные футболки, белые трусы.

СБОРНАЯ ЖУРНАЛА „КОСТЕР“ СБОРНАЯ АНГЛИИ (чемпион мира)

Сборная Англии — белые футболки, черные трусы.

Место встречи — 53, 54, 55, 56, страницы «Костра».
Время встречи — июнь.
Около 1,5 миллиона зрителей (читателей).
Погода — славная
Судья матча (автор) — мастер спорта СССР **Геннадий Орлов.**
Судьи на линии (редакторы) — **Л. Виноградов, В. Герасимов.**
Судья-наблюдатель (художник) — **Ю. Мезерницкий.**
Все — Ленинград.

Объявляем (вернее, объясняем) составы команд.
Сборную «Костра» тренирует бразилец ВИСЕНТЕ ФЕОЛА.

Под его руководством сборная Бразилии была чемпионом мира в течение восьми лет. Это человек очень толстый, совсем с «нефутбольной» фигурой. В профессиональных командах никогда не играл. Однажды еще никому не известный Феола предложил руководству одной команды третьей (низшей) лиги вывести их команду в высшую лигу. Руководителям этим терять было нечего, и они доверили команду новоявленному тренеру. Проходит год. Команда занимает первое место и переходит во вторую лигу. Еще год — первое место во второй лиге. Третий — третье место в высшей лиге. Феола так объяснял свои успехи: «Я изучил досконально психологию этой игры, и моя задача — правильно тактически нацеливать своих игроков, а физическая и техническая подготовка — дело самих футболистов».

В воротах — ЛЕВ ИВАНОВИЧ ЯШИН.

Лучший вратарь мира словно гипнотизирует нападающих. Недавно московские динамовцы в Колумбии играли с сильнейшим клубом «Мильонарис». В ворота Яшина был назначен одиннадцатиметровый удар. Игроки долго совещались, кому бить. Наконец, один решился и, разбежавшись, ударил... в сторону.

Защитники. № 2 — САНТОС.

Маленького роста цепкий бразилец — идеал крайнего защитника.

№ 3 — ФАККЕТИ.

Рост, в противоположность маленькому Сантосу, около 1 м 90 см. Этот итальянец один из родоначальников амплуа атакующего защитника. Был такой сезон, когда, играя в своей команде «Интернационале», Факкети забил голов больше, чем любой из нападающих. А уж нападающие «Интера» известны всему миру.

№ 4 — АЛЬБЕРТ ШЕСТЕРНЕВ.

Вы все хорошо знаете этого игрока и, наверное, не раз восхищались его игрой, по крайней мере на экране телевизора. Альберт выполняет в команде Феолы, также как и в сборной Союза, роль «чистильщика», защитника, который подстраховывает своих товарищей по обороне. Даже не верится, что англичане смогут забить хотя бы один гол такой защите, ведь надо еще учесть, что на правом краю играет такой защитник, как...

№ 5 — ШНЕЛЛИНГЕР.

Игрок из Федеративной Республики Германии. Знаменит своими подкатами. Это очень сложный элемент. Когда нападающий с мячом на метр или на два уже опережает защитника и движется к воротам, вот в такие моменты Шнеллингер в эффектном шпагате-прыжке выбивает мяч из-под ног противника.

Полузащита. № 6 — ДИДИ. № 7 — БЕККЕНБАУЭР.

Диди — бразилец, чемпион 1958 года. Мастер длинного паса и выполнения штрафных ударов. Это его резаные удары стали называться «сухой лист» (смотри «Костер» № 3). Беккенбауэр из сборной ФРГ. Одинаково хорошо играет в обороне и в нападении. Очень ценное качество! Это он в Англии забил Яшину гол, который лишил сборную СССР права продолжать борьбу за «Золотую богиню».

Нападение. № 8 — АЛЬБЕРТ.

Венгр. Универсальный нападающий. Обычно он играет № 9 или № 10, но, учитывая его универсальность, Феола доверяет ему левый край. Высокий, владеет десятком технических приемов, секрет которых известен лишь ему одному. Умный игрок, умеющий дать идеальный пас партнерам. Если атака у его товарищей не клеится, умеет и сам пройти любую защиту и выстрелить по воротам с любой ноги. Альберт был признан абсолютно лучшим игроком Европы за 1967 год.

Возьмите мяч и что-нибудь делайте с ним, все равно что: подбрасывайте, бейте ногой, головой, — словом, посмотрите, долго ли мяч будет вам подчиняться. Наверно, не очень-то долго.

А есть в мире человек, которому мяч подчиняется, как умная собака своему хозяину. Это —

№ 9 — ПЕЛЕ.

Бразилец Пеле умеет делать все, что надо уметь футболисту.

№ 10 — ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ.
В нашей сборной Эдуард играет под № 10, а вообще в советском футболе 1967 года он был, так сказать, № 1.

№ 11 — ХЕНТО.
Игрок сборной Испании. Самый быстрый футболист мира. 100 метров он пробегает за 10,5. И на большой скорости безупречно владеет техникой.

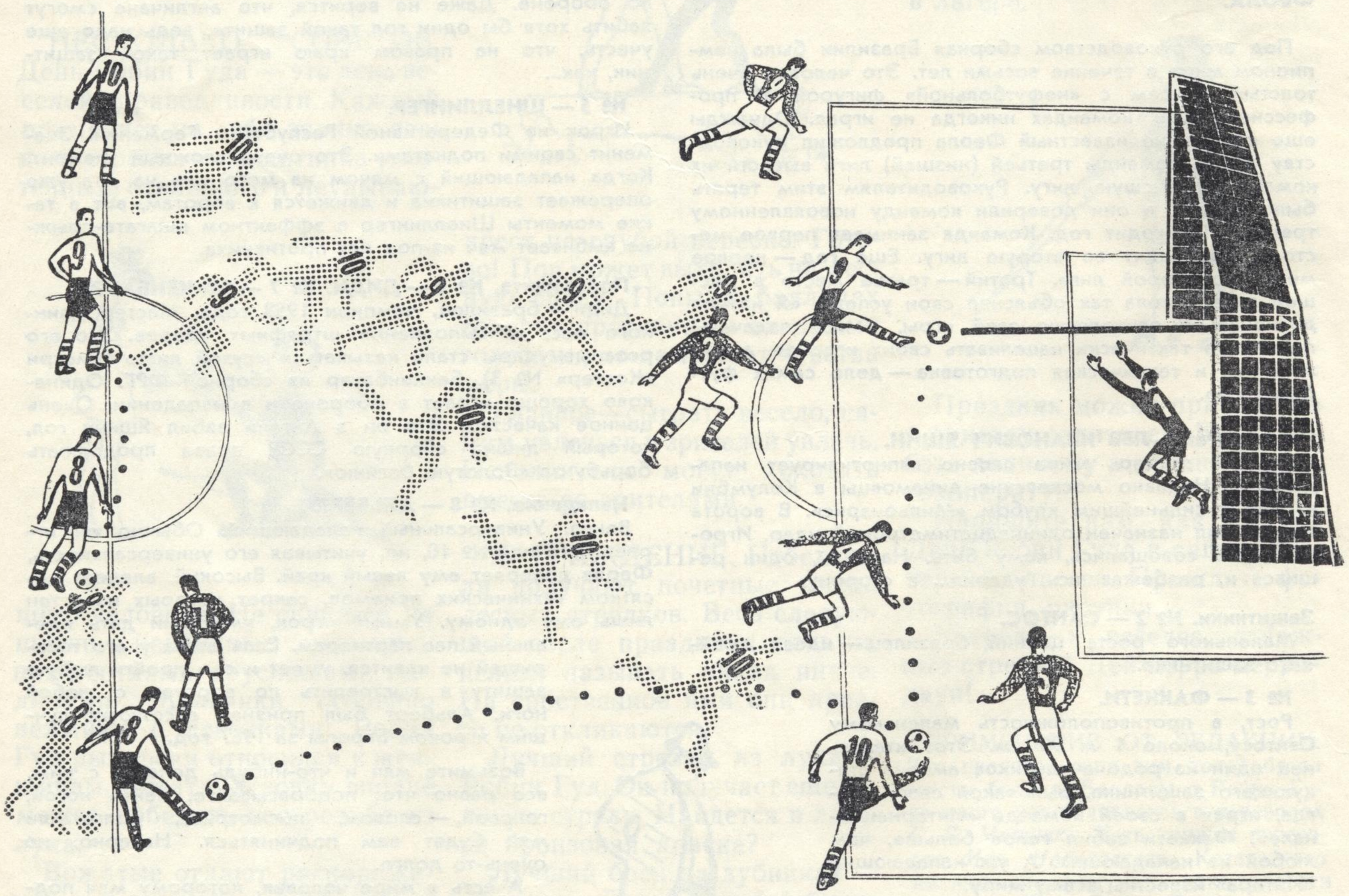
Чемпион мира сборная Англии. № 1 — БЕНКС, № 2 — КОЭН, № 3 — ДЖЕККИ ЧАРЛЬТОН. № 4 — МУР, № 5 — СТАЙЛЗ, № 6 — ВИЛСОН, № 7 — БОББИ ЧАРЛЬТОН, № 8 — БОЛЛ, № 9 — ХАНТ, № 10 — ХЕРСТ, № 11 — ПИТЕРС. Тренирует команду АЛЬФ РАМСЕЙ.

Чемпион есть чемпион — комментарии излишни!

ИЗ РЕПОРТАЖА КОСТИ ТЁРКИНА

...Идет десятая минута матча, а счет уже 1 : 0 в пользу англичан. Гол забит на первой минуте после розыгрыша начального удара. В интервью накануне матча тренер чемпионов мира заявил: «Нам будет очень тяжело, но у нас есть маленькое преимущество. Наша команда — сыгранный коллектив, а в сборной «Костра» — представители разных футбольных школ. Мы надеемся на успех и готовим несколько сюрпризов...»

Первый сюрприз Алъфа Рамсея



Англичане получили право на начальный удар. К мячу подошел Хант. Он отдал мяч немного вперед Боллу, а сам резко побежал к воротам. Стоявший слева от Ханта Херст в это время мчался на угол штрафной площадки. Болл, выждав сколько нужно, направил сильный пас открывшемуся Херсту, а этот в свою очередь послал мяч набегавшему Ханту. И Хант вонзил мяч в сетку!

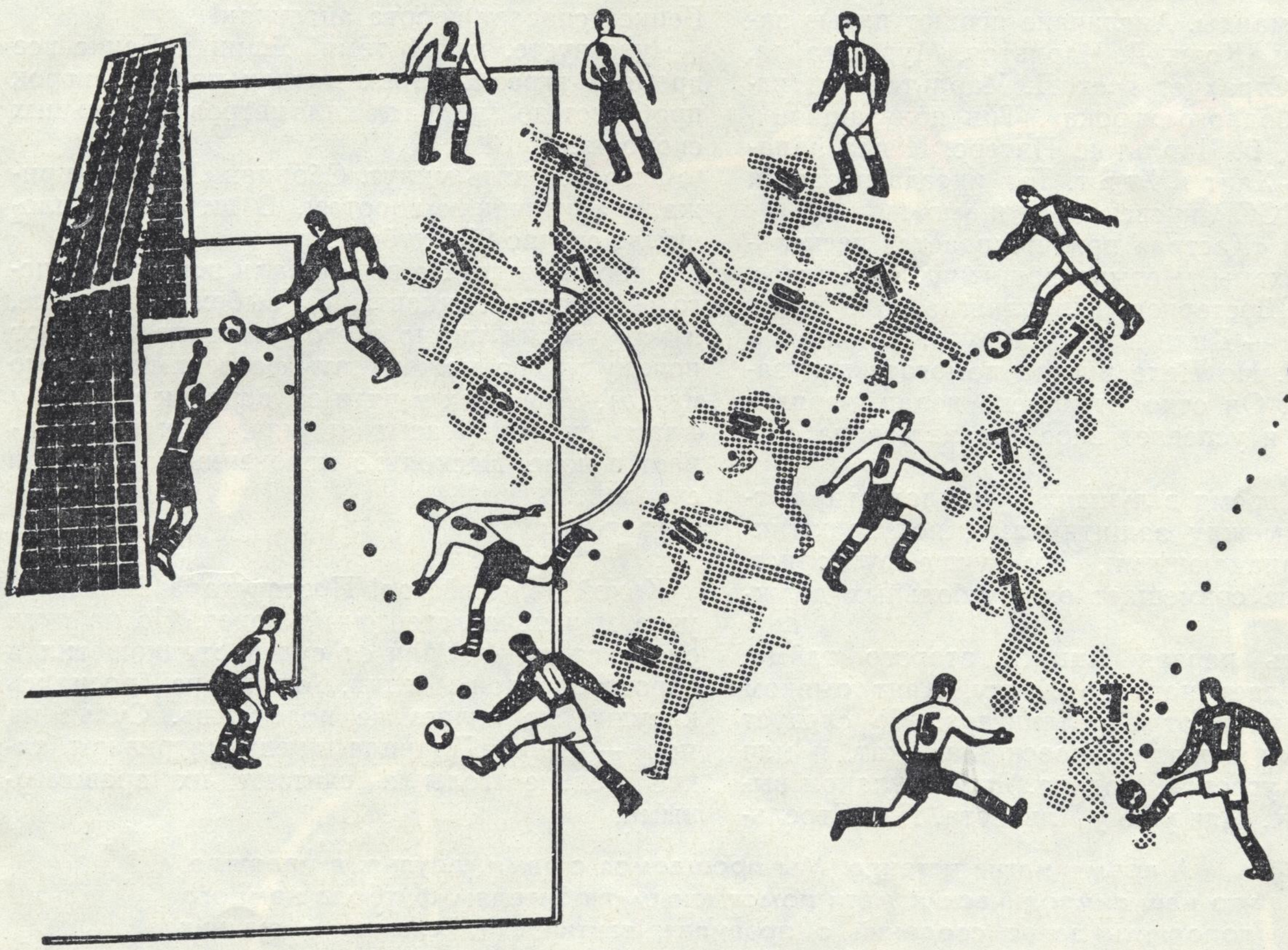
Итак, десятая минута. Сейчас мяч у Диди. Следует длинный пас Пеле. Великолепно вывел Диди партнера один на один с вратарем! Удар... Гол! Но, что это? Судья гол не засчитывает. Положение «вне игры». Не только футболисты, но и зрители недовольны решением судьи. Но судья — хозяин на поле, да и нам кажется, что он прав. Пеле в момент удара по мячу Диди находился к воротам противника ближе, чем английские защитники, а это — нарушение правил.

Сборная мира рвется к воротам противника. Как всегда остроумно играет Эдуард Стрельцов. Наконец-то он нашел достойных партнеров. Кстати, у Феолы фамилия Стрельцова была под вопросом. Был еще один кандидат на это место — негр из Мозамбика **Эйсебио,** игрок португальской сборной. Но накануне во время разминки Эйсебио получил легкое растяжение голеностопного сустава. Что ж, тандем (пара) Пеле-Стрельцов — это мечта болельщиков!

Интересна манера игры Чарльтона. Он — мастер обводки (несколько лет назад он играл в сборной левым крайним), но обводит он только в тех случаях, когда это действительно полезно для команды. А вот пасует незамедлительно. Игра его неэффектна, но необычайно полезна. Все действия Бобби обязательно скрыты. Но мяч всегда направляется игроку, освободившемуся от «опекуна» и нацеленному на ворота.

Очередная атака сборной мира. Мяч у Альберта. Он обводит двоих, пасует Стрельцову, и Эдуард опять на высоте! Уйдя немного вправо, он отпасовывает мяч Альберту, и тот носком левой ноги проталкивает мяч в сетку.

Вот этот гол



Обратите внимание на расстановку английских защитников. Это очень грамотная защита. Они расположены так, что в случае неудачи подстраховывают друг друга. Только чуть-чуть опоздал Д. Чарльтон и дал сыграть Стрельцову пяткой.

Счет матча 1 : 1, а до конца первого тайма остается десять минут.

Мяч у Бобби Чарльтона, организатора атак англичан. Вот он с мячом движется влево, и вдруг сильный пас на правый край на открывшегося Болла. Удар по воротам, но мяч уходит за пределы поля.

...Пеле обыгрывает Мура, играет в «стенку» с Альбертом, мяч летит вверх. В это время Стайлз очень высоко задирает ногу. Нарушение правил. Судья поднимает руки вверх, значит, будет пробит свободный удар. Это метрах в двадцати пяти по центру от ворот. К мячу подходит Диди. Разбегается. Удар! Гол? Какая досадная ошибка Бенкса, вратаря англичан. Он среагировал на удар, бросился и задел кончиками пальцев летящий в ворота мяч. Но ведь удар-то был свободный, гол со свободного удара засчитывается только в том случае, если кто-нибудь коснется мяча.

Счет — 2 : 1 в пользу сборной «Костра».

ПЕРЕРЫВ.

Второй тайм. Англичане рвутся вперед. Коэн проходит по правому краю, подача на ворота. Херст стреляет головой в ворота Яшина. Недаром англичане слывут лучшими специалистами по игре головой! Яшин с трудом переводит мяч на угловой. Подает Болл...

Гол, забитый с углового удара

Во время удара Болла все английские нападающие бросились к передней штанге. «Опекуны»-защитники, естественно — за ними. В освободившуюся зону был послан мяч, встреченный Муром. Остальное было весьма просто...

(Смотри цветную картинку)

Счет 2 : 2. Страсти разгораются. Сейчас уже ясны тактические схемы, которых придерживаются команды. Англичане играют пятью защитниками (Коэн, Д. Чарльтон, Мур, Стайлз, Вилсон). Страхует всех Д. Чарльтон, он играет «свободного игрока». Три полузащитника — Болл, Б. Чарльтон, Питерс. И два нападающих — Хант и Херст. Так иногда играет и чемпион СССР киевское «Динамо».

Сборная «Костра» придерживается несколько иной схемы. Четыре защитника — Сантос, Факкети, Шестернев, Шнеллингер. Два полузащитника — Диди и Беккенбауэр. Четыре нападающих. Но Пеле иногда помогает полузащитникам. Он отходит далеко назад, завязывает игру и успевает вновь оказаться на острие атаки.

В наше время в лучших командах стираются грани между защитниками, полузащитниками и нападающими. Чем лучше футболист, тем больше совмещает он футбольных должностей.

Тридцать первая минута второго тайма. Болл передает направо Ханту. Хант рывком пытается уйти от Шнеллингера. Но следует знаменитый шнеллингеровский подкат, и мяч уходит на угловой. Подача. Яшин кулаком выбивает мяч. Мяч уже у Альберта. Пас Стрельцову. Стрельцов выводит в прорыв Хенто. Проход по краю, прострел... Отличный бросок Бенкса спасает ворота англичан!

Чувствуете, какой темп! Яшин и Бенкс все время в игре. В таких матчах полевой игрок пробегает до двадцати километров на больших скоростях.

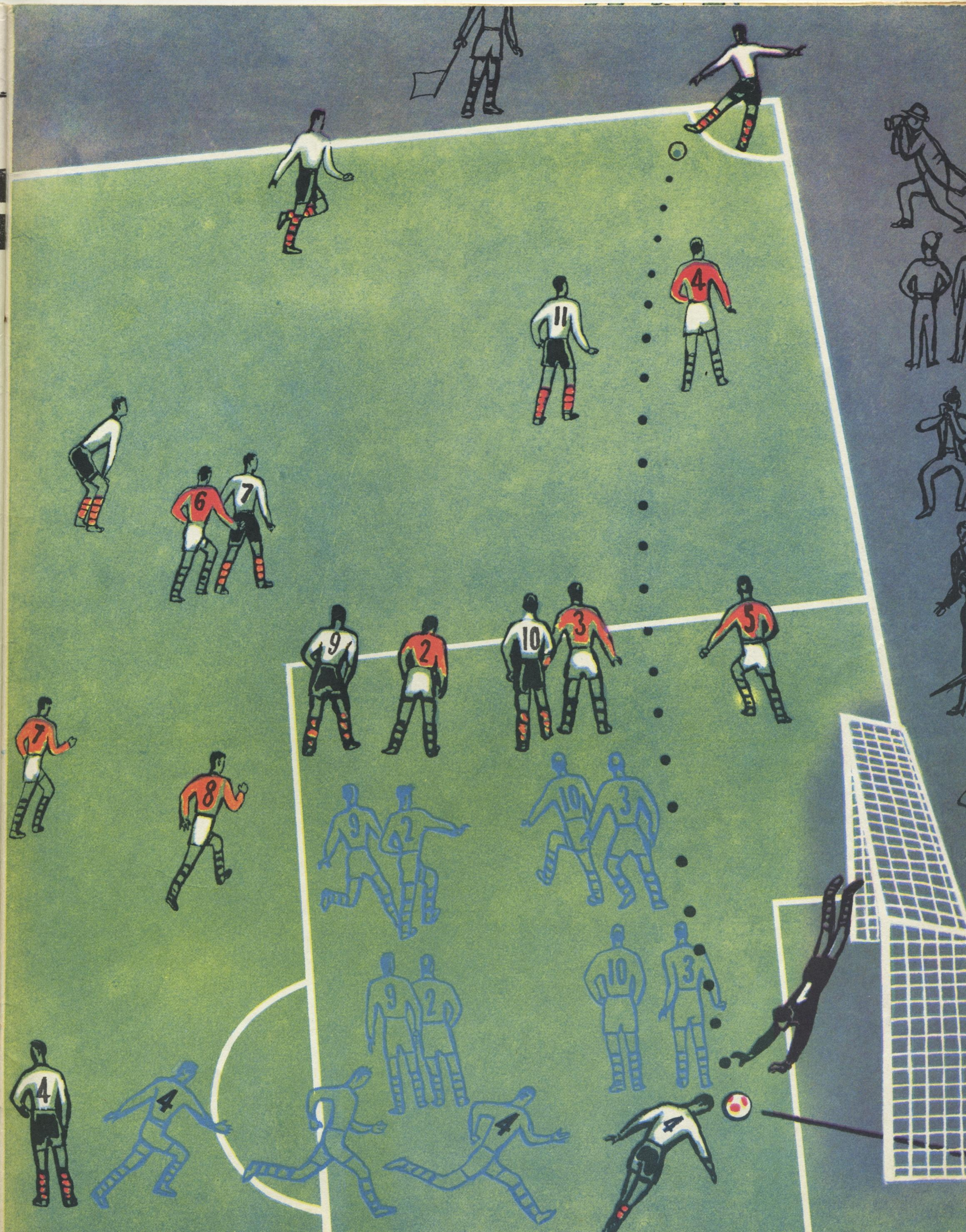
Остается пять минут. Сборная «Костра» прижала англичан к воротам. В штрафной площадке сейчас 21 футболист.

Спорный мяч. Не выдержали нервы у нашего фотокорреспондента, он выбежал на поле, и мяч угодил прямо в его фотоаппарат. (Вот почему мы не можем дать фотоснимков этого матча). А метрах в пяти от ворот к угловому флагу судья вбрасывает мяч. Мяч отскакивает в поле. Несколько мгновенных ударов в сутолоке.

ГОЛ!

Какой нелепый гол! После удара Беккенбауэра мяч явно летел мимо ворот. Но на пути оказался судья. Мяч от судьи отрикошетил в ворота сборной Англии. Англичане бросились к судье, но ничего не поделаешь. Судья на поле — игрок. Правила предусматривают такие редкие голы и считают их правомерными.

А время матча истекло. Мы прощаемся с вами, друзья, в надежде, что наш символический матч помог юным любителям футбола немного пополнить запас сведений о правилах, тактических схемах и лучших игроках современного футбола. Напишите нам, понравилась ли вам игра и судейство. Хотите ли вы, чтобы на страницах «Костра» был проведен подобный же хоккейный матч? Ждем ваших писем!



МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания двенадцатый

Выходит под редакцией капитана второго ранга С. Сахарнова

КЛУБ МОРСКИХ ЗНАТОКОВ

Над большой картонной коробкой склонились две мальчишечьи головы. Ребята сосредоточенно подбирают гайку к болтику. Рядом третий паренек размешивает краску в стеклянной банке.

Мы разговорились. Оказалось, это три друга: два Коли — Дорофеев и Пасхин, и Курочкин Леха. Они учатся в шестом классе и уже третий год занимаются в судомодельном кружке Ленинского дома пионеров.

Сейчас они готовят к соревнованиям свои скоростные модели. Леха Курочкин проверяет авиамоторчик, а Коля Дорофеев будет перекрашивать свой скоростник в ярко-синий цвет.

Коля Пасхин в прошлом году построил атомную подводную лодку. Правда, внутри у нее всего лишь резиновый мотор, но зато снаружи она выглядит совсем как настоящая.

В углу на полу стоит начатая модель парусника. Я поинтересовался, кто ее делает.

— Да это давно еще, — сказал Леха, — а сейчас их никто не делает.

— Почему?

— Какой от них толк? — сказал Коля. — В соревнованиях они все равно не участвуют, на паруснике рекорд не поставишь, да и делать его долго — сколько разных деталей, снастей... То ли дело ракетоносец!

— Была на прошлых соревнованиях египетская галера, — сказал другой Коля, — красивая модель, один мальчик сделал, а больше никто парусниками этими не занимается. Интереснее делать модели с электромоторчиками. Только вот в магазинах сейчас батареек нет...

«Неужели все судомоделисты так думают? — усомнился я. — Неужели неинтересно делать модель брига или яхты? Это же большое искусство».

Сергей Фомин

— Ну, как люстра?
— Хороша!
— А подвески?
— Еще лучше!
— Так ты покупать?
— Ловить.
— Постой, ты о чем? Я про твою новую квартиру.
— А я про лов кальмаров. Уходим сегодня вечером. Люстра — приманивать их светом, подвески с крючками — цеплять да из воды их тащить. Не поняли мы друг друга!

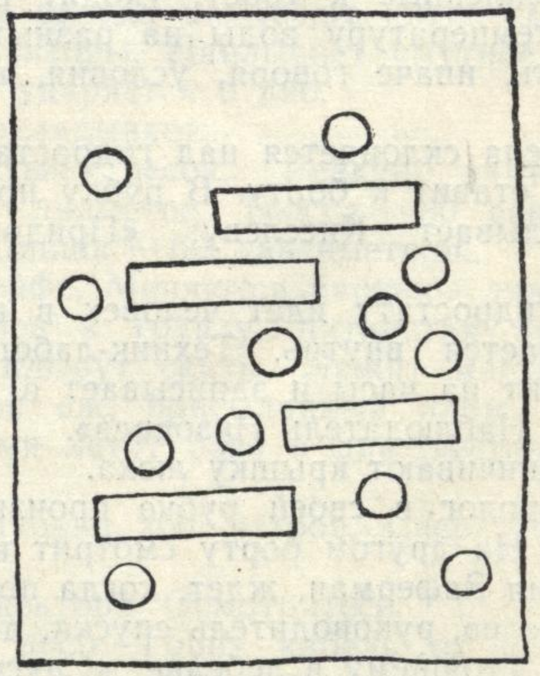
Однажды капитан Быстроходов и боцман Румпель опустились на морское дно.

— Удивительное место — коралловые рифы! — сказал капитан. — Посмотрите, каких только рыб здесь нет: и красная крылатка, и щетинозуб, и иглобрюх, и мурена. А вот луна-рыба, занки рогатый, морской черт, скат, кузовок рогатый...

— А остатки кораблей? — подхватил боцман. — Каравелла, фрегат, трирема, корабль викингов...

И моряки нарисовали схему, помещенную здесь.

Ребята! Перерисуйте схему и расставьте на ней названия рыб и кораблей.



„ТУНЕЦ“ НА РЫБНОЙ ДОРОГЕ

И. Облетов

Фото М. Зафермана

«Тунец» — рыболовный траулер. Вдоль борта вытянуты сети, висят тяжелые траловые доски. Но «Тунец» еще и экспедиционное судно, оборудованное для научных работ.

«Тунец» бежит сейчас в открытое море, оставляя позади серые кольские сопки.

В штурманской рубке — начальник рейса и капитан судна. Они склонились над картой. Карандаш чертит ромбик — здесь будет первая станция.

Небольшая волна бьет в левый борт, судно поскрипывает, словно старый деревянный дом в бурю.

Часы показывают 22.00. Пора к Олегу Николаевичу Киселеву — он обещал рассказать о своей плавучей лаборатории.

Поведение и распределение рыб и донных животных в Баренцевом море и в северных районах Атлантики — тема исследований «Тунца».

Эхолоты не могут нарисовать точной картины жизни моря. Важно наблюдать морских обитателей в естественных условиях, наблюдать не только с помощью приборов, но и невооруженным глазом — визуально.

Чуть снисходительно вспоминает начальник рейса о гидростате «ГКС-6» 1954 года рождения. Это был несовершенный аппарат. Его глубина погружения всего 40 метров, но все-таки ученые смогли увидеть своими глазами, как живут обитатели моря.

Основные промысловые районы лежат на глубине 200—300 метров. И вот то, как ведет себя рыба там, «ГКС-6» узнать было не под силу.

1960 год — памятный для лаборатории. В полярный институт океанографии и рыбного хозяйства прибыла новинка — гидростат «Север-I», он погружается уже на 600 метров, и ученые могут получить важные сведения по биологии рыб, о запасах планктона, о степени освещенности воды.

НА ДНЕ МОРСКОМ

Выключены двигатели. «Тунец» пришел на большую рыбную дорогу. 71° 20′ северной широты, 42° восточной долготы. Вахтенный штурман поднимает флаги — красный с желтым и желтый с голубым Это значит: «Подводные работы. Не подходите ко мне близко».

Спешит на корму гидролог Юра Колмаков — взять пробы воды. Работает лебедка, и батометры, прикрепленные к тросу, уходят в воду. Они доложат температуру воды на разных глубинах, ее соленость, иначе говоря, условия, в которых обитает рыба.

Стрела склоняется над гидростатом, подхватывает его и ставит к борту. В рубку приходит гидролог и докладывает Киселеву: «Придонная температура +1°».

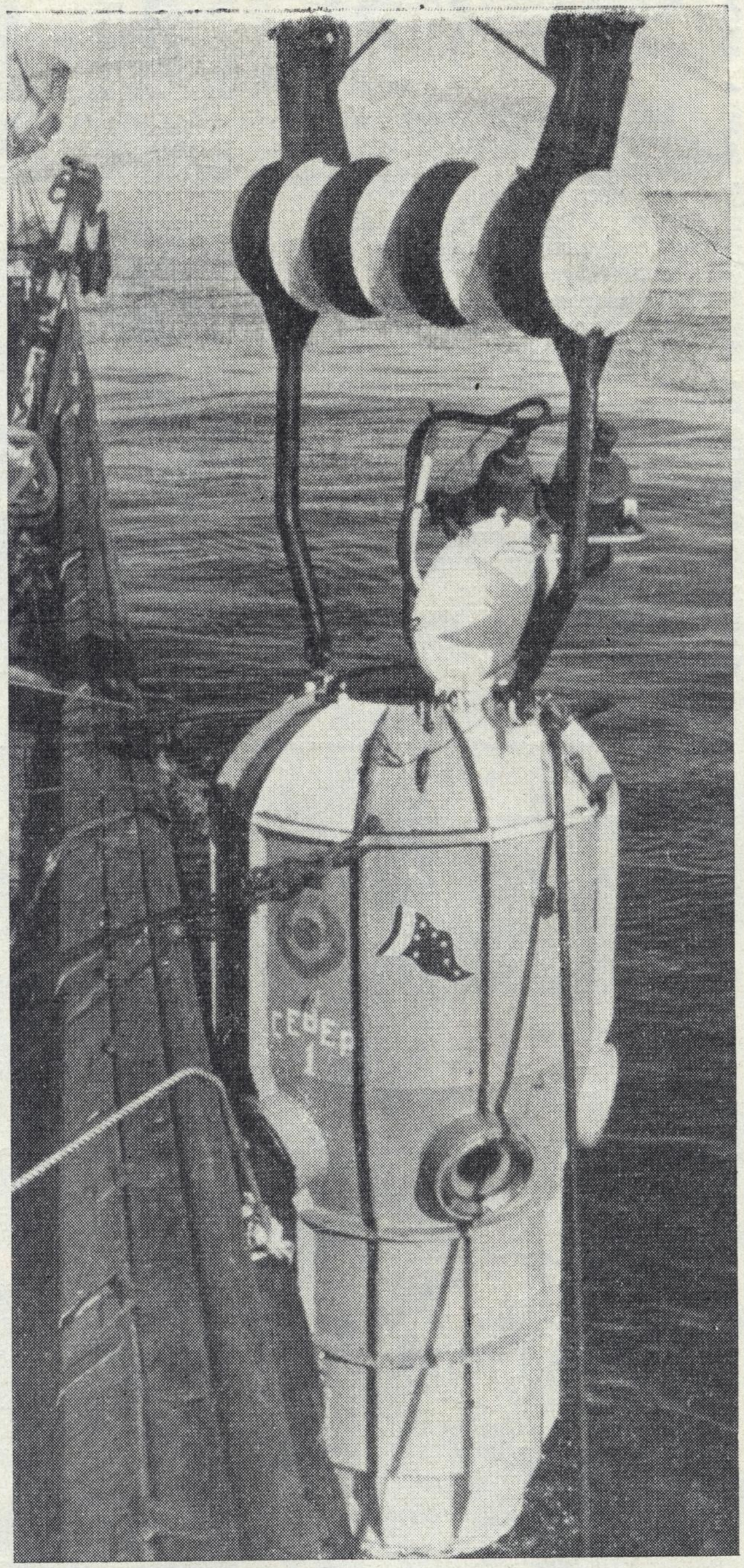
К гидростату идет человек в ватнике и сапогах. Забирается внутрь. Техник-лаборант Люся Вакух смотрит на часы и записывает в журнал: «28 июля. 16.00. Наблюдатель Низовцев».

Завинчивают крышку люка.

Гидролог в своей рубке производит анализ проб воды. На другом борту смотрит на эхолот фотокамеры Михаил Заферман, ждет, когда появится рыба.

Киселев, руководитель спуска, дает команду тралмейстеру, стоящему в лебедке: «Спуск».

Спуск продолжается несколько минут. Олег Николаевич говорит в переговорное устройство:



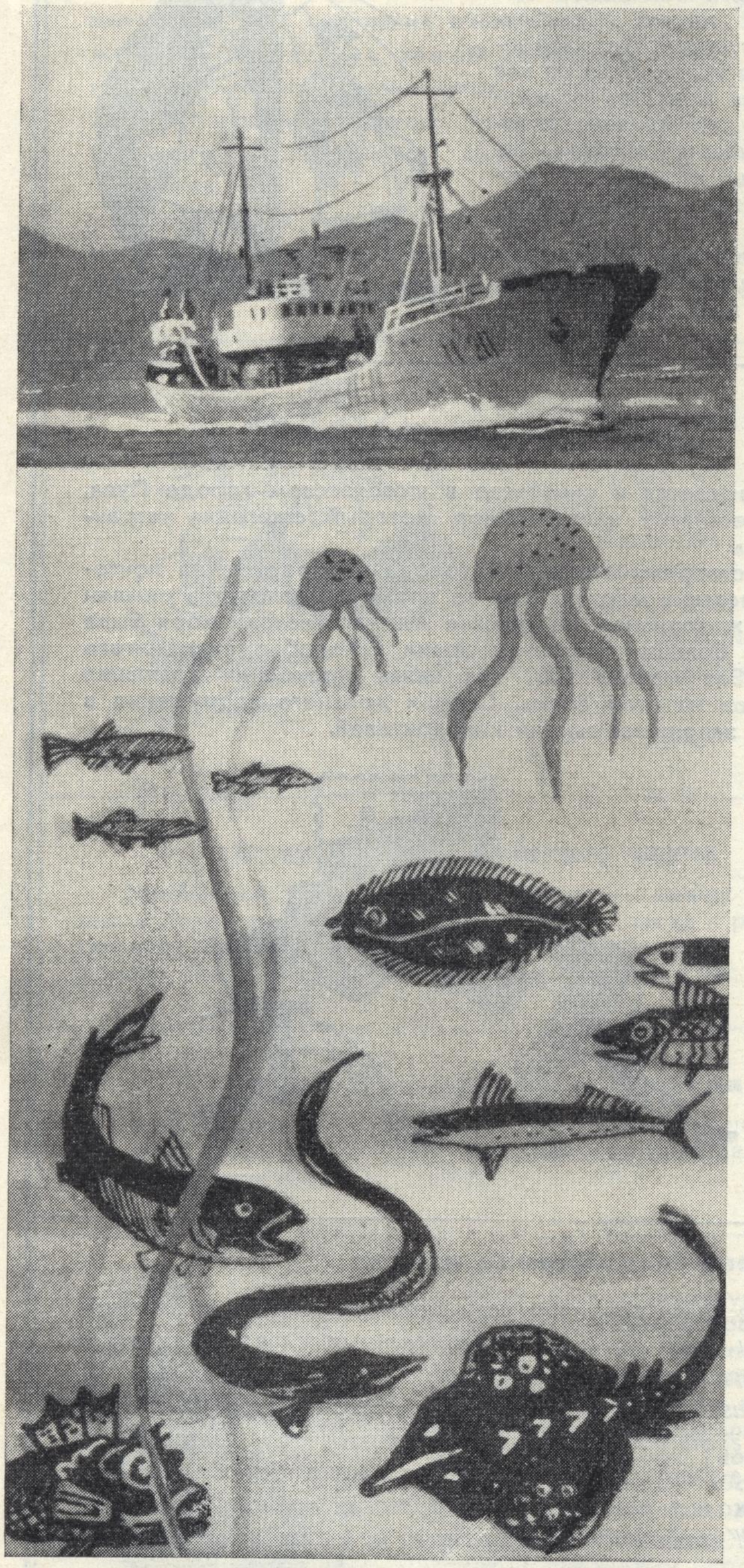
— Через пять метров — грунт.

Наблюдатель ведет репортаж:

— Грунт — песок. Много актиний. Звезды. Треска, 50 сантиметров, плывет у грунта. На гидростат не реагирует. Треска, 40 сантиметров, в полуметре от грунта.

Еще одна, спит, что ли, во всяком случае, лежит на грунте...

Все это подробно записывает в журнал Люся. Потом по записям сложится картина жизни морских обитателей на большой рыбной дороге. После рейса обобщат



полученные материалы и дадут промысловикам сводку предполагаемых уловов. Записывать надо все. Здесь мелочей нет: питается ли рыба, плывет ли в сторону дрейфа, на каком расстоянии друг от друга плывет.

Наблюдения ведутся круглые сутки.

А стереофотокамера «Русалка» уже давно за бортом. Сделаны снимки. Вот она появляется из воды. М. Заферман вытаскивает камеру из бокса. Техник Роберт Дрыкин забирает кассету, чтобы проявить пленку.

Проходит два часа. Пора начинать подъем гидростата — кончается воздух.

В лаборатории уже просматривают пленку. Кадр — три трески плывут одна за другой. Получить снимки рыб с глубины больше 200 метров не просто. Ведь рыба не позирует.

«Русалка-4» точнее, чем обычный фотоаппарат, позволяет определять плотность косяка, это особенно важно знать рыбакам. Снимки говорят, какая именно рыба идет в толще воды.

Тем временем в гидростате уже новый наблюдатель.

Опять вращаются барабаны лебедки — идет спуск.

Опять гидролог опускает гроздь батометров.

Наблюдения продолжаются. И так в продолжение суток, день за днем.

СВЕТ? ЗВУК?

Изучают на «Тунце», как свет и звук влияет на поведение рыб.

Промысел не всегда ведут только с траулера. На Черном море рыбаки ловят макрель на свет. У нас издавна ловят сома на «квок», подражая его голосу.

Придонные рыбы на свет не реагируют, это отличает их от пелагических, живущих в толще воды. Рыба не пугается прожекторов, а пикша даже любопытствует — лезет чуть ли не в самый иллюминатор.

А как реагируют рыбы на звук?

Выяснилось, что рыба не любит низкочастотные сигналы и равнодушна к высокочастотным. Более пуглива в толще воды, от сигналов стремится уйти к грунту. Именно поэтому возникла идея воздействовать на рыбу звуками низкой частоты. Она опускается вниз на грунт, а там уже ее можно ловить донным тралом.

Мне посчастливилось несколько раз погружаться в гидростате. Последние удары гаечного ключа о крышку. И тишина. Поистине неземная.

Танцуют тысячи крошечных, почти прозрачных существ — это медузы-«ангелочки». Голубой цвет густеет, переходит в зеленый, напоминающий южное небо после захода солнца. Черная змея кабеля — вижу в иллюминатор — уходит вверх.

Совсем стемнело. За иллюминатором — звездное небо. Это проносятся мелкие светящиеся организмы. Проходит медуза с горящим крестом на куполе. Она как созвездие среди звезд. Неудивительно, что океанские глубины иногда называют антикосмосом...

Включают прожекторы. Наплывает смутное пятно грунта. Гидростат ударяется о дно.

Наблюдатель докладывает:

— Грунт — илистый песок. Редкие камни до 20 сантиметров в диаметре. Треска — 80 сантиметров. Еще одна. Пикша — 60 сантиметров...

Гидростат в дрейфе. Меняются картины дна. Проползла, прижимаясь к грунту, пятнистая зубатка. Изгибая крылья, плывут скаты. Лежит мастер маскировки — морской еж, присыпанный илом.

На глубине время летит раза в два быстрей, чем там наверху.

Два часа на глубине 260 метров. Сверху приходит команда:

— Выключите прожектора. Осмотритесь.

И опять звездное небо. Горит кабель от вспышек тысяч ударяющихся о него светящихся организмов.

Снова путь от тьмы к свету. И вот уже видно днище судна, обросшее мелкими водорослями.

ЧТО?

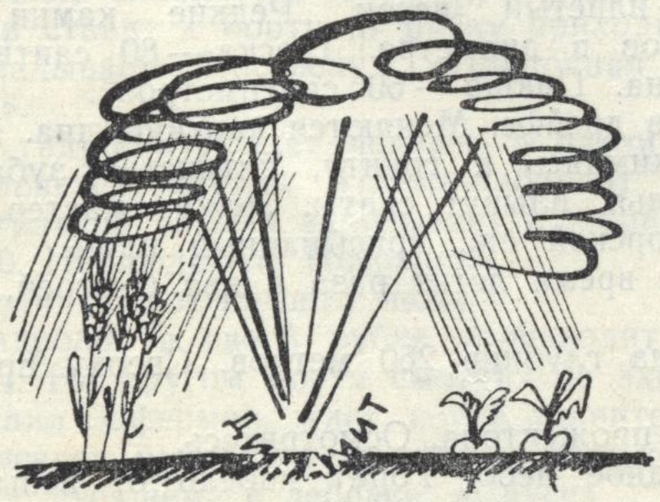
Полезные водоросли

Совсем недавно канадские садоводы заметили, что если к обычным удобрениям подмешивать водоросли, то яблоням и грушам, персикам и сливам не страшны грибки. Ученые внимательно изучили действие водорослей. Гроза грибков — ламинарин — вещество из водорослей. Но он не сам убивает грибки. Он помогает бактериям. Почвенные бактерии уничтожают грибницы вредных грибков и, значит, резко сократят число грибковых заболеваний.

Взрыв-работяга

Трудоемкая работа — равномерно разбрасывать на полях удобрения. Даже с помощью машины на площади в десять гектаров удается высыпать все полагающиеся триста тонн порошков не меньше чем за неделю.

Недавно заставили заниматься этой работой взрыв. Под целую гору удобрений закладывают взрывчатку. Два часа с небольшим — и гора разлетелась по всему полю.



ГДЕ?

Где изнанка?

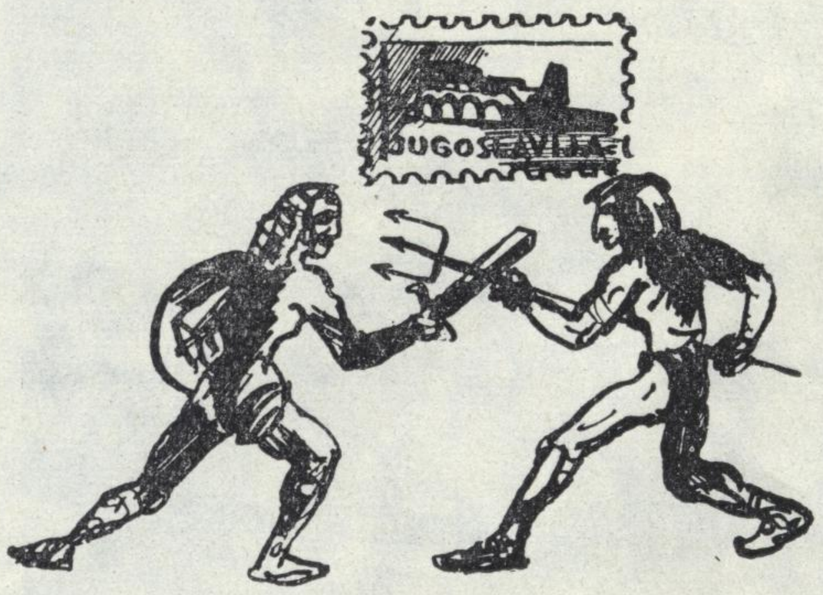
Сразу и не замечаешь, что ткань покрыта тончайшей металлической пылью. Серебристая да и только? Нет, это замечательная ткань. Если из нее сшить плащ и носить в жаркую погоду, он приятно холодит. На улице не жарко — наденьте плащ серебристой стороной внутрь — будет согревать.

Для туристов и геологов, для всех путешественников такая ткань незаменима.

„Большая золотая арена“

Так называется и кинотеатр в югославском городе Пула, и приз фестиваля кинофильмов, который ежегодно устраивают здесь.

Эта достопримечательность города изображена на почтовых югославских марках. Еще во времена господства римлян здесь, на живописном побережье Адриатического моря была построена большая каменная арена наподобие знаменитого Колизея. Без малого 2000 лет назад проходили сражения гладиаторов на этой арене. Скамьи древнего сооружения в наши дни заполняют тысячи кинозрителей.



Царица цветов

Древние греки называли розу «царицей цветов» и употребляли розы лишь в самых торжественных случаях: усыпали путь возвращавшихся с войны победителей...

В Средиземном море есть остров Родос — остров роз, в переводе с греческого языка. Выращивание этих цветов было чуть ли не главным занятием его населения. Отсюда вся Греция снабжалась розами, и такая торговля приносила хорошие доходы. Жители Родоса изображали на своих монетах цветок розы.

У римлян роза была эмблемой тайны. Когда хозяин дома приглашал к себе гостей и над пиршественным столом помещал розу, присутствующие знали, что все сказанное на пиру не подлежит оглашению.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

ЧТО?

Облака межзвездного пространства

Разве есть облака в межзвездном пространстве? Да, есть. Но они не похожи на облака нашего неба. Это скопления очень сильно разреженного газа. Если в земной атмосфере в одном кубическом сантиметре насчитывается 26 квинтиллионов молекул, то в облаках межзвездного пространства содержится всего 10 атомов.

И все же как ни разрежен межзвездный газ, масса его в Галактике очень велика. Она в миллиард раз больше массы Солнца.

ГДЕ?

Штурман-автомат

Штурман — это моряк, прокладывающий на карте путь корабля. При расчетах ему надо учесть и скорость корабля, и направление ветра, и направление течения. Штурман должен начертить путь корабля на морской карте.

Если в расчетах ошибка, — корабль может нарваться на скалы или зайти не туда, куда надо.

«АП-3» — отечественный автоматический прокладчик полностью рассчитывает, где находится корабль и с высокой точностью наносит на карту место корабля в данный момент. Штурман контролирует действия автомата, а это уже легче, чем все делать самому.

Зеленые брикеты

Сотрудники одной опытной станции предложили использовать в пищу листья сахарной свеклы и гороха, богатые белком. Брикеты, сделанные из этой зелени, сохраняют цвет и по вкусу напоминают шпинат и чай сразу.

Будут поезда быстрее звука

Необычный поезд промчался недавно между городками Гомес и Лимур во Франции. Первый в мире поезд с реактивным двигателем. Для испытаний построили своеобразную монорельсовую дорогу. Поезд развил скорость 303 километра в час.

Лучше поздно, чем никогда

Лишь в этом году в Англии был отменен закон, принятый в 17 веке. Согласно ему лица, занимающиеся предсказаниями, подвергались сожжению на костре.

Антарктическая лилия

На дне антарктического моря Дейвича зоологи-аквалангисты нашли сказочно красивые цветы. Листья, словно руки-плавники, поглаживают подводные камни. Это морские лилии — беспозвоночные животные. Они живут в глубинах, присосавшись к камням. Иногда ненадолго отрываются от камней, чтобы поплавать. Корешки лилий во время плавания сжимаются, а оседая на дно, животное расправляет их. Родичи антарктической лилии живут и в наших северных морях.

Ученый спор

Когда хотят подчеркнуть что-то само собой разумеющееся, говорят:

— Это так же бесспорно, как то, что Волга впадает в Каспийское море...

Впрочем, еще четыре века назад это утверждение оспаривали виднейшие ученые того времени. Географ Франческо де Колло писал: «Волга не может впадать в Каспийское море, так как в этом случае она была бы пересечена Доном и неизбежно слилась бы с ним. В Каспийское море не впадает никаких рек».

Теперь любой школьник знает, что в Каспийское море, кроме Волги, впадают Кура, Терек, Урал, Эмба...

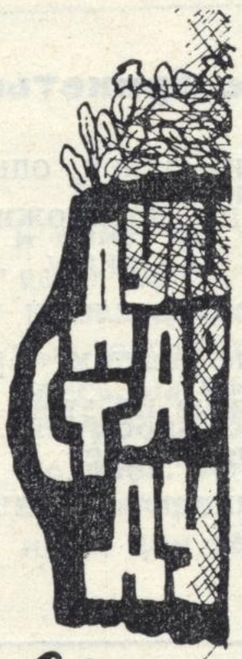
КОГДА?

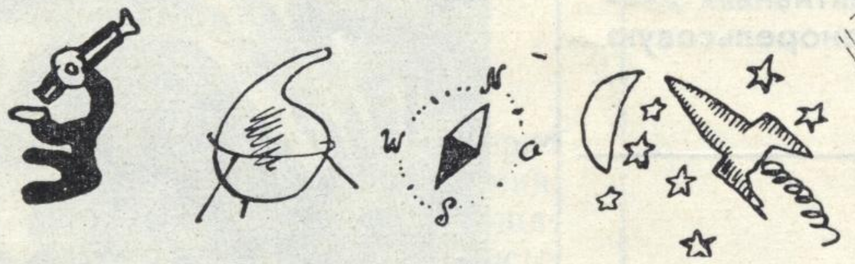
ПОЧЕМУ?

сказки * повести * рассказы * повести * ра

ПОЭЗИЯ СТРАНА ПОЭЗИЯ СТРАНА ПОЭЗИЯ

Первое полугодие кончается

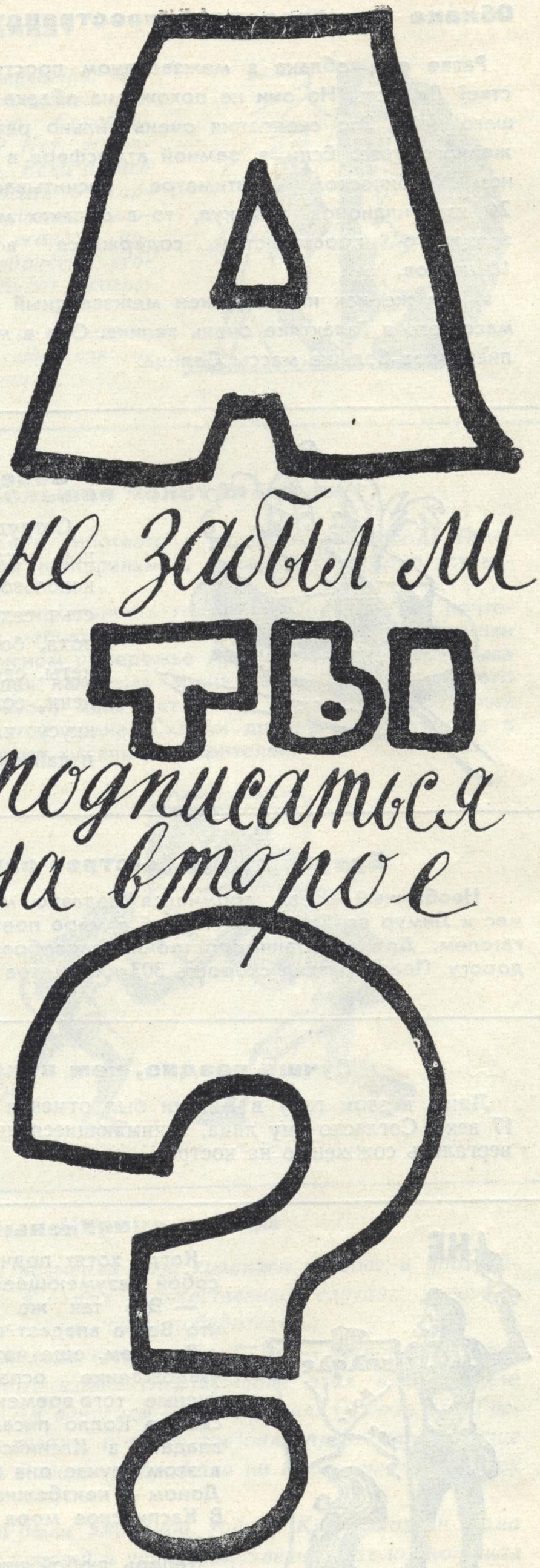




КИ*РЕПОРТАЖИ*ОЧЕРКИ*Р

ГО? ГДЕ? КОГДА? ЧТО? ГД

не забыл ли ТЫ подписаться на второе



Уголок весёлого архивариуса

ВЕСЕЛЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

В любой большой библиотеке стоят на полке, блестя золочеными корешками, тома старинного Энциклопедического словаря, который издавали Брокгауз и Ефрон. Восемьдесят шесть томов! Бесценное собрание сведений обо всем на свете! И еще кое о чем...

Листая том шестой словаря, внимательный читатель найдет там несколько загадочных, лишенных смысла строк: «БЕСПАМЯТНАЯ СОБАКА. Собака, жадная до азартности».

И все! Странная заметка, нелепая заметка! На первый взгляд — какое-то охотничье словечко.

Но ни Аксаков, ни Тургенев, ни Пришвин никогда не писали о «беспамятных собаках»...

А дело было так. Многие статьи и заметки в Энциклопедии принадлежат перу студентов-бедняков. За работу им платили скудно и всегда не в срок. Когда же приходил день платежа, редактор И. Андреевский, шлепая себя по лбу, восклицал с притворным сожалением:

— Забыл, судари мои, забыл! Ах, я, беспамятная собака!

Однако память отказывала Андреевскому лишь в тех случаях, когда речь заходила о деньгах. Студенты заметили это и в один прекрасный день отплатили жадному редактору, вклеив на веки вечные в Энциклопедию свое нелестное мнение о нем.

СКРОМНОСТЬ

— Уму непостижимо, как вы играете! Божественная музыка! И такая сложная! Да и сам по себе орга́н — все эти педали, клавиши... Как в них разобраться! Изумительно!

Так или примерно так восхищались слушатели мастерством прославленного композитора и органиста Иоганна-Себастьяна Баха.

На что композитор по своему обыкновению скромно отвечал:

— Вы преувеличиваете, это совсем не так сложно. Нужно только вовремя нажимать на определенные клавиши, тогда инструмент играет сам.

ВОИНСТВЕННЫЙ ШАХРОБ

Мы проходили мимо ракетодрома, и Ферзьбери не выдержал:

— По ракетам! Курс на планету Катуру!

Известно, что на Катуре была очень развитая цивилизация, но когда изменился состав ее атмосферы, все живое погибло. И вдруг мы видим: к ракетам подходят какие-то странные существа.

— Мы ро-бо-ты... Мы ро-бо-ты... Кто вы?

— А мы — люди! — закричал в иллюминатор Ферзьбери. — Люди! Я — человек. Понимаете?

— Что ты знаешь, человек? Что умеешь? Вмонтировано ли в тебя запоминающее устройство? Играешь ли в шахматы?

— Ах, вы, железные чурбаны! Нашли кого спросить! Это только вам не известно, что в шахматах мне и равных нет!

— В тебе что-то неисправно, человек. Нужен ремонт. Ты дважды ошибся. Раз: мы не железные, мы из полиметалла; два: нет шахматиста, равного нашему Шахробу.

Ферзьбери так рассвирепел, что выскочил из ракеты:

— Вызываю вашего Шахроба на матч по решению задач!

Путь к Шахробу был тяжел, и не все наши преодолели его, но Ферзьбери и лучшие из рыцарей, конечно, добрались. Адмирал повторил вызов.

АРЧЕБЕК НА МАРШЕ

— Обдумал ли ты свои слова, человек? — скрипучим голосом произнес огромный робот. — Я — воинственный Шахроб, я рассчитываю на 65 ходов вперед и объявляю мат в любом положении.

— Ничего, — сказал Ферзьбери. — И не таких видали.

— Ну, как хочешь, — проскрипел Шахроб. — Только знай: побежденного в матче разбирают на детали и передают на СЗ. Срок — сутки.

— А что такое СЗ?

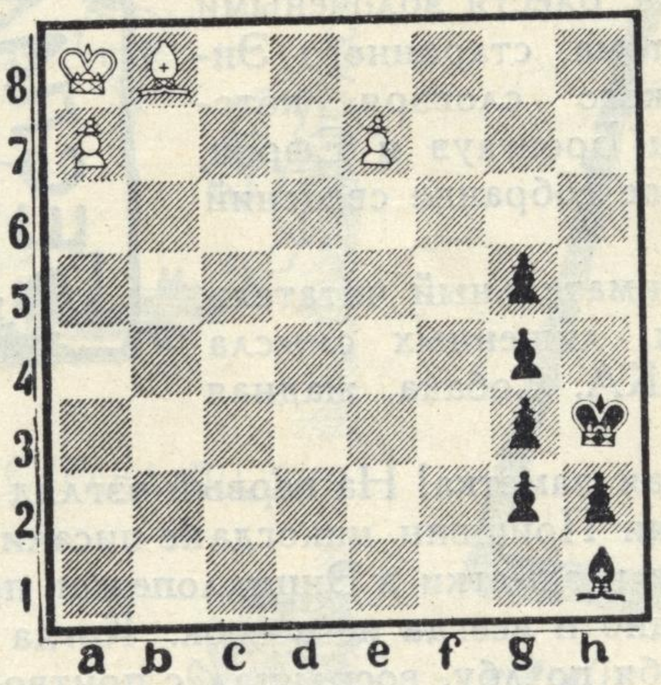
— Склад запчастей.

— Согласен, — сказал Ферзьбери и за 4 минуты решил предложенную ему четырехходовку. — Что бы задать Шахробу? — посоветовался главнокомандующий с нами. — На 65 ходов рассчитывает!

— А пусть-ка он сам себе мат объявит! — предложил задачу Коля Тарелкин. — Он ведь привык только другим объявлять.

— Это — идея! — обрадовался Ферзьбери и дал Шахробу Колину задачу.

— Ну-ка найди, — сказал шахмат-адмирал, — как белые **заставляют** черных объявить белому королю мат в 3 хода?



Прошли сутки и воинственному Шахробу пришлось отправиться на склад СЗ, где он и сейчас на полках лежит. В разобранном состоянии.

ПРИКАЗ № 6

§ 1. Шахматным рыцарям — А. Пройти по канату над обрывом; Б. Решить задачу Шахроба; В. Решить задачу Коли Тарелкина.

§ 2. Шашечным рыцарям — А. Подобрать ключ к замку; Б. Преодолеть скользкую горку; В. Перепрыгнуть на утес к' Шахробу.

§ 3. Рыцарятам — расшифровать молнию в воротах и выключить ее.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Так ли решили вы задачи на Заколдованном острове?

Задача из шкатулки. Если пешка на d7, то I.d8Ф + если — на c7, то I.c8Л!; если — на b7, то I. b8К!; если — на e7, то e8С!

Чтобы не попасть в пропасть — ФI.h8!

Чтобы не быть ужаленным — I.Лf6 + ! Ф : f6 2.e5+, и т. д. Ничья.

Чтобы не оказаться разорванным на куски — I.g5 — F6!; e5 : g7 2.e3 — d4 и 3.g3 — f4X.

Чтобы не быть зажаренным — I.h4 — g5; 2.f2 — e3, 3. b2 — c3X.

Чтобы не быть заклеванным — I.e3—d4!, 2. a5 — b6, 3. c3 — d4X.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

За выполнение приказа № 2 премируются (по жребию): *Витя Бедлинский, Миша Бержанер* (оба — Ленинград), *Леня Левченко* (Харциск), *Володя Наторный* (Мелитополь), *Леня Горелик* (Гомель), *Саша Морщинин* (Вологда).

Рисунок на обложке В. Орлова

На третьей странице обложки рисунок Ю. Лобачева

На четвертой странице обложки рисунки М. Беломлинского

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Г. И. Баринова, А. А. Крестинский, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), *Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан* (зам. редактора)

Художник-редактор *Ю. П. Мезерницкий*

Технический редактор *А. А. Двораковская*

Корректор В. А. Маевская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76

М-35041 Подписано к печати 15/V 1968 г. Формат 84×108 1/16. Печ. л. 8+1 вкл. 6,36 усл. печ. л. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 330 000 экз. Зак. 1185. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

c3 c1 h2 b4 g1 a3 e1

d6 f6 c7 f4 a5 e7 e5

КОМБИНАЦИЯ

a3 b2 d2 e3 g1 h4 a7 c5 e5 e7 f2 g7

КОМБИНАЦИЯ

МАТ В ЧЕТЫРЕ ХОДА

c3

a1 b6 a2 g5 h6

КАК БЕЛЫМ ВЫИГРАТЬ?

c2 e4 g4

БЕЛЫЕ ВЫИГРЫВАЮТ

АРЧЕ БЕК-1

c3 h3

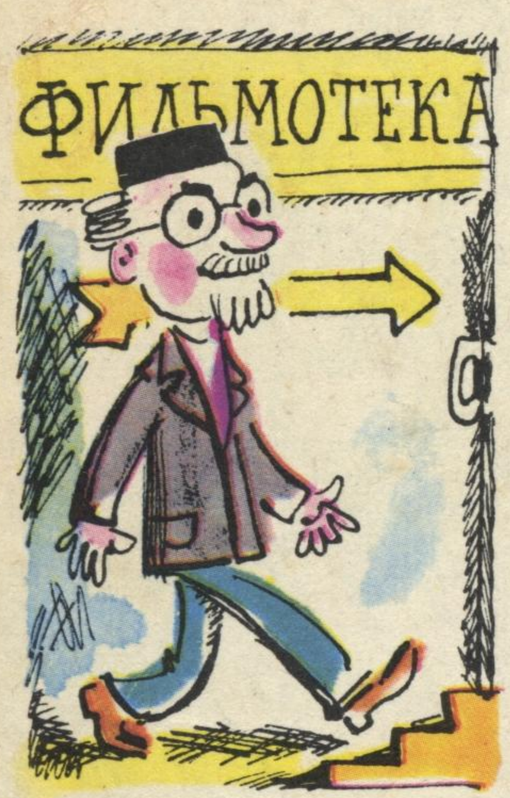
МАТ В ДВА ХОДА

a3

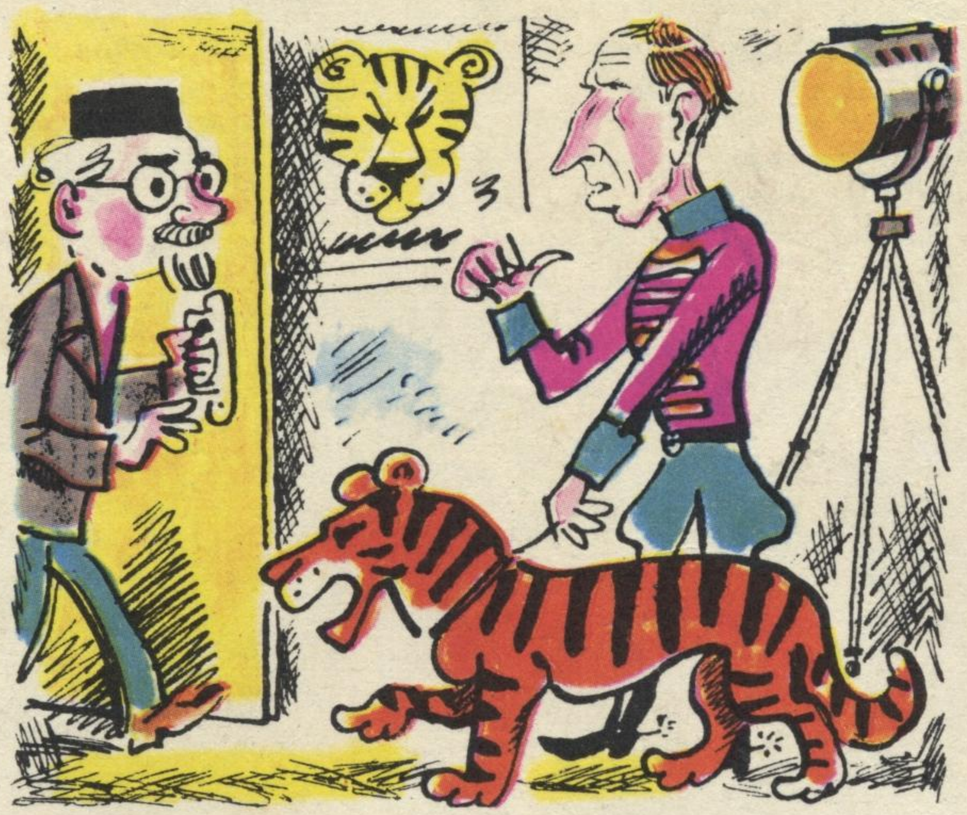
Устинов. пр. 8-4 Дорис

25 к.

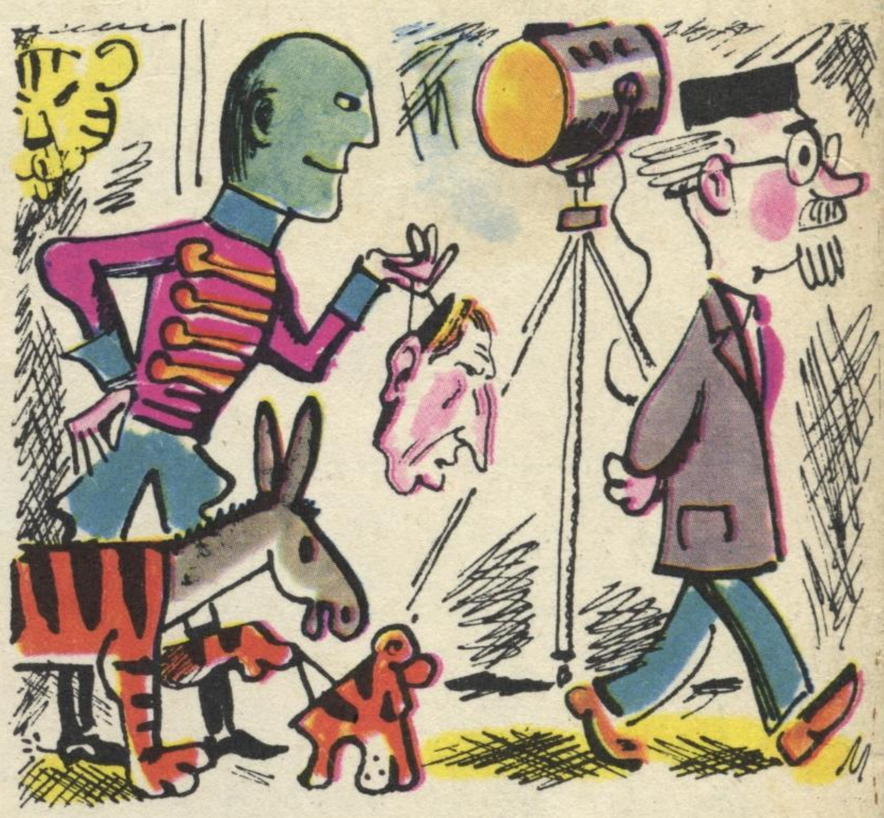
ПРИКЛЮЧЕНИЯ В ФИЛЬМОТЕКЕ



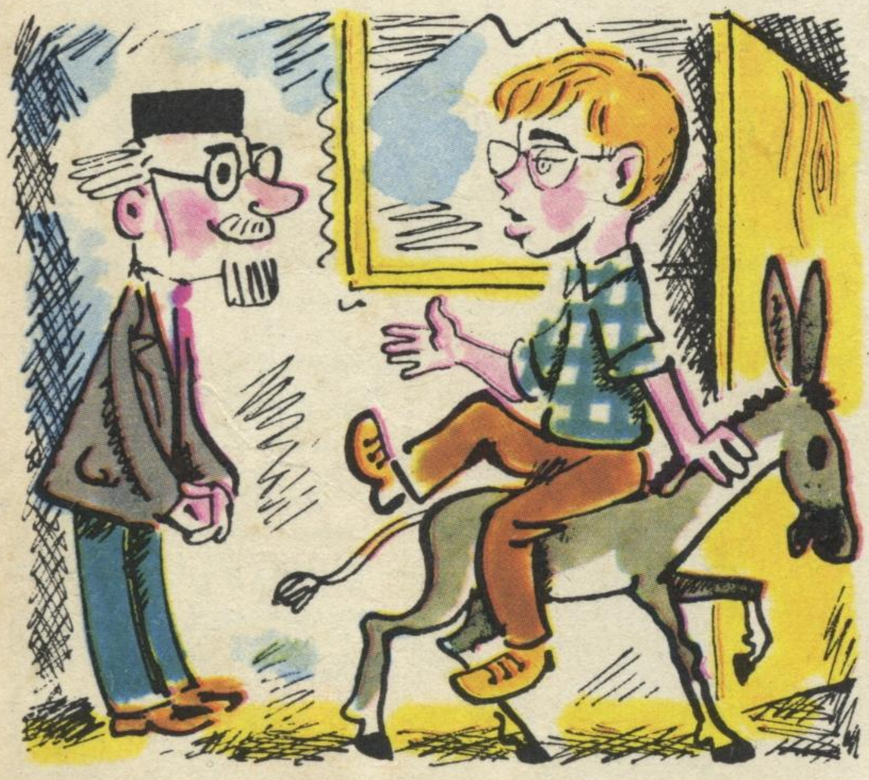
Наш веселый друг в поисках забавных историй . . .



— Я изумительный, восхитительный, укротительный, а если вам нужен кто-нибудь поскромнее . . .



. . . пройдите дальше. Ха-ха-ха.

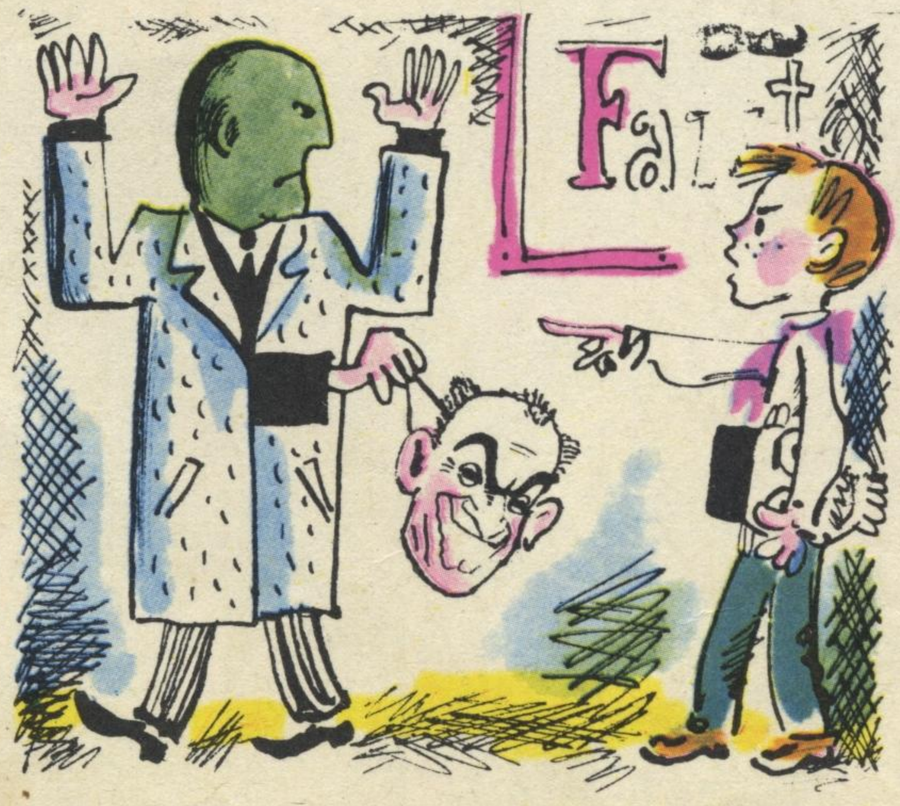


— Да я и сам люблю собирать веселые истории. В соседней комнате. . .

. . . я вам кое-что покажу. Ха-ха-ха.

— Вот, что я покажу! Маску долой, Фантомас!

— Нет-нет я, Костя Тёркин. А вы?



— !!!

— Не бойся, Костя! Ты хотел меня провести, а я и есть . . .

. . . **Веселый архивариус.** А секрет всех моих масок пусть раскроют знатоки кино! Ждем подробных писем!